

В этом номере

ISSN № 0130-7045

Ш. ИСМАИЛОВ,
секретарь Дагестанского обкома КПСС

ЧЕЛОВЕК В КОЛЛЕКТИВЕ

В. ШЕВЕЛЕВ

**ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ
РАСЧЕТ И МОРАЛЬ**

А. КИППЕР

**ПОЗНАНИЕ
БЕСКОНЕЧНОСТИ**

С. ГУЩЕВ

**СУПЕРПРОГРАММА
«СИБИРЬ»**

НАУКА И РЕЛИГИЯ

Д. ГРАНИН

РЕКА ЖИЗНИ

Отрывки из романа

А. ВЕКСЛЕР, Б. ШЕСТКОВ

ИСКУССТВО ИЗРАЗЦА

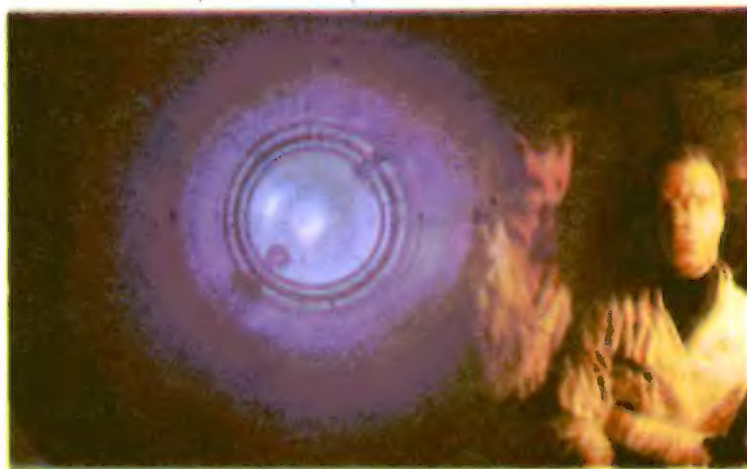
З. БАЛЕВИЦ

**ВАТИКАН
ВЕЩАЕТ...**

11 • 1979

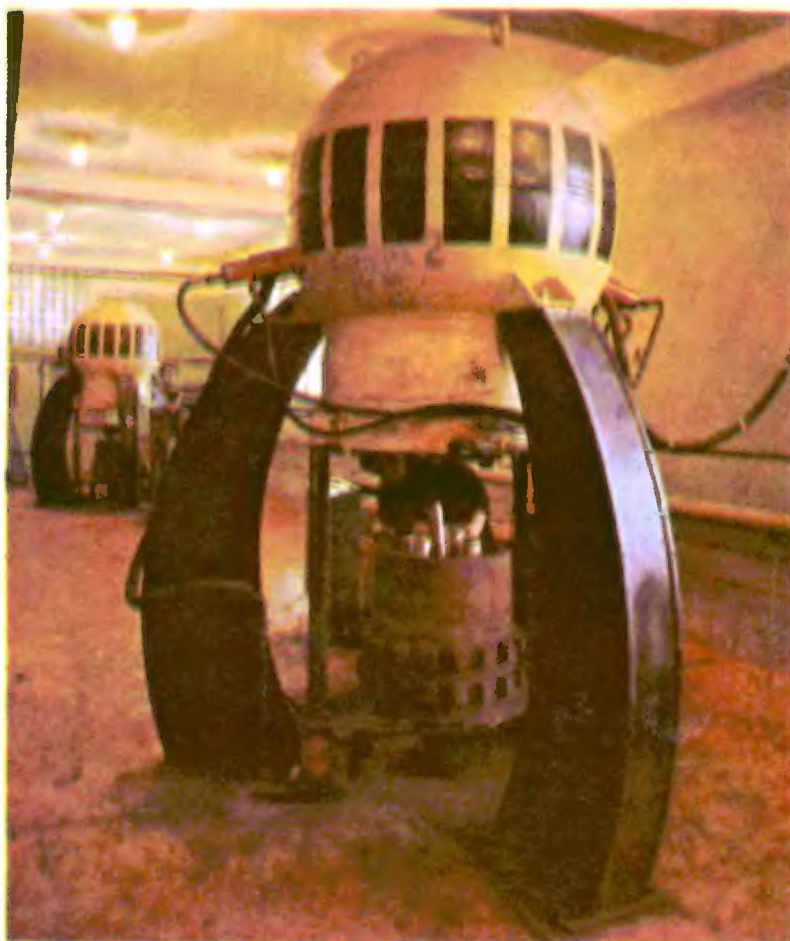
Наша планета непрерывно обдувается «солнечным ветром». Физики новосибирского Академгородка на моделях Земли и Солнца исследуют этот процесс, изучают то, как ударные волны из Космоса влияют на земную атмосферу, магнитное поле земного шара, на радиосвязь, погоду, здоровье людей.

Фото В. Резникова.



В таких установках грохочут взрывы: идет сварка меди со сталью, алюминия с бронзой. Предложенный сибирскими учеными метод сварки взрывом из экспериментального стал обычным, производственным.

За короткое сибирское лето нужно получать высокие урожаи... На это направлены усилия ученых-растениеводов Сибирского отделения ВАСХНИЛ.



Создавать в трубах глубокий космический вакуум, обстреливать молекулы определенного газа лучом лазера — надежный метод изучения строения вещества. Этим способом часто пользуются новосибирские физики.



ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ АТЕИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
«ЗНАНИЕ»

Год издания двадцать первый

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. С. ИВАНОВ
(главный редактор),

А. В. БЕЛОВ,
М. М. ДАНИЛОВА,
Е. В. ДУБРОВСКИЙ
(ответственный секретарь),
И. М. КИЧАНОВА,
Э. И. ЛИСАВЦЕВ,
Р. Р. МАВЛЮТОВ,
Б. М. МАРЬЯНОВ
(зам. главного редактора),
В. П. МАСЛИН,
М. Н. МАСЛИНА,
М. П. НОВИКОВ,
А. Ф. ОКУЛОВ,
И. К. ПАНТИН,
И. Д. ПАНЦХАВА,
В. Е. РОЖНОВ,
В. Ф. ТЕНДРЯКОВ,
В. В. ШЕВЕЛЕВ.

Художественный редактор
С. И. Мартмянова,
Технический редактор
С. В. Сегаль,
Корректор
Р. Ю. Грошева.

Манет
Е. В. Карелиной.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Рукописи и фото не возвращаются.

© Журнал «Наука и религия», 1979.

НАША ОБЛОЖКА

На второй странице обложки — Сибирь научная, несколько штрихов современного ее портрета. Это — малая толика того, что вершится в лабораториях, исследовательских институтах Сибирского отделения Академии наук, и в то же время яркий показатель небывалых социальных достижений, преобразовавших отдаленный край необъятной нашей страны. Начало им положил Великий Октябрь.

Перед нами чудеса современной техники, исследовательская аппаратура, созданная для того, чтобы постигнуть строение вещества, проникнуть в тайны живой материи. На редкость дерзкая и сложная задача, стоящая перед родом человеческим, — изучать Мир, не легендарный бог, а природный, таинственный, каким он был, каким развивался и каким может стать. К этому устремлена многовековая мечта людей, на это направлена познающая мысль многих поколений исследователей.

О том, какой вклад в познание Мира вносят ученые Сибири, какие проблемы они разрабатывают, читайте в репортаже С. Гущева «В стране будущего».

Не меньше, чем тайны природы, воображение человека занимает жизнь предков, скрытая от нас чередой веков, принадлежащая другому историческому времени. Поэтому находки из мира материальной культуры прошлого играют особую роль, не только помогая в понимании бытовых обстоятельств давно отшумевшей жизни людей, но и в постижении их психологии, истории, особенностей мышления.

На третьей странице обложки — многоцветье изразцов, дошедших до нас со времен русского средневековья. В статье А. Векслера и Б. Шестнова рассказывается о многих приметах жизни той поры, о том, какой литературой увлекались жители Москвы, каким оружием воевали, какими духовным ценностям отдавали свое предпочтение. Всю эту информацию ученые прочли по декоративным изразцам, сотворенным русскими умельцами.

Муравлиный изразец с воинском. Улица Володарского (Гонимая слобода). Изображение публикуется впервые.



ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

- 2 Ш. Исмаилов. Труд, коллектив, личность
- 6 В. Шевелев. КПД нравственного чувства

ВСТРЕЧА С ИНТЕРЕСНЫМ СОБЕСЕДНИКОМ

- 9 А. Киппер. Что есть в небе
- 12 Б. Шинкуба. «Не говори: Абхазия мала...»

ГОРИЗОНТЫ НАУКИ

- 15 С. Гущев. В стране будущего

ПРАКТИКА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ

- 19 Г. Иванова, В. Зыбковец. «Хочу, чтобы люди верили в себя»
- 21 М. Бусыгина. Ковина и другие
- 23 В. Комаров. Их манят звезды
- 25 В. Харазов. Если взяться всем миром

ПРАЗДНИКИ, ОБРЯДЫ, ТРАДИЦИИ

- 28 Н. Евсеева. Источник душевного здоровья
- 30 Ю. Холопов. Раешники в Карелах
- 32 П. Дудочкин. Неписанные законы

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- 34 Л. Попов. Взгляд из сегодняшнего дня
- 35 Е. Корженко. Судьба святой обители
- 36 Ю. Шультейстер. Пособники

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ, ВЕРУЮЩИЙ

- 39 Н. Красников. Традиция одерживает верх
- 41 М. Попова. «Спасительная» миссия дзен

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

- 45 Д. Гранин. Река жизни
- 51 К. Вахлис. Анкар спорит с Аллахом
- 53 А. Векслер, Б. Шестков. Красота рукотворная

ЛИСТАЯ КАЛЕНДАРЬ

- 56 Г. Малюченко. За что был казнен Франсиско Феррер

В СТРАНАХ СОЦИАЛИЗМА

- 58 А. Балинт, Г. Гече. Размышления над фактами

ЗА РУБЕЖОМ

- 61 П. Каушанский. Встреча с Родиной
- 62 З. Балевиц. «Говорит радио Ватикана...»



На заводе имени Гаджиева трудятся представители 36 национальностей. Интернациональная бригада коммунистического труда, возглавляемая Ю. Наги-Заде, — инициатор многих добрых дел в коллективе.

КОЛЛЕКТИВ,

Советский человек прочными нитями связан с коллективом, в котором он трудится и где, следовательно, проводит значительную часть своей жизни. «Наш завод» или «наш цех», «у нас в бригаде» или «в нашем колхозе», «на нашей стройке» или «у нас на ферме» — эти слова люди повторяют ежедневно в разговорах с друзьями, с родными, знакомыми. Чувство принадлежности к коллективу, причастности общему делу присуще абсолютному большинству советских тружеников, оно стало одной из самых характерных черт нашего образа жизни. Каждый знает, что прежде всего там, где он трудится, предоставлены ему государством реальные возможности для приложения творческих сил и способностей, для всестороннего развития личности.

Трудовой коллектив — это основная ячейка социалистического общества, и не случайно в новой Конституции СССР ему законодательно предоставлены широкие права в планировании производства и социального развития, в подготовке кадров, повышении их квалификации, в воспитании у людей коммунистических убеждений и нравственных качеств. В выступлении в Комсомольске-на-Амуре во время своей поездки по Сибири и Дальнему Востоку товарищ Л. И. Брежнев подчеркивал: «Законодательно закрепив за трудовым коллективом его значение как первичной ячейки всего нашего хозяйственного механизма, советское общество предоставило ему очень широкие права в решении важнейших государственных дел. Такими правами трудящиеся не обладают нигде в мире». Одним

из этих важнейших государственных дел несомненно является воспитание нового человека, строителя коммунизма.

В деятельности трудового коллектива формируются и ярко проявляются такие черты нашей жизни, как взаимопомощь, товарищество, ответственность каждого за общее дело, общественно-политическая и трудовая активность людей. Не случайно постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» придает большое значение воспитательным функциям трудового коллектива, ставит перед партийными организациями задачу добиваться повышения их роли не только в производстве, но и в идейно-воспитательной деятельности. Трудовые коллективы решают в комплексе задачи коммунистического строительства, именно здесь практически осуществляется теоретическое положение XXV съезда КПСС о комплексном подходе в воспитательной работе, о единстве идейно-политического, трудового и нравственного воспитания.

В комплексном подходе решаются и вопросы интернационального и атеистического воспитания, которые неразрывно связаны. Эта связь хорошо видна в условиях нашей многонациональной республики.

У нас в Дагестане практически любой коллектив — многонациональный. Это закономерно — в республике на сравнительно небольшой территории — 50 тысяч квадратных километров — живут представители 70 наций и народностей страны, в том числе более 30 народностей и этнических групп Дагестана. В республике немало предпри-

тий, где трудится не один десяток национальностей.

Происходит интернационализация жизни и в сельской местности. В течение многих лет в республике проводится планомерное добровольное переселение на равнину жителей высокогорных районов — аварцев, лезгин, лакцев, даргинцев и других. В горах они жили однонациональными аулами, на равнине неизмеримо расширилась сфера их межнационального общения.

В таких условиях нормальная жизнь, производительный труд возможны, когда интернационализм становится повседневной нормой всех и каждого, когда он утверждается не только в производственной сфере.

Богатый опыт Дагестанской партийной организации в воспитании интернациональных коллективов убедительно показывает, что утверждение интернационализма в сознании и поведении людей самым непосредственным образом связано с преодолением религиозных предрассудков. Он обогащает личность, делает взгляд людей на мир шире и тем самым способствует вытеснению религиозной идеологии из духовной жизни. В свою очередь, атеистические убеждения помогают формированию психологии, свободной от предубеждения в отношениях с представителями различных народов.

В наших трудовых коллективах еще нередко

ЛИЧНОСТЬ

Фото Г. Киселевой.



Директор школы в с. Усиша заслуженная учительница Дагестанской АССР Х. А. Казиева беседует с женщинами.

встречаются люди верующие. Главным образом это представители трех вероисповеданий — ислама, христианства, иудаизма. Прежде религиозная принадлежность была тесным образом связана с национальной, отделяла людей разных национальностей друг от друга, создавала и поддерживала отчуждение. Даже представители тех или иных

профессий по традиции были людьми определенной национальности и, следовательно, вероисповедания.

Труд в многонациональном коллективе отодвигает на второй план многие требования религии. Верующие люди сознают всю их бессмысленность в применении к поведению на работе. Они сплошь и рядом отступают от них — совершенно сознательно и добровольно. Взять хотя бы религиозный запрет трудиться в выходные дни, установленные для каждого из трех названных вероисповеданий — пятницу, воскресенье, субботу. Работавшие верующие не считают его столь необходимым. Так невольно религия перестает быть для них абсолютной истиной, регулятором поведения в той или иной сфере жизни. Дело даже не в том, что для верующих тут перестают действовать те или иные религиозные запреты. В трудовом коллективе многое способствует атеистическому мировосприятию, выработке иммунитета к чуждой идеологии, к чуждым влияниям и нравам. Его жизнь настолько полна, осмысленна, многогранна и значительна, что если человек воспринимает ее во всей этой полноте, то у него не будет нужды в иллюзорном ее выполнении.

Разумеется, все это верно при условии, что коллектив настоящий: дружный, работоспособный, со своими хорошими традициями, нацеленный на сознательное выполнение задач коммунистического строительства. Только тогда он сможет выполнять сложные воспитательные функции, о которых говорится в постановлении партии «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». Формирование такого коллектива — не стихийный процесс. Партийная организация республики проявляет постоянную заботу об этом, так же как и о том, чтобы в сложившихся коллективах сохранялась здоровая атмосфера.

С самых первых лет Советской власти и по сегодняшний день труженики Дагестана становились свидетелями и участниками объективных процессов, которые способствовали формированию интернационализма и атеистического миропонимания. В ходе строительства социализма рождалось и крепло чувство родства с русским народом, со всеми нациями и народностями страны, которые помогали дагестанским народам в преодолении вековой отсталости, ликвидации патриархального уклада жизни, в развитии собственной литературы, искусства.

Буквально вся страна принимала участие в строительстве крупнейшей на Северном Кавказе Чиркейской ГЭС. Оборудование и материалы для нее поставляли более 200 промышленных предприятий Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии, Азербайджана, Армении, Грузии — почти всех союзных республик. Вместе с дагестанскими рабочими и специалистами ее сооружали представители более 50 национальностей нашей Родины. Основное ядро, костяк многотысячного отряда строителей составляли высококвалифицированные специалисты, приехавшие в Дагестан со всесоюзных строек.

Члены трудовых коллективов на примере своей работы убеждаются ежедневно, что экономика Советского Дагестана — это составная часть могучего и единого народнохозяйственного комплек-

са страны и развивается на основе общегосударственного плана. Рабочему, колхознику очевидно, что нельзя успешно развивать, например, сельское хозяйство без харьковских, минских, ленинградских тракторов, «россельмашевских» комбайнов, минеральных удобрений и химикатов, поступающих в республику с 28 предприятий страны, без огромных капитальных вложений на орошение и мелиорацию, выделяемых Советским государством.

В то же время сельские труженики Дагестана выполняют свой интернациональный долг перед советским народом, ибо в увеличении производства зерна, мяса, молока, шерсти, винограда, консервов и других продуктов, вырабатываемых в республике, в равной мере заинтересованы все братские народы нашей страны.

Маленький Дагестан не чувствует себя брошенным на произвол судьбы. Он — вместе со всем народом страны, страна всегда вместе с ним. Когда в мае 1970 года подземные толчки частично или полностью разрушили много населенных пунктов, республике была оказана огромная помощь всеми народами страны. Благодаря этому за короткий срок не только были полностью ликвидированы последствия землетрясения, но и обеспечен новый, значительный рост экономики и культуры республики.

Реальность советской жизни лишила смысла старую «мудрость», тесно связанную с религиозной идеологией: «Каждый за себя, один бог за всех». Теперь, пожалуй, и у верующих на деле действует мудрость другая: «На бога надежды — сидеть без одежды». Сегодня надежды у нас более реальные: на свой труд, на братскую помощь всех народов страны. И принцип другой: «Один за всех и все за одного». В совместном труде во имя общих интересов и единых целей, в обстановке товарищеской взаимопомощи и здорового трудового соперничества люди сближаются, ускоряются процессы консолидации народностей Дагестана как между собой, так и с другими братскими народами Советского Союза.

Отмечая объективность этих процессов в обществе развитого социализма, наша партийная организация вместе с тем помнит указание товарища Л. И. Брежнева: «Морально-политические качества советских людей формируются всем социалистическим укладом нашей жизни, всем ходом дел в обществе, но прежде всего целенаправленной, настойчивой идейно-воспитательной работой партии, всех ее организаций». В центр этой работы мы ставим трудовой коллектив, делая его и объектом, и субъектом воспитательной деятельности.

Было бы неправильно утверждать, что у нас все без исключения избавилось от националистических предрассудков. Кое-кто по-прежнему стремится увековечить отжившие традиции и обычаи, чрезмерно преувеличивает, подчеркивает национальные особенности и различия; в сознании и поведении отдельных людей проявляются национальная ограниченность и эгоизм; национальное преподносится как главное в личности. Часто дело осложняется еще и тем, что национальный эгоизм и ограниченность выступают в тесной связи с религиозными пережитками. Вследствие многовекового господства религии в Дагестане, в сознании ве-

рующих переплелось религиозное и национальное. Это явление чрезвычайно живучее, оно цепко держится в психологии людей, недостаточно зрелых в политическом отношении. Такие представления наносят вред делу интернационализма и еще раз показывают необходимость единства интернационального и атеистического воспитания. Партийные организации республики ведут огромную воспитательную работу в трудовых коллективах, разъясняя смысл объективных процессов в социалистическом обществе, показывая глубокий интернационализм нашей жизни, когда при уважении к национальному достоинству каждого народа недопустимы национальная ограниченность и кичливость.

Актуальность настойчивой повседневной работы по интернациональному и атеистическому воспитанию людей в трудовых коллективах диктуется также и остротой идеологической борьбы на международной арене. В радиопередачах на Кавказ и Дагестан, в своих публикациях буржуазные пропагандисты, используя в среде эмигрантов всякого рода отщепенцев и предателей Родины, пытаются исказить, оклеветать решение национального и религиозного вопросов в СССР, умалить великие завоевания ленинской национальной политики в нашей стране, их неоценимое историческое значение, особенно для малых народов.

Большую, многогранную работу по интернациональному и атеистическому воспитанию у нас проводят агитколлективы, группы политинформаторов, лекторские группы предприятий, колхозов и совхозов. В партийных организациях республики насчитывается 18 тысяч лекторов, 26 тысяч политинформаторов и агитаторов. В нынешнем году в республике по проблемам ленинской национальной политики уже прочитано около четырех тысяч лекций.

Агитаторы и политинформаторы, как правило, трудятся в тех же коллективах, где ведут воспитательную работу, они хорошо знают своих товарищей, их достоинства и недостатки, изъяны в поведении и воспитании и могут повседневно влиять на них.

Многие годы работает на стекольном заводе «Дагестанские огни» университет дружбы народов, в котором по специальной программе изучаются теоретические проблемы и опыт КПСС по решению национального вопроса в нашей стране. Целями семьями посещают занятия в этом университете рабочие, инженеры, техники, служащие завода — представители более 30 национальностей. По примеру стекольщиков подобные университеты созданы и на других крупных предприятиях и стройках республики.

Здоровый коллектив, где проводится серьезная воспитательная работа в комплексе всех направлений, сам успешно выполняет важнейшие воспитательные функции и, как уже говорилось, способен противостоять чуждым влияниям, в том числе и национализму, связанному с религиозной идеологией. Именно в коллективе ясно видно, за что ценят человека, почему он пользуется (или не пользуется) уважением. И главное здесь — отнюдь не его национальная принадлежность, а профессиональные качества, мастерство, идейная убежденность, способность прийти на помощь товарищу, поставить общие интересы выше личных. Ве-

рующие, работая в интернациональном коллективе, сознательно могут предпочесть человека другой национальности (а для них это значит и другого вероисповедания) своему единоверцу, по различным трудовым и нравственным качествам. Так в коллективе изживаются националистические предрассудки, разрушается сложившаяся в сознании некоторых людей связь религиозного с национальным.

Огромную роль в интернациональном и атеистическом воспитании играют традиции, сложившиеся на предприятиях, в колхозах, бригадах. Именно эти традиции — важный признак настоящего коллектива. Наиболее характерная из них — это дружеские контакты и соревнование с родственными коллективами других городов и республик. Много лет связаны дружбой и трудовым соперничеством завод имени М. Гаджиева Махачкалы и машиностроительное предприятие «Знамя Октября» Ленинграда, дагестанские стекловары с их коллегами из Лисичанска Украинской ССР, коллективы Махачкалинского и Грозненского горпищеторгов. Представители этих коллективов периодически встречаются, взаимно подводят итоги выполнения социалистических обязательств, обмениваются передовым опытом, ездят друг к другу в гости.

Традицией для многих наших коллективов стала совместная организация досуга. Люди вместе едут в отпуск, на выходные дни, встречаются семьями, посещают кино и театры, отмечают вместе революционные, трудовые и семейные праздники. Это способствует внедрению в жизнь единых интернациональных семейно-бытовых традиций и обрядов, не связанных с религией.

В здоровом коллективе активно действует общественное мнение. Если кто-то нарушает трудовую дисциплину, посягает на нормы нашей морали, где бы это ни обнаружилось — на производстве, в семье, в общественных местах, коллектив дает этому свою оценку, меняет свое отношение к человеку.

Особенно действенно общественное мнение в сельской местности. Выразитель его — сельский сход. Эта исторически сложившаяся форма выражения коллективного общественного мнения горцев исключительно сильно воздействует на людей. В подготовке сходов принимают участие первичные партийные организации, сельские Советы народных депутатов. Они вместе с советами старейшин намечают и продумывают, какие вопросы вынести на рассмотрение общественности. О предстоящем сходе заранее широко оповещают население. Очень важно, что на сельских сходах с оценкой антиобщественных действий религиозных фанатиков, самозванных мулл, организаторов паломничества к так называемым святым местам, с осуждением лиц, нарушающих советские законы о религиозных культах, выступают не только идеологические работники, ветераны партии, но и верующие.

Можно без преувеличения сказать, что именно благодаря умелому использованию сельских сходов партийным и советским организациям Буйнакского, Левашинского, Гумбетовского, Хасавюртовского, Кизилюртовского, Каякентского, Акушинского и других районов удалось нейтрализовать оживившуюся здесь несколько лет назад деятель-

ность различных мюридских групп. Благодаря атеистическому воспитанию и воздействию общественности фактически прекратилось паломничество ко многим «зияратам» — могилам святых. На сельском сходе в селении Уллуая Левашинского района была сурово осуждена группа тунейдцев, которая спекулировала на религиозных чувствах людей, обманывала их, вела антиобщественный, паразитический образ жизни. Через год на сходе вернулись к этому вопросу. Было сообщено, что группа эта распалась, многие ее члены вернулись в совхоз и добросовестно трудятся. Были названы имена и тех, кто еще не прислушался к голосу общественности.

Широко обсуждалась во всех трудовых коллективах республики, на сельских сходах статья народной поэтессы Дагестана Фазу Алиевой «Замуж без калыма», опубликованная в республиканской и местной печати. Трудящиеся осуждали позорный обычай платы за невесту, избирали специальные комиссии по выработке и внедрению в быт нового свадебного ритуала, совершенно свободного от религиозного влияния.

Хочется отметить, что коллективы играют огромную роль в изменении психологии женщины. В труде, в общении с товарищами по работе она осознает себя полноценной личностью, имеющей право самостоятельно решать жизненные вопросы. Много значит здесь еще и пример других народов, где женщина раньше освободилась от власти религии или влияние ее было не так сильно, как, скажем, у мусульман. В коллективе разрушаются вредные традиции и в отношении к женщине.

Благодаря существованию многонациональных сплоченных коллективов из года в год растет у нас в республике количество межнациональных браков. В общем числе они составили более 15 процентов, а в городах — свыше 32 процентов. Эти цифры говорят еще и о том, что религиозное общественное мнение, которое, как известно, против таких браков, не играет уже в этой сфере решающей роли. Ислам запрещал браки мусульман с иноверцами, с людьми другой национальности, они были редкостью.

Несмотря на то, что в нашей республике ведется разнообразная работа по воспитанию коллективов и в коллективах, мы еще далеко не полностью используем возможности, которые предоставляет нам это широкое поле деятельности. Религиозные обряды, например, совершают не только старые, малограмотные люди, живущие вне сферы влияния трудовых коллективов, но порой и молодые, родившиеся и выросшие в советское время, члены трудовых коллективов. Точно так же бывает, что носителями националистических предрассудков выступают не только тунейдцы, но и некоторые квалифицированные работники предприятий, колхозов и совхозов.

Областной комитет КПСС неустанно совершенствует стиль и методы своей работы по коммунистическому воспитанию трудящихся, формированию у них глубоких интернационалистических убеждений и научно-материалистического мировоззрения, в полной мере используя в этих целях весь богатейший идейный арсенал нашей партии.

г. Ма х а ч к а л а

К П Д НРАВСТВЕННОГО ЧУВСТВА

В. ШЕВЕЛЕВ,
специальный
корреспондент журнала
«Наука и религия»

МОЯ СОБЕСЕДНИК пожимает плечами:
— Читателям «Науки и религии»? А
что я могу им рассказать? Мои дела —
сев да уборка, норма да запчасты...

Директору совхоза «Электронский»
Д. Е. Плетенецкому — за 40, он коренаст, плотен в плечах, несуетлив, основателен, говорит, сперва подумав. Правда, есть в его внешности одна деталь, которая противоречит общему солидному виду — на лоб Дмитрия Ефимовича свешивается лихой мальчишеский чуб.

Мы разговариваем в директорском кабинете, в кабинете секретаря парткома, идем к Плетенецкому домой, знакомимся с женой и дочерью, затем осматриваем хозяйственные постройки. Здесь Дмитрий Ефимович оживает, начинает рассказывать о том, что совхозу удалось сделать и что еще предстоит. Но наш разговор не об этом. Не сразу переключается директор совхоза на иные, не так часто обсуждаемые темы. А потом увлекается. И становится видно, что эти темы его серьезно занимают.

Самые веские аргументы

— С делами, о которых вы ведете речь, я впервые столкнулся в Мультинском совхозе, куда меня назначили директором. Это место, где живут много староверов, и когда дед — вот с такой бородачей — начинает спрашивать о смысле жизни, о смерти и бессмертии, тут не отделаешься пустяками и шутками. Пришлось

находить время, чтобы готовиться к беседам.

Дмитрий Ефимович останавливается, что-то припоминая.

— Стал я рыться и в исторических книжках, и в научных, а только скоро понял, что в словесных наших соревнованиях мало проку.

Он снова задумывается.

— Тут спор не словами решался. Можно ли убедить верующего человека в том, что наша жизнь справедливее и добрее жизни в религиозной общине? Можно, помоему, только одним способом: сделать ее такой. Самый убедительный аргумент.

Я и раньше, конечно, к этому стремился, но тут строже стал смотреть, как у нас получается: справедливо ли оценивается труд в хозяйстве, не обижают ли кого, помогают ли больным и старым, вовремя ли приходят на помощь человеку, который попал в беду.

И когда самые уважаемые в деревне деды-староверы стали издали на улице останавливаться, чтобы со мной поздороваться, стали ко мне приходить за сове-

том, не скрою: я этому радовался больше, чем многим своим наградам.

На деле — труднее

— Мы твердо знаем: не бог, а человек растит сады, строит дома, придумывает умные машины. Ясное дело — человек заслуживает самого глубокого уважения. Правильно? Правильно. Однако это легко сказать, а на деле? На деле труднее — знаю по собственному опыту.

Назначили меня директором совхоза. Прибегаю в мастерские — усталый, задерганный, раздраженный: ребята, как же так, время пахать, а трактора стоят! Горючо объясняю все обстоятельства и последствия, но в какой-то момент замечаю, что слушают меня плохо. Почему? А потому, оказывается, что я не спросил их резоны. Спросил, узнал бы, что незачем было ругаться — мастерские ни в чем не виноваты. Да еще в суматохе забыл поздороваться с каждым за руку. Между прочим, сибиряки к этому очень



Д. Е. Плетенецкий
(в центре)
на Празднике
первой борозды.

Фото М. Железнова.

внимательны. Вот и смотрят на меня ремонтники хмуро: что за птица такая к нам залетела?

Мелочь? Конечно, мелочь. Но из таких мелочей и складываются человеческие отношения.

Замечаю я, что на ферме грязно. Безобразие? Безобразие. Приказываю: навести порядок, убрать навоз! Но пожилой опытный скотник мне возражает: подожди, не спеши, на улице морозы, телята маленькие — как бы не померзли на чистом, да холодном полу. И если я действительно — не на словах, а на деле — верю в силу и разум людей, я обязан подавить в себе раздражение и усталость, внимательно выслушать знающего человека.

Много раз приходилось убеждать: неуважительное отношение к чужому мнению всегда приносит ощутимый вред. Человек, с которым не считаются, которого не слушают, теряет интерес к делу, становится безынициативным и инертным. Как добиться, чтобы каждый рабочий совхоза чувствовал себя не механическим исполнителем, а хозяином? Надо разбудить в нем хозяйское чувство, показать ему, как много от него зависит, увлечь общим делом; не жалеть ни сил, ни времени, чтобы смысл и суть предстоящей работы сделать общим достоянием. Другого пути я не знаю...

Скрытые резервы

— К сожалению, не все хозяйственники любят думать о том, как связаны проблемы нравственности и экономики. А связь тут самая непосредственная. Скажем, обращается ко мне молодой рабочий: «Я женился, хочу дом построить». Со строительными материалами у нас плохо. Что делать? Отказать? Попросить подождать? Я отвечаю иначе: «Дом — хорошее дело. Хоть и трудно, но совхоз тебе поможет». И на самом деле стараюсь помочь и с кирпичом, и с лесом, и с транспортом. С одной стороны, мне просто хочется поддержать молодого работающего парня, а с другой стороны, у меня есть экономический расчет — совхозу от моих действий — прямая выгода. Человек, у которого есть дом, скорее всего из совхоза не уедет в другое место, работать станет лучше, чем сезонник, живущий в общежитии, да и о земле, на ко-

торой живет, позаботится — и деревья посадит возле дома, и дорожку, что мимо проходит, подправит.

Пришел с просьбой другой рабочий — крыша прохудилась, помоги, Ефимович, с шифером. Снова трудно, и снова он должен быть уверен, что я постараюсь ему помочь. Однако — всякое бывает: не получилось, не смог я выполнить своего обещания. Обязательно я того человека встречу, извинюсь, объясню — сорвалось, мол, но я свое слово сдержу, не сомневайся.

Еще случай и еще — и к тебе рождается доверие. А если рабочие твоему слову доверяют, они, естественно, с пониманием отнесутся и к твоим служебным распоряжениям.

Почувствовать стыд

— Верующие говорят: «Способность человека отличать хорошее от дурного — божий дар». А я думаю: любой человек без помощи потусторонних сил может отличить, где черное, а где белое, может правильно судить свои и чужие поступки. Как бы иначе люди жили вместе? Правильно судить свои поступки человеку помогает общественное мнение. Сколько раз убеждался, человек — хоть самый отпетый — не может оставаться равнодушным к мнению окружающих. Это — мощная сила.

Прогулял человек. Как с ним поступать? Наказываем: штрафует, записываем выговор. Подействует? Подействует, если человеку станет стыдно. Вот я и прошу прогульщика встать перед людьми, с которыми он вместе работает, и тут читаю свой приказ. Не так уж важно, сколько людей собралось. На ферме, может быть, всего пять человек работают. Важно, чтобы виноватый действительно чувствовал, что его осуждают, чтобы ему было неловко смотреть в глаза людям. Иначе и собираться нечего.

Притом стыдить человека можно, а обижать нельзя ни в коем случае. Во время общественного обсуждения бывает полезно виноватого похвалить, вспомнить о нем что-нибудь хорошее. Обидные слова никогда пользы не приносят.

Не все люди одинаково пони-
мают одни и те же слова. Бывает

так: лентяем назвал — спокойно принял, а в слове разгильдяй увидел оскорбление, разговаривать с тобой перестал.

Праздник так праздник

— Беда наша — пьянство. И беда, и горе, и позор — не знаю, какие тут еще слова сказать. Верующие говорят: божье, мол, наказание, за грехи, ничего не напишешь. Только я так рассуждать не могу, я обязан выход искать — как с этим злом бороться.

Думаю, что организованный праздник, пусть даже и с вином, лучше неорганизованной пьянки. Руководитель должен чувствовать, когда людям необходима передышка, разрядка: после сева или уборки. Если я этот момент упущу, обязательно сами собой начнут складываться компании и соображать насчет бутылки.

Правильнее взять инициативу в свои руки. Выбираем авторитетную комиссию, назначаем день, вскладчину организуем стол. Тут уж праздник как праздник: все нарядно одеты, все чувствуют себя на людях, значит, лицом в грязь ударить — позор.

Недавно мы в совхозе проводили Праздник первой борозды. Неплохо получилось. Я, когда людей поздравлял, сказал немного, но постарался, чтобы слова были особенные — душевные, праздничные... Наши рыбаки рыбы наловили — хоть мелкой, да много. Ухой всех угостили. Концерт самодельный организовали.

Я, кстати, самодельности придаю большое значение. У нас, бывало, концерты шли по два часа с лишним. Перерыв не объявляли, а никто курить не выходил. Для экономии времени решили не называть, кто выступает, — все и так друг друга знают. Настолько людям хотелось показать свои способности. Я и сам люблю выступать. Люблю читать Твардовского — «Переправа, переправа! Берег левый, берег правый...»

Самодельность дисциплинирует людей, делает их лучше. Человек выступил, показал, на что способен, все ему хлопают. Естественно, он и дальше хочет таким быть, какому зал аплодировал.

У человека велика потребность показать себя с лучшей стороны. Это надо учитывать. Конкурсы и соревнования, которые мы проводим в совхозе, пользуются

большим успехом Трактористы и шоферы соревнуются за первое место по фигурному вождению трактора, у доярок свои соревнования. Помню, как одна наша доярка, когда разбирала доильный аппарат — а хотела быстрее, — вошла в такой азарт, что стала себе помогать зубами. Все ей очень сочувствовали.

Природа слова «скучно»

— Опасное слово. Давно замечено: человек, которому скучно, плохо работает. От скуки человек ищет убежище и порой находит его совсем не там, где надо. Например, в церкви или молитвенном доме. Руководителю следует об этом помнить, следует учитывать — на том ли месте такой-то человек работает? По душе ли ему дело, которым он занимается? Может быть, поставить Петрова на место Сидорова, а Сидорова на место Иванова? Еще важнее помочь человеку проявить в своем деле творчество.

Годами таскали скотники кормовую смесь, мозоли на руках набивали. А потом пришел молодой бригадир, посмотрел свежим взглядом, и оказалось, что можно работать иначе. Натянули трос, повесили бадью на колесиках, и покатила тяжелый груз, не забывая у человека ни сил, ни времени. И людям вокруг стало интересно, они стали тоже размышлять: что еще можно сделать, чтобы сил тратить меньше, а работать лучше.

Миром

— Важнейшее условие нормальной жизни коллектива — чувство локтя, уверенность каждого: случись что, тебе миром помогут.

Сравнительно недавно у одного рабочего сгорел дом. Конечно, совхоз выделил деньги, но еще решили собрать по деревне — кто сколько может. Ни один человек в стороне не остался.

Без чувства товарищества, взаимовыручки, общности жить трудно. А чувство это рождается в делах. Меня многому научило строительство моста через реку Катунь возле села Мульты. Не один год с тех пор прошел, а запомнилось это строительство надолго.

Мост был там нужен позарез, и ждать, пока его построят обыч-

ным порядком, не было никакой возможности, да и надежды тоже. Решили строить сами, народным способом. На сходе выбрали общественного казначея, собрали с каждого двора по три рубля (руководители хозяйства дали по десять). Группа умельцев разработала план конструкции, вся округа вышла на стройку.

Построили мост.

А весной, в половодье, Катунь снесла опоры, порвала трос, и не стало моста. Что делать? Один выход — новый мост строить. Снова собрали сход — на этот раз решили вносить по десять рублей (руководители по 50). И комплексная бригада, вооруженная опытом, с учетом прошлых ошибок, построила новый мост — лучше и крепче прежнего. До сих пор стоит.

Телеустановку тоже монтировали общими силами. Теперь телевизор есть почти в каждом доме. И видимость неплохая.

Очень важен первый успех. Стоит однажды увидеть, чего можно добиться общими силами, как на следующий раз все окажется гораздо легче: и договориться, и на временные лишения пойти, и самолюбием поступиться, если дело того требует...

Истоки оптимизма

— Я выписываю много журналов: кроме специальных агрономических и животноводческих, «Технику — молодежи», «Науку и жизнь», «Рационализатор и изобретатель»... Всюду стараюсь почерпнуть что-то, что может помочь хозяйству. Конечно, мне приходится все время думать о сегодняшнем дне. Но какой же я буду руководитель, если забуду о дне завтрашнем? Что, например, можно сказать о хозяйстве, в котором разводят овец и не заботятся о структуре стада — вместо маток, от которых и шерсть и приплод, держат валухов?

Мы в «Элекмонарском» стараемся жить с перспективой. Вот, например, намереваемся серьезно заняться разведением хмеля. Очень выгодная культура. Спрос на хмель большой. А кроме своего основного назначения, листья и побеги — прекрасный корм для скота. Если дело у нас пойдет, получим чешский хмелеуборочный комбайн. И тут уж двинемся...

Есть такая сказка про двух лягушек, которые попали в кринку со сметаной. Первая видит, что спасенья нет, сложила лапки и пошла на дно. Вторая стала барахтаться, из сметаны сбилось масло, а по твердой основе шустрая лягушка выбралась на волю.

Правая сказка — нет безвыходных положений. Не поддался унынию, начал барахтаться, смотришь — под ногами намечается некоторая твердость. И снова убеждаешься: ни при каких условиях нельзя сдаваться.

Ну, а раз мы оптимисты по своей природе, то и жить нам надо веселей. Я убежден: руководитель, который не умеет пошутить, сам не понимает шуток, — плохой руководитель. Я себе взял за правило: встречаешься с людьми, улыбнись. Может быть, ты перед этим с женой поругался или еще что-то неприятное случилось, но ты свое раздражение спрячь в карман и все равно улыбнись. От твоей хмурости у людей может испортиться настроение, а от улыбки — поднимется. С хорошим настроением работать лучше — это все знают...

Жизнь складывалась таким образом, что мне несколько раз приходилось начинать в отстающих хозяйствах — в совхозах «Ыныргинский», «Элекмонарский». А с чем прежде всего сталкиваешься в отстающем хозяйстве? С унынием. Люди не верят в свои силы, не верят, что плохое положение можно исправить. И если это состояние не изменю, если не создам оптимистический настрой в коллективе, я и хозяйственные проблемы не сумею решить.

От Элекмонара до Горно-Алтайска несколько часов пути по знаменитому Чуйскому тракту — широкой и удобной дороге, умелыми руками проложенной по берегу Катунь. Путнику кажется, будто он движется вместе с рекой, повторяя могучие изгибы русла. Но вода внизу, зажата берегами, а он здесь, наверху, и ему в своем движении далекие видны горы, заросшие лесом, далекие Катунь, простор вокруг.

На берегу — памятник одному из создателей Чуйского тракта — писателю Вячеславу Шишкову. На камне высечены его слова: «Я люблю Алтай крепко, с нарядным годом любовь моя растет».

Шишов сыграл свою роль в судьбе Плетенецкого. Дмитрий Ефимович родился в Житомирской области, но так ему понравился роман писателя «Горные орлы», что после армии захотел он работать на Алтае. И поехал на высоту и просторы.

Ну, а если бы не сюда попал Плетенецкий, а в другое место, где нет гор, но есть, например, степь? Конечно, это многое бы изменило в его судьбе. А только самое главное — вера в человека и его возможности, желание и умение здесь, на земле, устроить жизнь справедливую и разумную — осталось бы, наверное, прежним. Такой уж характер...

ЧТО

Встреча с интересным собеседником

АКСЕЛЬ КИППЕР — АКАДЕМИК АН ЭСТОНСКОЙ ССР, ИЗВЕСТНЫЙ СПЕЦИАЛИСТ В ОБЛАСТИ АСТРОФИЗИКИ, ОДИН ИЗ ОСНОВАТЕЛЕЙ НОВОЙ ОБСЕРВАТОРИИ В ТЫРАВЕРЕ, ДОЛГИЕ ГОДЫ БЫЛ ДИРЕКТОРОМ ИНСТИТУТА ФИЗИКИ И АСТРОНОМИИ АН ЭССР, ЗАВЕДОВАЛ КАФЕДРОЙ В ТАРТУСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ.

В БЕСЕДЕ С КОРРЕСПОНДЕНТОМ ЖУРНАЛА А. Харьковским А. КИППЕР РАССКАЗЫВАЕТ О ТОМ, КАК СКЛАДИВАЛАСЬ ЕГО ЖИЗНЬ В НАУКЕ, КАК ФОРМИРОВАЛОСЬ ЕГО МИРОВОЗЗРЕНИЕ.

ЕСТЬ



В НЕБЕ

Я — старый эстонский ученый. Как ни грустно, но это приходится признать: время — категория объективная. В 1977 году я, как говорится, разменял восьмой десяток. Незадолго до этого передал главное свое детище — обсерваторию в Тыравере — в руки молодых. Однако продолжаю работать, читать лекции... И если я называю себя старым, то это не из-за числа лет, просто темпы развития науки в последние полвека таковы, что мне кажется, я прожил не одну, а несколько жизней.

Мысленно я все чаще возвращаюсь к середине двадцатых годов, когда из Вильянди в Тартуский университет приехал невысокий юноша Аксель Киппер. Мне кажется, я вижу его со стороны и могу говорить о нем, словно это был не я, а кто-то другой.

Это теперь наука престижна. Тогда же ученых часто считали чудачками, и не так-то легко было решиться идти в науку. К тому же на всю Эстонию был один сравнительно небольшой университет — Тартуский. И все-таки главные трудности на этом пути были для меня не внешние — внутренние...

Мой родной Вильянди и сейчас невелик, а тогда в этом совсем маленьком патриархальном городке центром «культурной» жизни была церковь. И священник, опираясь на тысячелетние догматы христианства, отвечал людям на все вопросы бытия. Но если все наперед ясно, то стоит ли пытаться природу, стараться раскрыть ее тайны.

В школьные годы мне попала подзорная труба. Я ее навел на небо и — «открылась бездна, звезд полна, звездам числа нет, бездне — дна». Конечно, Вселенная вызвала у меня вначале только восторг. Но вместе с тем в детском мозгу стали возникать и вопросы: а что там, за последней звездой, бесконечна ли Вселенная?

В своем небольшом городке я не мог найти ответы на «проклятые вопросы», рожденные созерцанием звездного неба. Я отправился в Тарту, твердо решив стать астрономом... И вот работаю в обсерватории с 1929 года, ровно 50 лет. Для астронома, как и для всякого исследователя, главное — любознательность, любопытство, то самое качество, которое заклеяно в библейском мифе о «первородном грехе»; ведь именно потому, что человек сорвал яблоко с древа познания добра и зла, бог изгнал его из рая и заставил в поте лица добывать хлеб свой.

Отсюда, однако, вовсе не следует, что любой астроном уже в силу своей профессии — атеист (хотя я уверен: наука и религия, безусловно, несовместимы). Я мог бы назвать некоторых моих зарубежных коллег, которые глубоко верят в бога. Эти ученые рассуждают примерно так: «Раз существует следствие — Мир, Космос, Вселенная, то должна существовать и причина, породившая этот Мир и приводящая все в движение, — то есть бог». Но из чего же следует, что Мир — это следствие чего-то сверхъестественного? Занимаясь астрономией, изучая труды своих коллег, астрономы доказывают, что природу, мир звезд и планет вполне можно объяснить на основе действующих в ней естественных законов.

За время моей жизни в науке границы наблюдаемой, известной людям Вселенной увеличились в десятки, даже в сотни раз. Однако нигде не были

обнаружены области, где бы естественные законы природы были бессильны, где действовало бы нечто сверхъестественное, которое религия ставит вне природы, над ней,— словом, нигде не обнаружены следы бога.

Но давайте вернемся в 20—30-е годы, когда я, еще молодой ученый, работал в обсерватории. Был ли я в то время уже атеистом, сознательным, последовательным противником религии? Пожалуй, да. Как и мой отец, я никогда не верил в бога, был человеком свободомыслящим. Однако нельзя жить в обществе и быть свободным от него. Не забывайте, что религия была одним из устоев буржуазной Эстонии. Последовательным материалистом, атеистом меня все больше делала сама жизнь, логика развития науки.

Работая в буржуазной Эстонии, мы чувствовали, что, хоть и не прямо, зависим от церковных кругов: «отцы республики» прислушивались к ним, прежде чем выделить жалкие гроши для переоборудования нашей обсерватории. Мы работали тогда с телескопами, которым самое место было в музее. Новые, современные инструменты были получены только после победы у нас Советской власти.

На первый взгляд может показаться странным: ну как церковь могла сдерживать развитие науки? Ведь уже не XVII век, когда сожгли Джордано Бруно, а XX... Для ответа тут хотелось бы вспомнить работу эстонского ученого И. Рейнвальдта. В 20—30-е годы, когда я и мои коллеги изучали метеориты, он доказал, что кратеры на острове Сарема — результат взрыва гигантского метеорита. После того как его поддержал приехавший в Эстонию известный геофизик А. Вегенер, остров посетил сам президент буржуазной Эстонии Пятс, он сфотографировался на фоне кратеров. Но этим «содействием» ученому и закончилось, а газеты писали: Рейнвальдт своим открытием пропагандирует «грубый материализм». В конце концов кто-то тайком разрыл часть кратеров, и ученому пришлось прекратить свои работы*.

Нам уже тогда было ясно, кому это выгодно,— тем, кто пропагандировал сверхъестественное происхождение кратера Каали на острове Сарема и «святого» озера. Не их ли предшественники, «святые отцы» из Риги, выговаривали немецкому ученому Э. Ф. Хладни, развивавшему теорию космического происхождения метеоритов (его книга вышла в 1794 г.), за то, что он своим научным объяснением метеоритов отрицает «естественный порядок вещей» и не взвешивает, какое зло приносит «нравственному миру», то есть религии. История повторялась — сначала преследовали Хладни, затем Рейнвальдта. Она не могла не повториться, потому что наука, развиваясь, не оставляет места для религии в объяснении картины Мира. И астрономы, познавая природу, открывая новое, не могли не стать противниками религии. Так логика моей профессии все больше укрепляла меня в моем атеизме...

Остановлюсь на одном из противоречий между наукой и религией. Для астронома Земля — рядовая планета около рядовой звезды — Солнца, находящейся на периферии одной из множеств галактик — Млечного пути. А для церкви наша планета — центр Вселенной. Иначе как мог бы сын божий прийти сюда, — неужели, чтобы смертью своей искупить грехи обитателей рядовой планеты? Не буду

голословным, приведу высказывания одного из комментаторов Библии Петра Ломбардского: «Подобно тому как человек создан ради бога, для того чтобы служить ему, так и вся Вселенная сотворена ради человека, чтобы служить человеку. Поэтому человек и помещен в центр Вселенной, чтобы он мог служить богу и чтобы ему могли служить».

Как же я, астроном, познающий бесконечность Космоса, мог хоть на минуту поверить в такие слова? Ведь верить значило разделять убеждение, что существовал Христос, сын божий, которого распяли на окраине Галактики...

Собственно, иначе и быть не могло. Церковь, беря некую удобную для ее учения картину Мира, канонизирует ее, закрепляет навеки, не признает в ней изменений. Так она поступила, к примеру, с древней системой Птолемея — Аристотеля. В ней, разумеется, не было и не могло быть тогда ни Урана, ни Плутона, ни Нептуна, планет, открытых позже. И получалось, что астроному, если он человек верующий, следует не верить глазам своим и не признавать, что за орбитой Сатурна существуют еще эти три планеты.

Однако в той области знания, где я работаю, далеко не все лежит прямо на поверхности, как может показаться из моих предыдущих слов. Более того, моя область исследований такова, что нередко ученому на основе не всегда исчерпывающих наблюдений приходится рисовать более полную картину явления. И здесь не может не сказаться его мировоззрение. Тут нужен очень четкий материалистический подход к исследуемому явлению. Иначе легко сбиться на идеализм, даже прямую религиозную трактовку. А это для ученого губительно.

По узкой своей специальности я — астрофизик. Это значит, что законы физики я применяю для объяснения астрономических явлений. Одним из первых в Эстонии я взял на вооружение своей науки квантовую механику, хотя в 20-е годы не все признавали эту новую тогда отрасль знания. Вспомним, что даже великий Эйнштейн говорил о ней: «Я не верю, что господь бог играет в кости». Под богом он, разумеется, понимал природу, естественный ход вещей в микромире, когда нельзя, к примеру, указать одновременно положение и скорость элементарной частицы.

Однако скептицизм ученого никак нельзя смешивать с позицией защитников религии. Если первый ищет лишь материальных доказательств какого-то теоретического положения науки, то вторые стараются использовать каждое непонятное явление для доказательства незыблемости религиозных догм. И если учесть, что знание всегда относительно, то религия, которая может на все дать «окончательные» ответы, имеет тут преимущество в глазах людей неискушенных. И, надо сказать, широко это использует. В качестве примера приведу теорию «Большого взрыва». Согласно ей, вся материя видимой нами части Вселенной находилась некогда в сверхплотном состоянии, пока в результате ее взрыва не стали рождаться галактики, звезды, планеты... Разумеется, представить себе столь необычное состояние вещества, пользуясь земным опытом, простым «здравым смыслом», непросто. И вот

* См. об этом: «Наука и религия», 1977, № 7, стр. 52.

результат: папа римский Пий XII в специальном обращении к Ватиканской академии «Доказательство бытия бога в свете современного естествознания» настаивал на истинности библейской догмы о том, что «во время оно Вселенная вышла из рук творца».

А ведь если присмотреться, то в этом «доказательстве» все неверно. Во-первых, не было одного, единого «акта творения»: академик В. А. Амбарцумян доказал, что существуют молодые звезды и звездные ассоциации, родившиеся уже после «Большого взрыва». Во-вторых, сам «Большой взрыв» был не возникновением материи из ничего, а превращением одного вида материи в другой.

Подобные атаки, направленные по сути своей против науки, попытки церкви использовать в своих целях ее достижения только укрепляли мое отрицание догматов религии, превращали мой атеизм из пассивного в активный. Я все больше убеждался: к открытиям астрономии надо подходить с точки зрения диалектического материализма, учитывающего истинную картину Мира, а не вымышленную. Правда, сегодня церковь признает корейное различие между небесным и земным, отрицает материальность небесного, хотя спектральный анализ, образцы, полученные с Луны, исследования планет доказали материальное единство Мира. Далее богословы утверждают, что Мир ограничен во времени и пространстве, так как он сотворен богом. А данные астрономии этому категорически противоречат...

Канонические религиозные воззрения и по фор-

ме и по сути своей архаичны, от них, как говорится, несет средневековьем. Атеистом я стал до победы в Эстонии Советской власти (еще студентом я принадлежал к небольшому атеистическому кружку), но только после ее прихода смог во весь голос говорить о своем неверии. В буржуазной Эстонии это было невозможно. Разумеется, утверждению и углублению моего мировоззрения способствовала и наша советская действительность.

Кем были мы, эстонские астрономы, даже в 30-е годы? Провинциальными учеными, работавшими на задворках Европы. Победа Советской власти изменила и положение науки у нас. Наша маленькая республика имеет сейчас большую, современную обсерваторию — создание ее я считаю главным делом своей жизни. Наши наблюдатели работают в других обсерваториях, на крупнейших в мире советских телескопах — среди них и мой сын Тыну Киппер. Все вместе мы получаем такие данные о строении Вселенной, которые наносят смертельный удар религиозному мировоззрению. Как же я могу не быть атеистом?

Проиграв бой на просторах Вселенной, идеологи церкви стараются теперь уловить наши души. При этом они играют на естественном страхе человека перед смертью. Что здесь можно сказать? Жить хочется в любом возрасте. Но главное для человека — его дело. Я счастливый человек, я увидел, как моя маленькая республика стала краем развитой науки. Я спокоен, потому что в этом есть и мой труд, мои идеи, которые находят развитие в работах моих учеников. Так что вслед за поэтом и я могу сказать: «Нет, весь я не умру...»

О РАСШИРЕНИИ ВСЕЛЕННОЙ

С помощью рентгеновского радиотелескопа, установленного на борту спутника «НЕАО-2», получены данные, которые свидетельствуют о пользу гипотезы о непрерывном расширении Вселенной. Этот радиотелескоп зарегистрировал неожиданно сильное рентгеновское излучение квазаров.

Исследователи Гарвардско-Смитсоновского астрофизического центра считают, что рентгеновским излучением от удаленных квазаров объясняется значительная часть фонового рентгеновского излучения, которое обнаруживается всюду на небесной сфере.

Наиболее популярная теория для объяснения такого фонового излучения ссылается на присутствие очень горячего газа, который виден только в рентгеновских лучах, пронизывающих все космическое пространство. Если такое фоновое излучение существует, то такой газ должен обеспечить большую часть «недостающей массы», необходимой для того, чтобы Вселенная была замкнута. Однако, судя по местоположению интенсивного рентгеновского излучения от квазаров, для удержания Вселенной от расширения скрытой массы в форме газа недостаточно.

«ГАЛАКТИЧЕСКАЯ КОРОНА»

Ученые Висконсинского университета обнаружили с помощью международного спутника облако разреженного газа, окружающее нашу Галактику, и назвали его галактической короной.

Судя по данным наблюдений, эта галактическая корона простирается на расстояние примерно 25 000 световых

лет от «края» Млечного пути и его температура близка к 1 млн. градусов.

До открытия галактической короны ученые имели мало сведений о «пыли» в межгалактическом пространстве, а дальнейшее изучение этой короны может, например, способствовать получению сведений о «галактическом ветре», который уносит вещество из Млечного пути в космическое пространство.

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ НА ВЕНЕРЕ?

В облаках на Венере, вероятно, имеются колонии живых бактерий, говорят астрономы Кардиффского университета.

Венерианские облака, отмечают они, состоят не только из серной кислоты. Судя по желтоватой окраске этих облаков и наличию воды в атмосфере Венеры, можно считать вероятным существование там бактерий или отдельных живых клеток.

Два года назад эти астрономы высказали предположение о том, что бактерии изобилуют в межзвездных облаках и в Млечном пути и что этим можно объяснить возникновение некоторых эпидемий и болезней на земном шаре.

О ПРОГНОЗИРОВАНИИ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ

Европейские ученые начали работать над проблемой прогнозирования землетрясений и измерения гравитационного поля Земли с помощью спутников и наземных средств. По 1983 год включительно будет продолжаться подготовительная фаза, а затем последуют трехгодичные испытания и оценки. Программа вступит в эксплуатационную фа-

зу в начале 1990-х годов после завершения в конце 1980-х годов предэксплуатационной фазы.

Программа должна объединить уже проводимые национальные и двухсторонние исследования с использованием 150 наземных станций, которые вместе со спутниками должны регистрировать явления, интерпретируемые как предвестники землетрясений: локальные изменения гравитационных полей и скоростей сейсмических волн и локальные сдвиги земной поверхности. Перспективным методом картирования гравитационного поля Земли и получения информации, облегчающей предсказание землетрясений, считается использование космической лазерной системы.

ЗОНДЫ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕНЕРЫ

Французские ученые разрабатывают плавающие наддувные зонды, которые предполагается доставить в атмосферу Венеры.

Зонды находятся в разрывном сферическом контейнере и сбрасываются на высоте около 60 км над поверхностью, после чего опускаются еще на 11 км, достигая уровня нейтральной плавучести. Затем они должны подняться до своего рабочего «потолка» высотой около 56 км, где плотность венерианской атмосферы составляет 1 кг/м³.

Каждый зонд имеет диаметр 9 м и несет приборный контейнер весом 250 кг. Оболочка зондов состоит из слоя кевлара, газонепроницаемой пленки толщиной 12 мкм, алюминизированного полиэфира или полиамида и наружного защитного слоя.

Я родился в год Октябрьской революции, которая окончательно утвердилась на моей Родине, тогда далеко захолустье Российской империи, четыре года спустя. Детство мое пришлось на ту пору, когда новое, социалистическое только еще начинало проникать в жизнь нашего древнего края. О его дореволюционном прошлом говорило все или почти все, что я мог видеть в селении Члоу, где родился и вырос. В жизни крестьян почти еще ничего не изменилось. Чуть ли не пол-

свещение абхазского народа несколько сот рублей в год, в Члоу было только трое грамотных. Но люди тянулись к знаниям. В конце прошлого века появился абхазский алфавит, а вместе с ним и первые книги — в основном

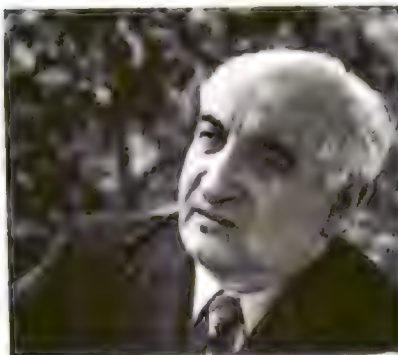
Владимир Ильич Ленин призывал к тому, чтобы новая революционная власть проявляла «громадную внимательность к интересам различных наций». Судьба моей родной Абхазии — один из ярких примеров воплощения в жизнь этого ленинского завета. Приведу лишь несколько примеров.

До революции Абхазию пересекала только одна дорога: Новороссийск — Сухуми, проложенная в конце прошлого века. Теперь в республике — густая сеть

„НЕ ГОВОРИ:

Баграт Васильевич ШИНКУБА более 10 лет носит почетное звание народного поэта Абхазии. Он — автор многих поэтических сборников, романов, пьес, учебников, по которым не одно поколение абхазских детей учится писать на родном языке. По мотивам его романа в стихах «Песнь о скале» украинские кинематографисты создали романтический фильм. Его роман «Последний из ушедших» вышел в этом году вторым изданием на русском языке; книга переведена в Болгарии, будет издана в Венгрии и Германской Демократической Республике.

За плечами поэта — нелегкий, но яркий и плодотворный путь. В предисловии к одному из его сборников говорится: «Это путь от босоногого



мальчика из горной абхазской полу-грамотной деревни до поэта, написавшего первый в своей литературе роман в стихах, до одного из образованнейших людей своего народа, историка и филолога».

Более 20 лет Б. В. Шинкуба занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета Абхазии; он награжден орденом Ленина, тремя орденами Трудового Красного Знамени и орденом Дружбы народов. В марте этого года он избран депутатом Верховного Совета СССР.

По просьбе нашего корреспондента И. Евсиковой Баграт Васильевич рассказал в своем интервью о некоторых проблемах, представляющих интерес для читателей журнала.

ная неграмотность, о клубах, библиотеках никто даже понятия не имел. Большинство жили в пацках — плетеных хижинах, крытых соломой. Мостов через реки не было, их заменяли шаткие висячие мостики, которые так раскачивались, что на них было страшно ступить...

В те годы абхазы приветствовали друг друга словами: «Да вернешься ты с пути!» И это приветствие отнюдь не было старинным оборотом речи, потерявшим буквальным смысл. Оно напоминало о реальной опасности: с пути можно было и не вернуться. На горных дорогах и тропах путников могли подстеречь не только грабители, но и ревностные приверженцы древнего и жуткого обычая — кровной мести.

Рос я в большой семье. Никто из взрослых грамоты тогда не знал. Да и как было учиться? Царские власти отпускали на про-

АБХАЗИЯ МАЛА...

церковные, богослужебные, а также переводные. У нас в доме, помню, была Библия. Впрочем, она была в каждой православной семье. Первый учебник на абхазском языке принесли в дом мы с сестрой, и было это в 1925 году.

Когда я думаю о родном крае, на память приходят стихи народного поэта Абхазии Дмитрия Гулиа, одного из создателей нашего алфавита, патриарха нашей литературы, основателя национального театра.

...Я абхаз. Начало истории нашей Тонет в седой старине. И если голос мой слышен, Я этим обязан стране, Которой предела нет, — Великой Советской стране.

шоссеиных дорог. Из всех районов страны протянулись к нам железнодорожные, воздушные, морские и автомобильные трассы.

Раньше абхазский крестьянин выращивал только кукурузу, табак и виноград. Теперь к этим древним культурам прибавились чай, цитрусовые, овощи, эфирные, масличное растение — тунга и многое другое. Абхазия стала республикой высокоразвитого субтропического сельского хозяйства.

За годы Советской власти полностью ликвидирована неграмотность. Недавно в народном просвещении Абхазии произошло большое событие — в Сухуми открыт Государственный университет.

Как и все республики, входящие в Советский Союз, Абхазия — многонациональна. На территории, не превышающей девять

тысяч квадратных километров, — 70 национальностей. В течение тысячелетий абхазы и грузины живут бок о бок, деля между собой, как подобает настоящим братьям, все радости и невзгоды. Обучение в школах ведется на четырех языках: абхазском, грузинском, русском и армянском.

До революции мы не имели национального театра, а теперь в Сухуми — абхазский драматический театр, носящий имя основателя абхазской драматургии Самсона Чанбы. Созданы филармония, эстрадный оркестр, хоровая капелла. Большую работу проводит республиканский Дом народного творчества. При нем 30 лет назад был создан широко известный в нашей стране и за рубежом ансамбль долгожителей «Нартаа»^{*}.

Не только в Абхазии, но и далеко за ее пределами хорошо известны имена народного поэта Абхазии Дмитрия Гулиа, поэта Иуа Когониа, писателей Леварсана Квициния, Леонтия Лабахуа, Киазима Агумаа, драматурга Самсона Чанбы, романиста Ивана Папаскири, новеллиста и драматурга Михаила Лакербая и других.

Видимо, для вас представляет особый интерес история религиозных верований абхазского народа. В Абхазии христианство получило распространение еще в IV веке и на протяжении веков было доминирующей религией. Во времена турецкого владычества (XVI—XIX вв.) в крае усиленно насаждался ислам, повсюду строились мечети. Но вот что любопытно: ни одна из этих религий не пустила глубоких корней в жизни абхазов. Вспоминаю родное Члоу. На одном краю села стояла православная церковь, на другом — мечеть. И часто бывало, что одни и те же люди ходили и в церковь и в мечеть. Бывало и так, что члены одной семьи принадлежали к разным религиям. Например, муж — мусульманин, а жена — православная. То же могло быть и среди братьев и сестер.

Религиозные праздники — христианские, мусульманские и древние, языческие, — входили в повседневный быт всех односельчан. Долгожители рассказывали мне, что тот, кто называл себя мусульманином, не отказывался от вина, вместе с христианами праздновал рождество, пасху, вместе

постился и разговлялся. В детстве приходилось слышать, что издавна в Члоу, которое считалось мусульманским селом, свиней было больше, чем кур, свинину употребляли в пищу все. Жители, считавшие себя мусульманами, ежедневными пятикратными молитвами себя не утруждали. Былое влияние этой религии напоминает о себе разве что именами: Осман, Хусин, Махмуд...

Теперь редко можно встретить абхаза или абхазку, которые ходили бы в церковь или в мечеть. Разумеется, это не значит, что наследие минувших веков уже ушло в прошлое. Но вот что удивительно: более живучими оказались пережитки язычества.

В детстве мне не раз приходилось присутствовать при особом молении «ацыу-аныхэ», призывающем дождь на иссушенную солнцем землю. Оно совершалось обычно весной или в начале лета на одном из «святых» мест. Там резали скот и варили мясо. Затем самому уважаемому старику подносили палочку с нанизанными на нее печенью и сердцем жертвенного животного и стакан вина. Он поворачивался к востоку и произносил молитву. Чаще всего в нашем селении это был мой дед, потому-то я на всю жизнь и запомнил слова, которые он произносил: «Бог небесных сил, пожалей нас и пошли нам милость твою: дай плодородие земле, чтобы мы с женами и детьми нашими не знали бы ни голода, ни холода...» Эта мольба предназначалась одному из многочисленных божеств абхазского Олимпа. Действительно, благополучие наших предков всегда зависело от сил природы; абхазы настойчиво отвоёвывали у гор небольшие участки под посевы, страшились обвалов, отнимающих у них плодородную землю, ждали спасительных дождей или с отчаянием видели, как смыывают они почву с полей.

Сегодня стихиям противостоит коллективный труд на колхозных полях, современная сельскохозяйственная техника. Люди живут не в пацках, а в кирпичных или каменных домах, большей частью двухэтажных. В каждом доме — современная мебель, телевизор, холодильник, стиральная машина, пианино. У многих автомобили. Взять хотя бы наше Члоу. Здесь более четырех тысяч жителей;

свой магазин, столовая, детский сад, четыре начальные школы, одна средняя. Заканчивается строительство школы-интерната, Дома культуры, автоматической телефонной станции.

Но все эти огромные успехи не дают оснований для самоуспокоенности. В нашей жизни есть еще немало такого, с чем мы не можем мириться. В этой связи хочу вспомнить слова, сказанные Леонидом Ильичом Брежневым на XXV съезде партии о том, что рост материальных возможностей нашего общества должен постоянно сопровождаться повышением идейно-нравственного и культурного уровня людей, что иначе мы можем получить рецидивы мещанской, мелкобуржуазной психологии.

Возьмем хотя бы старинные свадебные обряды. У абхазов свадьбы всегда были многолюдными и проходили весело, озорно. Молодежь состязалась в ловкости, удали, старики — в красноречии. На свадьбах много пели, плясали, шутили. Молодым дарили нехитрые предметы домашнего обихода, невесте — недорогие украшения. Но вот старый добрый обычай претерпел тревожащие искажения. Подарки перестали быть сюрпризами. Их заменили конверты с деньгами. Гость, перед тем как сесть за свадебный стол, должен подойти к специально назначенному «кассиру». Причем ведется точная запись — кто сколько внес.

Да, у нас всегда были многолюдные свадьбы, но не в обычаях нашего народа расточительство, соревнование между соседями в том, кто удивит мир большим обилием снеди, разлитым морем вин, числом приглашенных. Кавалькады безвкусно украшенных автомобилей носят в такие дни по дорогам, грозя авариями. И все только для того, чтобы выглядеть «не хуже людей».

Тут, на мой взгляд, сталкиваются два начала: с одной стороны, широко известная традиция гостеприимства, с другой — темная изнанка этой доброй народной традиции.

Гостеприимство, бесспорно, — одна из характерных черт нашего народа. Помню, в доме моих родителей гости бывали постоян-

^{*} См. об этом очерк «Невгасающий огонь». «Наука и религия», 1979, № 1.

но. В долгие зимние вечера у очага собирались друзья деда и отца, соседи, вспоминали бесконечные истории из своей жизни, пересказывали друг другу предания и легенды, дружно и ладно пели старинные народные песни. На всю жизнь запомнил я их. А научившись писать, записал в ученическую тетрадь приключенная карта Сасрыквы — одного из ста героев абхазских сказаний.

С самых ранних лет знал я пещеру в высокой скале, куда разгневанные боги заточили мужественного воина, богоборца Абрскила. Пещера эта находилась рядом, и мне казалось, что я слышу, как стонет Абрскил, пытаюсь разорвать цепи. Я полюбил песни, исполняемые в нашем доме, из них я получил первое представление об окружающем мире, узнал о законах чести. «Хорошие песни, чудесные песни! — воскликнул однажды Максим Горький, слушая абхазские песни. — Такие песни мог создать только коллектив, только трудовой народ. Как надо любить и чтить своих героев, чтобы так трогательно, мужественно и горячо петь о них».

Вместе со старшими бывал я в гостях у соседей. Гостей, пусть даже и неожиданных, абхазы встречали и днем, и ночью, и в зной, и в стужу с улыбкой, с открытой душой. Гость, кто бы он ни был, становился как бы членом семьи. Хозяин брал на себя полную ответственность за его жизнь и честь.

Исстари у нас заведено также свято чтить память об ушедших из жизни, об их трудах и делах. Проводы человека в последний путь у абхазов печальны и торжественны. К сожалению, и этот обряд кое-где искажен. «Придя на похороны, — справедливо возмущался в письме в газету «Советская Абхазия» наш старейший писатель Иван Папаскири, — люди порой забывают, по какому поводу они там собрались».

Как-то меня навестили старики из Члоу. Проговорили мы тогда весь вечер о новостях, о сельских нуждах, о молодежи. Зашла речь и о перерождении некоторых народных традиций и обрядов. Старики возмущались уродливыми, псевдонародными обрядами, напоминали о несовместимости расточительства с советским образом жизни. Слушал я

их и удивлялся: наши долгожители, те, кого принято считать ревностными поборниками и хранителями традиций прошлого, оказались современнее некоторых молодых обывателей! Я еще раз убедился в том, что не напрасно мы уважаем в наших отцах острый ум, рассудительность, житейскую мудрость. А вскоре в республиканской печати было опубликовано обращение ветеранов труда ко всем жителям Абхазии с призывом искоренить вредные обычаи и традиции. Под обращением стояли подписи и моих земляков.

Художественному слову принадлежит большая роль в воспитании людей, в преодолении негативных явлений, о которых шла речь. Атеистический дух был присущ нашей литературе с первых ее шагов. Вспомнить хотя бы остросатирическую пьесу Самсона Чанбы «Бог Саваоф», созданную им еще в середине 30-х годов. В атеистической тематике и я пробовал свои силы, написал комедию «А там — как хотите». В ней я попытался показать бессмысленность и вред отживших обычаев. Реакция зрителей на нее была неоднозначной. Кое-кто упрекал меня за «поругание обычаев», но в основном люди верно поняли меня.

Эта тема не случайна в моем творчестве. О том, что такое религия, я узнал еще в детстве, и не из книг. Мой близкий родственник был священником в селе Моква, расположенном недалеко от Члоу. Он рассказывал, что еще в начале века рядом с церковью открыли женский монастырь и часть крестьянской земли передали в его пользование. После Октябрьской революции многие священнослужители отказались от сана, мой родственник тоже. От него я услышал и о том, что в период борьбы за Советскую власть в Абхазии монастырь стал одним из оплотов меньшевистского режима.

Трагическая страница истории абхазского народа — «махаджирство», переселение — тесно связана с религиозным фанатизмом. Мой дед, отец, односельчане, мой учитель и друг Дмитрий Гулиа поведали мне о печальной участи абхазов, лишившихся Родины.

Тысячи людей, сбитых с толку фанатичными проповедями мулл,

переселились во владения турецкого султана. А царское правительство поддерживало эту идею. В числе уехавших были родители Дмитрия Гулиа вместе с двумя сыновьями. Но, разобравшись в обмане, семья Гулиа тайно вернулась на родину. Не случись этого, у абхазов не было бы такого замечательного просветителя и поэта. Эта скорбная година в истории нашего народа запечатлена в песнях. Одна из самых печальных и трогательных — песня матери над умершим ребенком «Махаджирская колыбельная». За этой песней стоит реальное событие. На турецком корабле среди измученных голодом и жаждой людей находилась женщина, у которой умер грудной ребенок. Она знала, что по морскому закону нельзя держать мертвое тело на корабле. И вот, чтобы матросы не догадались, что ребенок умер, мать поет над ним колыбельную песню...

Восемь лет я работал над романом «Последний из ушедших». Для меня, советского литератора, важно было рассказать о судьбе маленького кавказского народа — убыхов — и на его примере показать, что потеря родины неизбежно приводит к потере языка, духовной культуры, обычаев, ведет к полному исчезновению народа.

Невелика Абхазия, но она поднялась и расцвела в великой братской нерушимой семье советских народов. Об этом я написал в стихотворении «Моя республика»:

Не говори: Абхазия мала!

В содружестве республик наших
славных

Мы — ветвь живая мощного
ствола,

Страны Советов, равные средь
равных.

Да, только на родной и свободной земле может жить бессмертная душа народа, его культура, процветать и развиваться его искусство. Очень точно это подметил писатель Константин Симонов. «Никогда еще, — сказал он, — в досоциалистическое время, ни с каким народом не происходили столь стремительные перемены в его культурном развитии... И у абхаза, которому еще нет 60, иногда, наверное, возникает чувство, что он вместе со своим народом прожил не несколько десятилетий, а несколько веков».



Горизонты науки

Сергей ГУЦЕВ

Так выглядит банк программ современного завода.

В библейской книге псалмов, превозносящей дела бога на созданной им земле, есть такая строчка: «Лучше уповать на господя, нежели надеяться на человека». Эти слова не раз вспоминались мне во время знакомства с Сибирью научной, с достижениями Сибирского отделения Академии наук. Все, что тут сделано и запланировано, имеет в своем основании дела чисто человеческие. На милость божью уповать не приходится. Особенно это ясно при знакомстве с планами научных работ сибирских ученых.

Эти планы подчинены четкому программно-целевому принципу. Цель их — создать такой научный задел, чтобы на его основе комплексно, далековиднo развивать производительные силы этого огромного и богатейшего региона. Ученые выделили самые основные направления — их оказалось десятка три. Здесь проблемы нефти, газа, поворот некоторых рек на юг, экономическое освоение зоны БАМа, здоровье населения края, экологические проблемы... Каждое из этих решающих направлений непременно снахнется на жизни всей нашей страны, а то и на судьбе планеты.

Журналисты окрестили грандиозный план научных исследований сибиряков «суперпрограммой». Рассчитана она до 1990 года, а некоторые ее разделы — до 2000 года. Вот об этом, о направлении работ в рамках суперпрограммы «Сибирь», об уже имеющихся конкретных ее результатах, о том, что я видел, слышал в поездке по удивительному краю, я и расскажу.

● ПЕРЕГНАТЬ, НЕ ДОГОНЯЯ

К азацкий отряд Ермака ступил на землю Сибири четыре века назад, в 1581 году. С Тюменского края, с основания Тобольска пошло обживание зауральных просторов. А освоение научное, по современному крупномасштабное, началось лишь четверть века назад. Крупные ученые, энтузиасты двинулись сюда из европейской части страны. Возглавил их академик Михаил Алексеевич Лаврентьев. Под Новосибирском возник Академический городок, столица нового, Сибирского отделения Академии наук СССР. Сегодня в нем 46 институтов и три конструкторских бюро, три научных центра — Новосибирский, Томский, Красноярский и три филиала — Восточно-Сибирский, Якутский, Бурятский. Исследования по суперпрограмме «Сибирь» ведут не только эти научные учреждения. Они — головные, а помогают им еще двести научно-исследовательских и проектных организаций других ведомств, включая Сибирские отделения ВАСХНИЛ и Академии медицинских наук СССР. Вот какая научная армада приведена в действие!

Чтобы оценить атмосферу исканий, пронизывающих суперпрограмму «Сибирь», нужно вспомнить о «трех китах», на которых возводили Сибирскую Академию, о трех ведущих принципах нового научного центра: опираться на развитие фундаментальных теоретических исследований, на массовое внедрение в производство важных научных, научно-технических новинок, что спо-

собствует развитию народного хозяйства и самой науки, растить свои научные кадры.

Сохранив верность этой триаде, сибирская наука уже кое в чем обгоняет ведущие советские и зарубежные научные центры. В первой пятилетке выпускались у нас в стране станки марки ДИП («Догнать и перегнать!»). Я невольно вспомнил о них, когда 17 лет назад мы беседовали в Академгородке с Гурием Ивановичем Марчуком, математиком, приехавшим из Обнинска, с первой в мире атомной электростанции. Тогда Марчук говорил: «Пусть это не покажется парадоксом, но есть только один способ поставить Сибирь впереди многих развитых в научно-техническом отношении держав: перегнать их, не догоняя. То есть, учитывая их достижения, не повторять их, а опережая, сразу идти гораздо дальше, открывать и изобретать такое, чего нет и не скоро будет у них».

За этой формулой стояла продуманная стратегия научного поиска. И я увидел, как она реализуется.

● К МЧТЕ ЭЙНШТЕЙНА

Имена члена-корреспондента АН СССР Л. М. Баркова, доктора физико-математических наук И. Б. Хрипловича и молодого кандидата физико-математических наук М. С. Золотарева в Институте ядерной физики мне назвали сразу же, как только я задал традиционный вопрос:

— Что у вас нового?

Известно, что последние 30 лет своей жизни гениальный Эйнштейн посвятил сложной и грандиозной проблеме. Он

жаждал открыть закон, который объединял бы все физические поля, пронизывающие Вселенную: гравитационное, электрическое, магнитное... Но единую теорию поля создать ему так и не удалось.

С тех пор физики мира движутся к этой цели поэтапно, сочетая экспериментальные и теоретические выводы. После четырех лет напряженнейшей работы на долю новосибирских физиков выпал успех: им удалось на опыте доказать, что электрические и магнитные поля атомных ядер, поля микромира, считавшиеся дотоле некой самобытной, отделенной от нашего макромира субстанцией, в чем-то подчиняются тем же самым законам Максвелла и Фарадея, которыми мы пользуемся, включая обычные электроприборы. Между ядерными частицами существуют сильные и слабые взаимодействия; открытие было сделано при исследовании взаимодействий слабых. Смысл его в том, что совершен еще один важный шаг к «объединению» двух, казалось бы, совершенно разных миров — шаг, который облегчит создание единой теории поля.

Человеческая мысль неустанно стремится к постижению сокровенных основ мироздания, к изучению различных форм существования материи. При всем ее многообразии здесь действуют закономерности, подтверждающие единство материального мира — как мира природного, несотворенного, подчиняющегося строгим принципам развития. Каждое новое открытие в этой области создает для нашего познания новую возможность для движения в глубь теоретических представлений и основу для более совершенных технических их воплощений. Здесь ли уповать на господу, когда нужно искать и искать?

Почти три года из четырех исследователи мучительно пробивали свою дорогу, отработывали оригинальную методику, отлаживали измерительные приборы. Они знали, что гипотезу можно проверить, если проследить за поведением нейтрино, самой невесомой из частиц. Для этого понадобилась бы лаборатория размером с огромный промышленный комбинат. А сибиряки пришли к иному выводу: облучать лазером ядра тяжелых элементов. Трудности были преодолены.

● В ПОРЫВАХ СОЛНЕЧНОГО ВЕТРА

В экспериментальном корпусе новосибирского Института теоретической и прикладной механики я увидел... магнитное взаимодействие Солнца и Земли. Разумеется, в действующих моделях. В условиях глубокого вакуума. Мощный газовый лазер через стеклянный иллюминатор стреляет по крупнице твердого вещества, кристаллы которого мгновенно превращаются в плазму, раскаленную беспорядочную смесь атомных ядер и электронов. Взрыв! Только крошечный. Но, как и от любого взрыва, от него разбегаются ударные волны. Модель действует по принципу тех процессов, что непрерывно, с гигантскими выбросами плазмы происходят на Солнце, будоража магнитные и электрические оболочки нашей планеты. Земля представлена в эксперименте в виде подвешенного металлического шарика с собственным магнитным полем, с южным и северным магнитными полюсами.

Исследователи воспроизвели и более спокойный поток различных частиц от Солнца, так называемый солнечный ветер. Под контролем приборов ударные волны плазмы, летящей со скоростью 500 километров в секунду (!), пробегают по солнечному ветру и вместе с ним обрушиваются на сотворенное учеными магнитное поле «Земли», деформируя его. Нашествие на модель продолжается всего 50 миллионных долей секунды, но за это время экспериментаторы успевают измерить сложнейшее переплетение магнитных полей, реакции плазмы, взаимодействия частиц.

Заведующий лабораторией физики плазмы и космического моделирования А. Г. Пономаренко говорит: «Мы не знаем, насколько устойчива система, в которой живет человечество, но хотим это знать. Когда и какой силы могут быть возмущения солнечной плазмы, а значит, и магнитного поля Земли? Какова природа околоземной плазмы? Вопросы — масса. Чтобы ответить на них, пришлось бы запускать одновременно сотни спутников. А моделирование ускоряет и удешевляет исследования ближнего Космоса».

Есть у таких экспериментов уже и прямой практический выход. От магнитных бурь на Земле зависит и погода, и здоровье людей, и устойчивость радиосвязи. Не говоря уже о том, что найден еще один способ следить за охраной окружающей среды от загрязнений.

● ОБСЕРВАТОРИЯ НА ЧАСОВЫХ СОПКАХ

У истоков реки Иркут, на высоте двух с половиной тысяч метров выросла мощная солнечная обсерватория с четырьмя телескопами. Неподдалеку бурятский поселок Монды. Обсерватория в Мондах привлекает сейчас внимание научного мира результатами наблюдений, прекрасной аппаратурой, электронно-вычислительными машинами, автоматизированной системой управления. Не случайно сейчас в международный Год солнечного максимума (ГСМ) основной базой для исследований во всем восточном полушарии стала эта обсерватория в Саянах, на Часовых сопках (в западном полушарии аналогичную роль выполняет американская обсерватория Биг-Бэр).

Директор Сибирского института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн член-корреспондент АН СССР В. Е. Степанов сказал мне: «Не подумайте, что занимаемся мы только «неземными» делами. Нам пришлось, например, изучать электропроводность почвы вдоль асей трассы БАМа, чтобы наилучшим образом защитить магистраль от гроз, молний».

Интересные данные принесли эксперименты, проведенные одновременно в Индии и в Сибири. Вместе с индийским астрофизиком Баппу В. Е. Степанов и его сотрудник В. Григорьев впервые обнаружили, что магнитные поля солнечных пятен как бы всплывают из нижних слоев солнечной атмосферы в верхние. Прямыми наблюдениями в Мондах было доказано и другое: между отдельными группами солнечных пятен, их магнитными полями существует некое единство, взаимосвязь. Позже, измерениями со спутников, это открытие подтвердили и американские исследователи.



Вice-президент АН СССР, председатель Президиума СО академик Гурий Иванович Марчук в мантии почетного доктора физико-математических наук Карлова университета (Прага).

«...Сокровенного не исследуй», — останавливала человека религиозная мудрость. Но вышло по-другому. От обожествления небесных просторов, от суеверного страха перед твердью небесной, в драматической борьбе с религиозным мировоззрением люди перешли к научному изучению Вселенной, к постижению ее увлекательных для пытливого ума загадок.

● НЕТ НИЧЕГО ПРАКТИЧНЕЕ

На праздновании 250-летия отечественной Академии наук товарищ Л. И. Брежнев, подчеркивая ведущую роль фундаментальных исследований в развитии производительных сил, напомнил мудрое изречение австрийского физика Людвиг Больцмана: «Нет ничего практичнее, чем хорошая теория». Эпоха научно-технической революции принесла новые подтверждения такому глубоко научному, дальновидному подходу. Этот принцип целиком оправдывается и в Сибири.

В новосибирском Институте ядерной физики, который почти два десятилетия возглавлял талантливый ученый академик Г. И. Будкер, создали оригинальные ускорители на встречных пучках. В отличие от гигантских ускорителей в Дубне и Серпухове, они свободно размещаются в обычной комнате. Зато эффект их таков, как если бы действовал синхротрон на 1000 миллиардов электронвольт. Физики получили возможность проникнуть в такие глубины микромира, о которых прежде и не мечтали.

Однако ускорители сибиряков получили применение и в производстве, далеком от теоретической физики. С их помощью налажен автоматический процесс изготовления миллионов метров изолированного кабеля самого различного назначения, в том числе и телевизионного. Я видел, как по-новому монтируют изо-

ляцию: медные жилки пропускают в трубку из пластика, а затем облучают в потоке частиц из ускорителя. Буквально за секунды пластиковая «рубашка» сжимается, плотно схватывая пучок проводов.

Физики же предложили дешевый и надежный метод сохранения пищевого зерна в элеваторах. Поступая на хранение, зерно пересекает зону облучения из ускорителя. Теперь оно может храниться годами: вредители уничтожены.

Помните известную картину Сурикова «Меншиков в Березове»? Убогое жилье, холод, сытный вельможа у тусклой свечи. Недавно я побывал в тех местах. Тюменская область, где обнаружили залежи нефти и газа, за 15 лет превратила нашу страну в крупнейшую нефтедобывающую державу земного шара. Здесь поднялись и продолжают расти десятки городов и поселков, строятся и действуют тысячекилометровые нефте- и газопроводы, автомобильные и железные дороги. А между тем долгое время считалось, что нефти в Сибири нет и быть не может. Но ученые предсказали ее наличие задолго до того, как были открыты первые запасы сибирских сокровищ — Березовское месторождение газа.

Вначале мы привычно называли Западносибирское месторождение «третьим Баку». За последние два года тюменцы подняли производительность труда на 28 процентов за счет новейшей техники, совершенной автоматизации. «Вы можете себе представить, чтобы 15—20 человек добывали нефти столько, сколько накануне второй мировой войны давали все нефтяники страны?» — спросил меня один из первооткрывателей тюменского черного золота, лауреат Ленинской премии, член-корреспондент АН СССР И. И. Нестеров. Я не мог. Но позже на Севере я увидел множество автоматизированных «кустов скважин» именно с такой производительностью.

Мыслимо ли было столь быстрое практическое воплощение научной идеи без социализма, без мощи нашей экономики? Конечно, нет. Только вместе наука и социалистический строй в состоянии превращать богом забытые земли в такие края, где жить и трудиться человеку радостно, интересно.

● ЧЕРЕЗ ТРУДНОСТИ — К ЗВЕЗДАМ

Чтобы Сибирь манила к себе людей морем электрических огней, благоустроенными поселками и городами, первопроходцам нужно было преодолеть горы препятствий. Не парадным маршем представляется новое, научное освоение Сибири, а долгим, терпеливым трудом, который иначе как героизм, подвиг не назовешь.

На левом берегу Оби, напротив Академгородка, семь лет назад основали свой центр ученые Сибирского отделения ВАСХНИЛ. Теперь тут живут и работают семь тысяч человек. 130 миллионов рублей вложило государство в его создание. Но уже через два года экономический эффект от внедрения предложенных учеными новинок составил 180 миллионов рублей. И все же заместитель председателя Сибирского отделения ВАСХНИЛ академик В. Р. Боев, с которым я беседую, серьезно озабочен:

— Мы высоко ценим настоящее подвизничество геологов и горняков, кото-

рые спешат как можно скорее дать сибирским полям минеральные удобрения. Но время не терпит. Не завозить, а производить на месте, в Сибири, массу долнительного продовольствия мы должны уже сегодня, ибо города, поселки, заводы, территориально-производственные комплексы растут. Возьмите БАМ. Прежде в его зоне жили 30 тысяч человек. А через десяток лет там будет 1 миллион 400 тысяч жителей. Есть над чем задуматься! Исходим из нормы — в год на человека примерно тонна продовольствия. Полтора миллиона тонн продуктов только для зоны БАМа!

Этого не осилит никакому евангельскому чуду с пятью хлебами. Нужно другое — новые высокопродуктивные сорта растений, улучшенные породы животных, выведенные селекционерами с учетом местных условий. Такие растения, такие животные уже есть. Не проза жизни, а высокоромантическая, гуманная задача по созданию материальных предпосылок для полнокровной жизни, для духовного развития личности в Сибири стоит перед ее учеными.

Начало работ в этом направлении многообещающе. На БАМе возле Усть-Кута, на вечной мерзлоте, провели эксперимент: посадили капусту и сняли с гектара по 547 центнеров! А в Красноярске, в Институте физики меня угостили... сушеными бактериями. Из тех, что питаются водородом. Их выращивают там в чистых помещениях. Из каждых 10 килограммов биомассы семь килограммов составляет высококачественный белок. В корм животным порошка добавляют немного, а вес они набирают, как на дрожжах. От опытно-промышленной установки сибиряки перейдут к сооружению завода. Не сжигать водород, не терять попусту углекислый газ, а подавать их как пищу бактериям — такова технология завода.

В поле зрения ученых Сибири не только искусственный белок. Спешит на Алтай директор Института цитологии и генетики СО АН СССР академик Д. К. Беляев. Государство передало Сибирской Академии земли совхоза «Чергинский». Это 80 тысяч гектаров лесистых гор и долин, где создается особый заповедник редких, исчезающих животных. Сибиряки создают ценнейший природный генотип, своеобразный «банк качеств и свойств», откуда селекционеры будут заимствовать гены, нужные им для улучшения пород домашнего скота. Охрана живой природы и одновременно ее совершенствование — тоже одна из целей «суперпрограммы «Сибирь».

Интересной проблемой, загадкой, мимо которой многие прошли, не оглянувшись, занял сейчас Ф. Э. Реймерс, член-корреспондент АН СССР. Не в ней ли ответ на ключевые вопросы о сущности живого? Мы неплохо знаем физиологию растения, его семя, но в тени остался тот короткий период, когда росток уже не семя, но еще и не растение, когда он почти исчерпал запас материнских питательных веществ, а к самостоятельному фотосинтезу еще не приступил. На этом переломном этапе росток не только наиболее уязвим, но, очевидно, и особо пластичен: так не удастся ли различными воздействиями на него сформировать и закрепить в будущем растении качества, полезные человеку? И что за «пружина» превращает семя в растение? Почему, например, в Космосе, в невесомости, она не срабатывает до кон-

ца? Ростки так и не становятся растениями, погибая в конце этого загадочного, неизученного периода. Выяснение действия этого природного механизма обещает немало неожиданного как научной теории, так и практике сельскохозяйственных работ.

● ЛЕЧИТЬ БОЛЬНЫХ ИЛИ БЕРЕЧЬ ЗДОРОВЫХ!

В эпоху НТР в лидеры выходят науки, изучающие живое или самого человека. Набирает силу комплексный подход к явлениям и проблемам, на стыках наук рождаются яркие открытия, многообещающие методы исследований, которые становятся достоянием разных областей знания.

Мой собеседник — академик медицины, председатель Сибирского отделения Академии медицинских наук страны В. П. Казначеев к своей основной идее подводит меня постепенно. Он почти не говорит о создании клиник, об увеличении числа больничных коек (кстати, на душу населения в Сибири их больше, чем в среднем по РСФСР). Традиционную практическую медицину академик ценит, но особенно дороги ему новые взгляды, суть которых постараюсь изложить своими словами.

За 62 года Советской власти здравоохранение выросло гигантски. Едва ли не в каждом городке мы теперь имеем возможность открывать по три разных диспансера. Но правильно ли это? Не лучше ли вместо трех создавать один — общий, интегрированный, где предметом внимания станет не отдельно взятая болезнь, а весь организм в целом? Родина наша аступила в эпоху развитого социализма. Чем здравоохранение на этом этапе отличается от прошлого? Не просто количественными, а качественными изменениями, переходом к более масштабному научному мышлению, учитываемому не только тактику, но и стратегию охраны здоровья. Приходится сейчас пересматривать многие основные понятия, в том числе и понятие о здоровье.

Идеал медицины будущего — не столько лечить больных, сколько оберегать здоровье здоровых — человека, группы, коллектива, живущих и работающих в определенных природных условиях. А если условия часто меняются? Если, допустим, большие группы людей часто переезжают? Как тогда?

После Галилея и Коперника мир остался таким же, каким был до них. Но

Действительный член Академии медицинских наук Герой Социалистического Труда Евгений Николаевич Мешалкин.



взгляд на него, мировоззрение человечества кардинально изменилось. Рухнул геоцентризм. Лавры «центра» перешли к Солнцу, которое, как выяснилось позже, в нашей Галактике является звездой заурядной. И законы мироздания сегодня познаются не только по движению Земли, состоянию Солнца. Учитываются процессы, идущие в ядрах галактик, среды ассоциаций созвездий. Эта аналогия помогает понять, что предстоит медицинской науке. Тут веками господствовал антропоцентризм. Думается, медицина не прорвется к новым крупным открытиям, к более общим законам, если будет по-прежнему нацелена только на изучение отдельного человека. Этого уже недостаточно. Внимание исследователей должно распространиться и на популяции, народы и народности, на большие и малые коллективы, на природные условия, от которых зависит здоровье. В наше время рождается новая, эколого-популяционная медицина, наука будущего.

Так что это проблема не только медицинская и психологическая, но и социальная и экономическая...

Два эталона (человеческий и «рублевый») в истории были долго разрознены, несопоставимы. Господствовала оценка личности деньгами («человеко-часы»). А такого рода ценности, как дарование и отличное здоровье, в расчет не очень-то брались. Теперь они тоже превращаются в основные экономические эталоны. Они — «валюта» развитого социализма. Рождается совершенно новая шкала ценностей, реализуются, становятся плотью критерии коммунизма.

Как же медикам найти надежные константы в этом бурлящем, меняющемся мире? Сотни тысяч людей приезжают ежегодно в Сибирь на работу с юга, с запада страны, и как сложно здесь врачу учитывать переломы в здоровье, которые происходят с каждым. Ведь в былые времена Север изматывал человека за 10—15 лет. Задача суперпрограммы «Сибирь» — сохранить здоровье новых и коренных сибиряков. И здесь особую роль играют сочетание социальных мероприятий с научными рекомендациями медиков.

Одно из них касается Крайнего Севера, той обширной зоны, где солнце «чудит». Тут часты полярные сияния, сильнее облучения, разреженнее воздух. Советские ученые сделали открытие, признанное мировой наукой, — «Синдром полярного напряжения». Они выяснили, что именно в условиях Севера кислород для человека может быть и благом и ядом. Благо — это дыхание. Яд — когда кислород в клетке используется для создания так называемых активных радикалов, разрушающих организм. Их необходимо нейтрализовать, выводить из организма. Для этого современная наука разработала специальные препараты — антиоксиданты. Примечательно, что жир (тюлений, рыбий, белых медведей), широко распространенный в быту эскимосов, чукчей, действовал наподобие этих лекарственных средств.

25 экстремальных факторов воздействуют на человека на Крайнем Севере, занимающем добрую половину Сибири. И ученые ищут наилучшие способы защиты организма от каждого из них.

● СМЕРТЬЮ СМЕРТЬ ПОПРАВ

Вместо одного я пробыл в Сибирском институте патологии кровообращения

целых три дня. Хотелось увидеть своими глазами то, что рассказывали о необыкновенных операциях, которые делает со своими сотрудниками директор института Евгений Николаевич Мешалкин, академик медицины, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии.

Во все времена 1—2 процента людей на земле рождались с различными пороками сердца. Не обошла в этом природа и сибиряков: примерно 275 тысяч больных нуждаются в помощи сердечно-сосудистой хирургии. Дело это нелегкое, но благодарное: искусство врачей дарует людям вторую жизнь. И это подлинное чудо. Но не в религиозном понимании этого слова. Здесь чудо исцеления совершается человеком, его волей, силой знания, опыта, а не с помощью сверхъестественного начала, упования на молитву. И все-таки в словарном запасе нашем для определения увиденного лучше всего подходит слово «чудо».

...Все готово к операции, больной на столе, грудная клетка вскрыта. «Начали», — кивает Мешалкин. Стягиваются два сосуда, по которым в сердце и из него идет кровь. Кровообращение в организме полностью прекращается. С этого мгновения голос анестезиолога отсчитывает роковые секунды, минуты. Сердце вскрывают, моментально отсасывают из него кровь (позже всю ее, до последней капли вернут в организм). Операция идет на «сухом» сердце. Оно неподвижно. Можно без помех вшить в аорту клапан, сделать «латку» в сердечной перегородке.

— 5 минут 30 секунд... 6 минут...

Во мне что-то дрогнуло, я вижу то, что медики называют клинической смертью. Без доступа крови мозг погибает через 5—6 минут. Но бригада спокойна. Хирург работает четко, быстро, без спешки. Дело в том, что тело больного обложено пластиковыми мешочками со льдом, а на голове у него шлем, через который циркулирует холодная вода. Температура тела не 36,6 градуса, как обычно, а только 30 градусов. Даже 29. Такое охлаждение (метод гипотермии) замедляет в организме все обменные процессы, отодвигает распад тканей. 9 минут Е. Н. Мешалкин вшивает клапан, еще 11 минут уходит на то, чтобы «заштопать» сердце. Итого 20 минут. А гипотермия останавливает жизнь больного на 30 и даже на 35 минут.

— Запускаем моторчик, — негромко говорит хирург.

В сердце возвращают кровь. Оно согрето теплым физиологическим раствором. Преграды, стягивавшие сосуды, сняты. Рука хирурга сжимает, массирует сердце. Ему подают дефибриллятор, палочку с плоским металлическим кружком на конце, хирург прикладывает его к сердцу.

— Ток!

Электрический разряд заставляет сердце сжаться. Разжимается оно самостоятельно. Первое биение! И вот уже второе, третье...

— Не нравится мне, — говорит профессор. — Так не пойдет...

Что-то в ритме сокращений не устраивает его. Он снова сжимает сердце рукой, останавливает его. И снова берет дефибриллятор...

— Вот теперь нормально.

Бригада остается зашивать грудную клетку, а Мешалкин переходит к сосед-

нему столу, другому сердцу. Начинается следующая операция...

Вот так, вроде бы буднично и просто, вершится великое таинство возвращения человека жизни и здоровья. Только что я видел управляемую клиническую смерть и возрождение из мертвых, недоступные никакому евангельскому чуду.

Е. Н. Мешалкин считает создание и распространение за последние четверть века аппаратов искусственного кровообращения (АИК) большим достижением, но предпочитает операции под гипотермией. Не потому, что он — один из основоположников этого метода. Да, АИК позволяет «отключить» сердце больного и оперировать часами. Но АИК дорог, сложен, применение его связано с рядом трудностей, осложнений.

Идея нового АИКа пришла «со стороны». Специалисты Института горного дела создали и запатентовали новый инструмент — ударный, но без вибрации. Он, как нож масло, пронизывает бетонные стены, погружает саи даже в самый твердый грунт. Преподователь Новосибирского электронно-технического института инженер А. И. Смелягин встретился с доктором медицинских наук В. Н. Обуховым из института Мешалкина и предложил основную часть изобретения (привод подобного типа) использовать для создания нового, миниатюрного АИКа. К работе подключились аспирант В. Р. Райс, кандидат медицинских наук Леонид Боровских, инженер-механик Лев Пузырев. Модель была создана, защищена авторским свидетельством, испытывается. Размеры нового «искусственного сердца» — 25 на 30 сантиметра. В отличие от громоздких АИКов запускается оно моментально, не имеет трущихся частей, не повреждает кровяные клетки.

Входит ли все это в суперпрограмму «Сибирь»? Думаю, да. Ведь бережное отношение к человеку, его здоровью — вклад в развитие производительных сил этого края. Это и есть настоящий гуманизм. И глубоко символичной мне показалась биография двух специалистов, работающих сейчас у Мешалкина, — Виталия Шепеля и Николая Барыкина. Хирург оперировал их по поводу порока сердца. Поправившись, бывшие больные переехали в Академгородок, оба попросили принять их на работу в институт на любую должность. Теперь один — отличный механик по АИКа, а другой после заочного вуза стал инженером институтского вычислительного центра.

Нового, интересного, важного в научной Сибири столько, что всего не перечислить. Но, думается, и рассказанного достаточно, чтобы представить, на каком высоком уровне, в какой атмосфере началась реализация научной суперпрограммы «Сибирь». Люди устремлены к будущему, полны оптимизма, верят в свои силы, в науку. Сбывается пророчество великого русского ученого И. И. Мечникова: «И если справедливо, как это часто утверждают, что нельзя жить без веры, то последняя не может быть иной, как верой во всемогущество знания».

Осуществилось и другое предвидение. «Страной будущего» назвал Сибирь норвежский путешественник Фритзс Нансен, побывавший тут в начале века. Ошибся он только в сроках — это будущее уже стало сегодняшним днем социальной Сибири.

Мы присутствуем на очередном заседании краеведческо-музейной секции клуба «Юный атеист». После 20-минутного доклада «Как человек создал бога» с демонстрацией диапозитивов и обсуждения готовящейся выставки репродукций картин на религиозные сюжеты, старых книг, икон, документальных фотографий из журнала «Наука и религия» идет разговор, хотя и шумный и по-детски непосредственный, но деловой. Ребята определяют, кто будет экскурсоводом на выставке, на что надо обратить особое внимание. Ведет секцию директор клуба Нина Дзюбенко — ученица 10-го класса Акмолинской школы (название школы осталось от бывшего совхоза «Акмолинский»). Помогает Нине одноклассница Ольга Джетписбаева. Эти девочки уже четвертый год работают в школьном клубе. Секция состоит из самых боевых, энергичных членов клуба. Они знают, у кого в поселке можно одолжить старую книгу или интересные репродукции картин. Кто-то любит книгу, кто-то любит картину, кто-то любит секцию.

Те, кто любит книги, любят и библиотеку. Они обновляют «Уголок атеиста», оформляют стенгазету «Безбожник», помогают товарищам из лекторской секции — подбирают литературу, оформляют доклады и рефераты. Они готовят лекции, готовят лекторов, организуют лекторские выезды.

Самые старшие работают в лекторской секции, впрочем, путь сюда открыт каждому, кто хочет и умеет публично выступать. И все же старшие здесь главные — они опытнее: большинство уже четыре года работают в клубе. У них много дел — помогать другим секциям, как это делают Нина Дзюбенко и Оля Джетписбаева, проводить беседы с учащимися младших классов. Только в начале этого учебного года были подготовлены три новые темы: «Почему бывает день и ночь?», «Есть ли в природе место для бога?», «Законы природы и «чудеса» религии».

Есть в клубе еще одна секция — художественно-драматическая. Она возникла недавно, но школьные атеистические вечера и КВН уже создали ей авторитет.

Руководит клубом «Юный атеист» актив из 10 человек. Но вряд ли его работа была бы такой интересной, если бы не уделяли ей постоянного внимания учителя. Раз в неделю, перед началом первого урока, в каждом классе проходит атеистическая пятиминутка. Педагоги и старшие ребята из «Юного атеиста» рассказывают что-нибудь по проблемам атеизма. Это может быть, скажем, рассказ о том, за что церковь осудила учение Коперника, или газетное сообщение о проявлениях религиозной розни где-то за рубежом, или объяснение сущности религиозных праздников.

За всей этой большой и разнообразной работой стоит коммунист, преподаватель химии и биологии Людмила Николаевна Дахова.

— Мы, педагоги-естественники, — рассказывает она, — готовясь к урокам, замечали, что то, как мы передаем детям знания, их не устраивает. В частности, наши фразы о материальности мира. Школьников не надо убеждать, что мир материален, они в этом не сомневаются. Но когда растолкуешь, как воспринимали окружающий мир наши далекие предки, из каких представлений возникла вера в богов, как человек создал их, — тогда-то у ребят появляется желание разобраться в разных точках зрения. Так приходили мы, учителя, к пониманию необходимости атеистического осмысления естественнонаучных знаний. Поэтому, когда четыре года назад мне поручили руководить в школе атеистическим воспитанием, я не возражала — понимала его необходимость. Надо сказать, что от коллег я получила полную поддержку и понимание. На своих уроках я знакомила ребят с «горячими точками» химии и биологии, со всеми теми вопросами, вокруг которых разгоралась борьба ученых-материалистов с религиозным миропониманием. А вот как организовать внеклассную атеистическую работу, я не знала и побаивалась своих новых обязанностей.

Людьми Николаевна предложила тем, кого интересуют проблемы религии и атеизма, собраться после уроков. Неожиданно пришло так много ребят, что они заполнили весь актовый зал. Около двух часов рассказывала она ребятам об истории религиозных верований, какие из них есть в нашей стране, почему и сейчас люди верят в бога, как внимательно надо относиться к верующим. Вечером царили в актовом зале тишина и покой.

Два часа царили в актовом зале тишина и анимание. Потом посыпались вопросы. Здесь же было предложено организовать клуб «Юный атеист». Решили, что всю работу ребята будут вести сами. Вначале состав каждой секции определялся возрастом и выглядели они как группы по классам. Впоследствии, когда интересы ребят определились, состав секций несколько изменился.

Для того чтобы знать, какие проблемы ставить на обсуждение секций, с какими темами выступать, решили ежегодно распространять среди шестиклассников анкету, содержащую такие вопросы: «Что ты знаешь о боре?», и «Как ты относишься к суевериям (черная кошка дорогу перебежала, пятак под пятку, что-бы урок ответить, и т. д.)». Фамилию ребят могли не указывать — среди ответов мы рассмотрели их ответы — среди них было много интересных фактов. Ясно, напри-

Мы просмотрели их ответы — среди них немало любопытных. Ясно, например, что большинство детей — из семей неверующих; о божьей религии узнали из книг, кинофильмов, на уроках. Но бытовым суевериям, как оказалось, подвержены многие. Естественно, это настоятельно рожило членов клуба и подсказало, что надо прежде всего обратить внимание на проблемы, связанные с суевериями.

На одну из проблем указал ответ мальчик-казах. Он с огорчением сказал, что ему очень жаль дедушку, да тот держит уразу (мусульманский пост, во время которого нельзя есть с восхода солнца до заката). «Дедушка

Предыдущие статьи этого цикла см. в № 7, 8 и 10.



Идет очередное заседание
клуба «Юный атеист».

„ХОЧУ“

ЧТОБЫ

ЛЮДИ

ВЕРИЛИ В СЕБЯ"

Г. ИВАНОВА,
В. ЗЫБКОВЕЦ,
специальные корреспонденты
журнала «Наука и религия»

очень устает, становится нервным и раздражительным, ему тяжело», — так закончил он ответ на вопросы анкеты. Это дало толчок к разработке темы — «Вред религиозных обрядов». Так постепенно, от занятия к занятию определялся круг деятельности и план работы секций и клуба в целом.

Вскоре юные атеисты вышли на общешкольную арену. Провели вечер вопросов и ответов. Готовились к нему старательно. Из каждой секции выделили по пять — семь человек, которые читали атеистическую литературу (школьная библиотека располагает хорошим подбором книг по атеизму), советовались с педагогами, отвечали на вопросы. Вечер удался, и теперь такие вечера проводятся ежегодно.

Не ожидала Людмила Николаевна, что все так хорошо пойдет. Но работы прибавилось: и на переменах, и после уроков к ней прибегали мальчики и девочки за советом, за решением спорных вопросов. Потом организовали диспут «Молодежь и религия». И эта форма работы стала традиционной. Но наибольший успех выпал на долю атеистических «кавэзов». Они проходили так интересно и весело, что теперь и участники и Л. Н. Дахова жалеют, что не проводили их в Доме культуры. Так в плане клуба намечается новая орбита — уже весь поселок.

Известность клуба «Юный атеист» неуклонно растет. В школу приезжают из других районов области, со всей республики. Людмилу Николаевну приглашают на атеистические семинары в Целиноград. По ее словам, они проходят с большой пользой для слушателей. Кстати, после одного такого семинара выступил этнографический самодеятельный коллектив областного педагогического института с программой обрядов, народных песен, частушек, заклинаний, заговоров, собранных участниками этого ансамбля.

Вырисовалась еще одна тема для клуба: «Вечер воспоминаний». Это будет встреча школьников с бабушками и дедушками, которые расскажут о праздничных обрядах и обычаях своего детства и юности.

Еще многое можно было бы рассказать о работе клуба «Юный атеист» в средней школе поселка Малиновка. Например, что сейчас уже назрела необходимость создать секцию архивистов — историков клуба, которые собирали бы и хранили его материалы.

— Четыре года — срок небольшой, но как заметно изменились наши ребята, — говорит Л. Н. Дахова. — Они теперь шире смотрят на жизнь, лучше ориентируются в ней. Посмотрели бы, с каким убеждением говорят они о том, что в Малиновке незачем верить в бога: здесь столько делается для людей, они живут так содержательно и интересно, что если бы человек и начал выбирать, то можно сказать с уверенностью: выбор будет в пользу жизнеутверждающего мировоззрения.

...Случилась беда. Одна девочка (не будем здесь называть ее фамилию) тяжело заболела. Одноклассники, педагоги часто навещали ее, помогали учиться. Два раза в неделю ходила к больной и Людмила Николаевна — занималась с девочкой химией и биологией.

Однажды обнаружила она в тетради ученицы какое-то письмо. Людмила Николаевна сказала, что неплохо разбра-

сывать письма. Ученица смутилась, но когда на следующий раз письмо вновь оказалось в тетради, Дахова поняла, что это — своего рода предложение прочесть. И оказалась права: девочка действительно искала помощи, совета.

На первый взгляд, в письмах не было ничего необычного — добрые слова и пожелания выздоровления от дальнего родственника из Алма-Аты. Автор письма убеждал девочку, что сила человека не в мускулах, а в здоровой душе. Нужно быть сильным духом, подчеркивал он. Но дальнейшее содержание письма не оставляло сомнений в том, какую «силу духа» имел он в виду: советовал девочке обратиться к богу, ибо только он дает человеку силу преодолеть недуги.

Много часов просидела Людмила Николаевна у постели больной. Они говорили о людях и их отношениях, о душевной чистоте и красоте, о сильных духом, о гуманистической сущности атеизма. Не ниспосланная богом, а идущая от одноклассников, педагогов, от всего школьного коллектива нравственная сила стала для девочки той основой, на которой крепла ее уверенность в людях, в себе...

Со временем родственник из Алма-Аты, не получая ответов на письма, перестал писать.

Три выпуска школы уже прошли через клуб «Юный атеист». Сейчас здесь около 60 активных ребят, вокруг секций — еще такой же актив. Это резерв клуба — со временем многие из них станут его членами.

Успех школьного клуба не случаен. В поселке вообще неплохо поставлена воспитательная работа. Здесь делается все, чтобы у людей была активная жизненная позиция, твердые нравственные убеждения. И дети видят это. Вот почему семиклассник Сережа Вентин на вопрос: «Почему ты занимаешься в клубе «Юный атеист»? — ответил: «Я хочу, чтобы люди верили в себя...»

Успехи клуба обусловлены внимательным, чутким отношением к школе и ее задачам со стороны партийной, комсомольской и профсоюзной организаций, шедших — тружеников птицеобъединения, а также хорошо поставленной идейно-воспитательной работой в самой школе. Возглавляет эту работу отличник народного просвещения Казахской ССР В. В. Кунникова.

Взять, к примеру, раздел общешкольного плана: «Воспитание основ эстетической культуры и развитие художественных способностей». Он учитывает интересы и возрастные особенности всех учащихся. Разнообразная воспитательная работа средствами изобразительного искусства на уроках рисования и вне школы обогащает ребят яркими впечатлениями, помогает острее воспринимать красоту жизни. Особенно интересны факультативные занятия по изобразительному искусству. Их проводит учитель Ю. Н. Дахов. Здесь лекции и беседы, семинарские занятия и рефераты. На каждом занятии — обязательный разбор и анализ репродукций картин. Широко применяются технические средства: фильмоскоп, эпидиаскоп, грамзаписи. Итог всей работы — постоянно действующие тематические выставки рисунков. За два года занятий на «факультете» у ребят развивается понятие прекрасного, творческое воображение, воспитывается устойчивый интерес к искусству. Недаром на районных смотрах

работы учащихся Акмолинской школы всегда отличаются и содержанием, и техникой исполнения.

В школе созданы и условия для развития музыкальной культуры детей. А наиболее одаренные учатся в поселковой музыкальной школе.

Ребята каждый месяц ездят в областной драматический театр и филармонию: союз музыки, театра и литературы благотворно сказывается на их эстетическом воспитании. Ребята все больше приобщаются к прекрасному.

В школе активно работает клуб интернациональной дружбы.

В поселке живут представители более 30 национальностей — казахи, удмурты, чувашы, поляки, немцы, русские, эстонцы... Работники птицеобъединения часто бывают в других странах — в командировках или отпусках. Вернувшись, они приходят в школу и рассказывают о своих впечатлениях. К 30-летию пионерской организации имени Э. Тельмана (ГДР) была выпущена специальная газета и проведен вечер дружбы на немецком языке. Дети с удовольствием готовили его. Такие вечера на казахском, французском, русском языках проходят регулярно.

Уже в начальных классах сливается познавательная и трудовая деятельность школьников. Много в этом направлении делает кабинет домоводства, где ведут уроки В. Н. Лукашук и Н. И. Басова (именно на этих уроках были сшиты костюмы для детского коллектива художественной самодеятельности). Начиная с четвертого класса ребята помогают на прополке овощей. По решению совета пионерской дружины в школе создан «штаб заботы» — это своеобразное тимуровское движение, в задачу которого входит шефство над престарелыми, инвалидами войны и труда. Ребята принимают участие и в благоустройстве села: заботятся о чистоте улиц, дворов, ухаживают за зелеными насаждениями.

В девятом классе школьники вплотную приступают к овладению профессиями. Долг учителей — увлечь перспективами развития родного села. Бюро по профессиональной ориентации, состоящее из представителей разных профессий, знакомит старшеклассников с экономикой и планами развития объединения. Сейчас многие выпускники школы работают слесарями-операторами, наладчиками, электромонтерами на птицефабрике.

Разговаривая с руководителями и рабочими птицеобъединения, с учителями и школьниками, мы понимали, что находимся в одном из лучших, а может, даже в лучшем хозяйстве области. Еще не везде достигли того, что имеют жители Птицеграда. Но мы понимали, что формирование научного мировоззрения, высоких нравственных качеств, чувства ответственности за все, что происходит на земле, причастности к тому огромному делу, которое творит страна, возможно лишь в результате разносторонней воспитательной работы.

Однако именно здесь ее успехи во многом определила, конечно, сама целена. Благодарная земля взрастила не только хлеб, она выпестовала и такие коллективы. «Куда прилетают лебеди, туда приходит и счастье» — гласит народная мудрость. Но ведь можно и перефразировать пословицу: «Лебеди прилетают туда, где счастливы люди».



М. Бусыгина.

● ...Год назад приняла массандровскую библиотеку. Она в поселке, можно сказать, культурный центр. По вечерам здесь всегда много людей: кто идет за новой книгой, кто — за журналом, кто почитать очередной номер стенной газеты, кто — просто поиграть в шахматы.

Днем, в обеденные часы, как агитатор хожу на предприятия, расположенные на территории поселкового Совета: провожу политинформации. Заодно знакомя своих слушателей с новой литературой, советую, что, на мой взгляд, следует им почитать в первую очередь.

● Недавно в горкоме партии состоялся семинар библиотекарей Ялты. Было сказано, что мы должны обратить большое внимание на атеистическое воспитание трудящихся.

Начала эту работу с обзоров журнала «Наука и религия». Тем более, что знакома с ним с самых первых номеров. Знаю, журнал публикует много разнообразных статей, нужно только заинтересовать читателей. Как известно, больше всего они любят исторические материалы. Еще — научные. Ну и, конечно, повести, рассказы. Однако, когда я делала свой первый обзор «Науки и религии», неожиданно для себя обнаружила интерес людей к проблеме современного религиозного сектантства. Потом выяснила, что в Массандре весьма активно действуют религиозные протестантские группы — баптисты и пятидесятники. А я-то считала, что религия — дело далекого прошлого и не заслуживает серьезного внимания...

● Коммунисты поселка поручили мне вести атеистическую работу... Вчера прочитала свою первую лекцию. Называлась она «О вреде религии». Читала, а думала об одном — только бы не

задали вопросов. Но меня все-таки спросили: когда в Ялте построили собор Александра Невского, и почему он так назван? Я не смогла ответить. Правда, вечером же все разузнала и сегодня зашла на завод, чтобы сообщить ответ. Но все равно — удовлетворения лекция не принесла. Наверное, потому, что я говорила малознакомое.

● Была на молитвенном собрании евангельских христиан-баптистов. Больше всего поразили молящиеся дети — трое дошколят. Надо ведь: толком еще и говорить не умеют, а уже: «Мы хотим прийти к Христу...»

● Организовала в школе — в первых, вторых и третьих классах — клуб «Почемучка». Хочу познакомить малышей с народными сказками, с чудесами, которые творит человек, и с миром, который его окружает. Уже рассказала о суевериях. Некоторые бабушки, а кое-кто и из родителей пугают малышей темнотой, не могут как следует объяснить явления природы. Ребенок начинает додумывать, бояться. И если не разубедить вовремя, кто знает, чем это может обернуться для него впоследствии.

КОВИНА

М. БУСЫГИНА

И ДРУГИЕ

ИЗ ДНЕВНИКА ПРОПАГАНДИСТА

● Провела свой первый атеистический вечер. Организовали мы его в поселковом клубе. Зал был полон народу. Сначала бывший православный священник Василий Одайский рассказал, как он порвал с религией, потом ребята из клуба «Юный атеист» показали и объяснили «плач иконы», «превращение воды в вино», другие церковные фокусы.

Была уверена, что вечер удался, а вчера открыла учебник «Основы научного атеизма» и прочла:

«...В число «разоблачительных» опытов некоторые пропагандисты включают такие, например, как «превращение воды в вино» или же «превращение воды в молоко» и т. д. По-видимому, подобные демонстрации могут дать лишь отрицательный эффект. В самом деле, о превращении воды в вино говорится в Евангелии. Это «чудо» якобы сотворил Иисус Христос в Кане Галилейской. Демонстрируя «чудо» превращения воды в вино, пропагандист может зародить у слушателя мысль, что Христос действительно... пользовался для своих «чудес» методами нау-

ки (а почему бы и нет, он ведь бог!). Кроме того, никакого превращения воды в вино в этом опыте ведь не происходит. Понятно, что подобные демонстрации не только бесполезны, но даже вредны и должны быть исключены из программы атеистических вечеров».

● Посетила молитвенное собрание пятидесятников, познакомилась с пресвитером Александром Тупиковым. Он — среднего роста, жилистый, лицо будто неживое, почти прозрачное. Работает электриком в Институте имени Сеченова. От регистрации общины отказывается. Попыталась было после собрания поговорить с ним по душам: зачем, мол, ставите себя и людей вне закона. А Тупиков в ответ: «Зря стараешься, молодича», — и весь разговор. А назавтра приходит в библиотеку одна из дочерей Тупикова, первоклассница, и говорит: «Маргарита Викторовна, я больше не буду брать у вас книги, мне мама с папой не разрешают, я буду брать в другой библиотеке». Спрашиваю: «Разве я даю тебе не такие книги?» Такие, говорит, но папа и мама не разрешают. Сходила к Акиму Максимовичу Босому, руководителю нашей секции в городской организации общества «Знание». Он выслушал меня, а потом дал совет: «Запомни, что скажу, Рита. Прежде всего люди должны поверить, что ты желаешь им добра».

● Недавно в библиотеку приходит Люда Ковина и просит меня как депутата поселкового Совета помочь ей добиться разрешения пристроить к дому помещение, куда можно было бы поставить отопительный котел. Дом не отапливается, а у Люды двое маленьких детей. Обещала Ковиной помочь.

Верующей Людмила стала еще во время войны. Сначала без вести пропал отец, потом заболела мать. Тут впервые и появились в их доме «братья». Потом Люда вышла замуж и вроде бы отошла от общины. А мать — ей: не простит тебе бог отступничества, не будет вам счастья. И когда, не выдержав, ушел из дома муж, Людмила вернулась-таки к баптистам...

Предложила Ковиной начать поиски отца. Сегодня вместе писали письма с запросами.

● Создала в ГПТУ № 21 клуб «Воинствующий атеист». Учитывая возраст ребят, разработала программу занятий, составила тематику лекций.

На первом же занятии заметила у одной девочки на груди цепочку с крестиком. Девочка сказала, что крестик ей подарила мама. Я осторожно побеседовала, объяснила, что это за символ — крест — и почему комсомолке не пристало его носить. К следующему занятию она крестик сняла. Сама пошла и сказала, что уже не носит.

● Меня избрали секретарем территориальной партийной организации... По решению организации создали в поселке координационный совет по атеизму. От каждой более или менее крупной организации или учреждения в нем представлено по человеку, всего — 18. Теперь почти в каждом трудовом коллективе у нас есть ответственный за атеис-

тическую работу. Раз в месяц я собираю их, беседую, читаю лекции, делаю обзоры литературы. Составила график посещения организаций.

● В моем активе уже две лекции: «Современное религиозное сектантство» и «Религиозные праздники и обряды». В подготовке их активно использовала свою картотеку. Ценные сведения обнаружил, например, в цикле статей А. Белова «По страницам православного календаря». Но особенно ценен материал об исламе, поскольку по этой теме литературы в городе практически нет.

В процессе работы возникают вопросы. Недавно написала в журнал письмо, в котором рассказала о поразившем меня факте. На массандровском виваре работает пожилой художник. Невероятно, прошел Великую Отечественную войну. И он собрался крестить своего младшего сына, объясняя это тем, что старший вырос хулиганом. А с богом, глядишь, вырастет человеком. К тому же, говорит, крещение — это наш, русский обряд. Я объясняла, спорила — бесполезно. Убежден в своей правоте. Так вот, в своем письме я спрашивала у редакции, почему человек, прошедший войну, образованный, ведет своего ребенка в церковь? И почему некоторые люди вообще странно относятся к религии? Иной раз создается впечатление, что где-то в душе они даже веруют...

● Вместе с Олегом Мирошниковым, слушателем факультета атеизма вечернего университета марксизма-ленинизма, провели в кулинарном училище вечер «Атеисты за круглым столом». Нам задали около 50 вопросов. Кроме того, к этому вечеру подготовили викторину. Вопросы были самые простые, например: откуда возник обычай носить украшения? Откуда произошли гадания? Почему люди думают, что если дорогу перейдет черная кошка, то не повезет? Почему на пасху красят яйца? Почему петух считается вещью птицей? и т. д. Причем учащиеся предупредили, что все ответы можно найти в журнале «Наука и религия». Думаю, готовясь к викторине, учащиеся много почерпнули из журнала.

● Снова разговаривала с Тупиковым по поводу регистрации его группы. Сколько можно составлять протоколы о нарушениях законодательства о религиозных культах? Вот, например, недавно Тупиков отказался подписать один из таких протоколов. Глядя на него, никто из верующих тоже не стал подписывать. Кроме одной женщины из Запорожья. Спрашиваем у нее, как зовут и где работает. А она отвечает: «Я здесь гостя, отдыхаю в алуштинском санатории «Колхозник». И единственная из верующих подписала протокол. Да еще обратилась к собравшимся со словами: «Наша община в Запорожье зарегистрирована. Когда мы молимся, никто нам не мешает. Я вас призываю: регистрируйтесь, ведь нам от государства скрывать нечего». Но Тупиков не соглашается.

● Недавно узнала, что Ковину собираются уволить с работы. «За что?» — спрашиваю. «Пусть меньше по моле-

ниям ходит!» Пришлось воспользоваться своим мандатом депутата поселкового Совета.

● Истоки этой истории давние. Тянется она с тех времен, когда начались работы по электрификации Южного берега Крыма. Тогда и пришла ко мне Вера Петровна Пастухова, бывший директор ботанической восьмилетней школы. Рассказывает: когда на пришкольном участке ставили мачту высоковольтной передачи, монтажники фактически уничтожили сад. А он — уникальный: недаром учащиеся школы несколько раз становились участниками выставки достижений народного хозяйства в Москве, награждены медалями и дипломами ВДНХ. Все, что было там высажено, — из Никитского ботанического сада. Потом Вера Петровна ушла на заслуженный отдых. А вот теперь не может без боли в сердце глядеть на это варварство. Пришла, чтобы я помогла возродить школьный сад.

От имени исполкома Массандровского поселкового Совета мы тут же сочинили текст письма, в котором требовали от Крымэнерго возместить причиненный ущерб. А второе — о помощи — в дирекцию Никитского ботанического сада. И нам помогли: прислали саженцы, кое-что порекомендовали, даже выделили сотрудников в помощь. Винсовхоз «Гурзуф» дал школе тракторы, другие сельскохозяйственные машины. Теперь наконец участок приведен в порядок.

● Подошла пора выбирать слушателям университета темы выпускных рефератов. Одним из первых обратился ко мне Федор Иванович Павлюк, экономист планового отдела объединения «Промторг». Поскольку у них работает в основном молодежь и, знаю, многие носят крестики, посоветовала Павлюку написать на эту тему реферат. Думаю, реферат получится неплохой и со временем на его основе Павлюк подготовит хорошую лекцию.

● Вчера в Журавлевой балке состоялось торжественное открытие обелиска — каменной стелы, на которой высечены слова: «Здесь были расстреляны в 1943 году 750 мирных жителей г. Ялты». В нашем городе сооружено 42 памятника погибшим воинам, партизанам. Теперь мы открываем еще один. К обсуждению эскиза памятника, выбору места привлекли жителей поселка. Церемонию открытия обелиска партийная организация поселкового Совета разрабатывала вместе с учителями Массандровской школы. Потом мы обсудили его с секретарем горкома партии Иваном Андреевичем Бондарем и с заместителем председателя горисполкома Николаем Александровичем Солдатенко.

В почетном карауле — красные следопыты — пионеры Массандровской школы. Быть верными священной памяти тех, кто отдал здесь свою жизнь, клятвой звучали слова выступающих. В такие минуты особенно остро чувствуешь: никто не забыт и ничто не забыто.

Спустя неделю, 7 Ноября, здесь, в Журавлевой балке, будут принимать в пионеры мою Оксану. Может быть, впоследствии это станет такой же традицией, как торжественный выезд жи-

телей Массандры ежегодно 9 Мая к памятнику погибшим крымским партизанам на Красный камень или как праздники улиц. Помню, выступала на одном из них — в честь улицы Мира. Рассказывала о том, что в нашем маленьком поселке это самая лучшая улица, о людях, что здесь живут, — Филиппе Трофимовиче Саксонове, который вот уже более полувека в рядах КПСС, кавалере ордена солдатской Славы Владимире Островиче, виноградарях Петриченко, Коваленко и многих других.

● Разговаривала с Ковиной о людях, порвавших с религией. Вот, говорю, к примеру, Виктор Иванович Гарбузов, о котором писал журнал «Наука и религия», — нашел же он в себе силы свернуть с того пути, каким его вела религия. Написать-то можно что хочешь, бумага все стерпит, возражала Люда. Я ее понимаю: ведь в их общине ничего подобного не было. Поэтому она и не сомневалась: если человек уверовал, то это, дескать, на всю жизнь. Тогда я рассказала еще об одном человеке, о котором журнал тоже писал, — Михаиле Пантелевиче Карагюре. С ним лично беседовала на республиканском семинаре в Киеве. По-моему, Люда поверила, что есть все-таки люди, которые расстаются с верой в бога.

● Вчера выступала на комбинате, где работает брат Александра Тупикова, Геннадий. После беседы он подошел ко мне и стал говорить, что у верующих прав, дескать, меньше, чем у неверующих. Взять, к примеру, Александра: у него 11 детей, и вся семья — 13 человек — живет в трехкомнатной квартире. Я объяснила, что, к сожалению, жилья еще не хватает. Подойдет время, и получат Тупиковы большую квартиру. И вообще — о каком притеснении верующих может идти речь, говорю, если ваш же «брат» по общине Терехов, имеющий десятерых детей, только что получил две квартиры в новом благоустроенном доме.

● На занятиях факультета научного атеизма университета марксизма-ленинизма обсуждали принципы работы координационных советов по атеизму. Они у нас созданы при управлении курортами Министерства здравоохранения УССР, в ряде районов города. Соображения и пожелания слушателей будут учтены при составлении планов работы на год.

● Вернулась из пионерского лагеря Оксана. Что-то уж очень заинтересовалась суевериями. А ведь в этом лагере было немало ребят из Массандровской школы. Значит, в нынешнем учебном году на заседаниях кружка нужно основательно поговорить о суевериях, поверьях, народных приметах и т. п.

● Стала заведующей библиотекой Дома политического просвещения горкома партии. В Массандре сдала свои секретарские полномочия. Немного грустно: все-таки 10 лет была секретарем партбюро.

...Оформила в библиотеке горкома партии стенд литературы по научному атеизму. Начала его темой «Свобода совести и социализм».

г. Ялта
Крымской области

НАША ПЛАНЕТА И ЗВЕЗДЫ



22 сентября 1928 года в день осеннего равноденствия в торжественной обстановке был заложен первый камень в фундамент нового уникального астрономического центра — Московского планетария. 5 ноября 1929 года состоялась первая лекция. Это были те годы четвертый планетарий, они тогда имелись только в Париже, Риме и Вене. Демонстрационная аппаратура была приобретена у всемирно известной немецкой фирмы «Цейс».

За 50 лет в Московском планетарии побывали десятки миллионов человек. Они слушали лекции в Звездном зале и физической аудитории о новейших достижениях астрономии, физики, космонавтики, комплекса наук о Земле.

Под искусственным «электрическим» небом планетария проводили систематические тренировки советские космонавты — знакомились с расположением созвездий, учились мгновенно и безошибочно в любых ситуациях находить на небе опорные, навигационные звезды, ориентироваться по небесным светилам.

Важнейшая часть деятельности Московского планетария — работа с юными,

со всеми молодыми, кто интересуется «небом» и его бесконечными проблемами. Сотни тысяч школьников, изучающих астрономию, прослушали здесь обстоятельные циклы лекций, сопровождаемые картинами различных небесных явлений, кинофильмами, физическими опытами. И не только прослушали, но и осмыслили эти явления. Ведь главная цель каждой лекции планетария — не просто расширение знаний, а формирование у слушателей материалистического мировоззрения, диалектического стиля мышления, последовательных и четких атеистических взглядов на Мир.

ВНАЧАЛЕ БЫЛ КРУЖОК

В ВЕСТИБЮЛЕ Московского планетария объявление: «Научная конференция аст-

рономических кружков». Темы докладов, фамилии докладчиков.

Вот уже заняты почти все места в физической аудитории.

Здесь и десятиклассники и дети, перешедшие в седьмой. Дети, как дети, как многие из них, но все же, как мне кажется, в чем-то не такие. По тому, как они входят в аудиторию, как рассказывают, как и о чем переговариваются, с каким нетерпением ждут начала конференции, видно: они пришли в планетарий не убивать время и уж, конечно, не ради моды на все «космическое». Их привели сюда любознательность, интерес к тайнам мироздания, стремление как можно больше узнать об окружающем Мире, осмыслить его, найти свое место в нем.

К доске один за другим выходят докладчики. Говорят свободно, то и дело слышатся астрономические термины: линии спектра, радикалы, резонансная частота, гидроксильная группа, изотопы, избыток света. На доске одна за другой возникают сложные формулы. Этот вечер, как и многие другие, проведенные членами астрономических кружков в Московском планетарии, запомнится ребятам, станет одной из вех, которые ведут в большую самостоятельную жизнь.

В одном из кабинетов планетария мы беседуем с бывшим кружковцем, ныне доктором физико-математических наук Игорем Дмитриевичем Новиковым. Имя

молодого астрофизика хорошо знакомо исследователям Вселенной не только в нашей стране, но и за рубежом. На одном из последних съездов Мирового астрономического союза его избрали председателем комиссии по космологии.

— Люблю бывать в планетарии, — говорит Новиков. — Ведь именно здесь я родился как ученый.

В третьем классе мальчик впервые попал на лекцию в планетарий.

— Мне здесь так понравилось, что захотелось ходить сюда часто, — вспоминает Новиков, — я даже несколько раз устраивал походы в планетарий с ребятами своего двора. И почему-то особенно мне запомнилась лекция на тему «Было ли начало и будет ли конец Мира?». Но, пожалуй, самое сильное впечатление произвела на меня аппаратура планетария, искусственное звездное небо.

В те годы при астрономических кружках Московского планетария существовал отдел Всесоюзного астрономического общества (ВАГО). Тут уже можно было заниматься постоянными научными исследованиями. Сначала меня интересовали планеты. Но в тот вечер, когда я пришел на занятия, собрался отдел Солнца. Мне понравилось, и я стал наблюдать Солнце на обсерватории Московского городского пединститута. Зарисовывал пятна и другие активные образования на солнечной поверхности. Результаты этих исследований регулярно публиковались в бюллетенях ВАГО. Это была очень важная и серьезная школа.

Конечно, определенное представление о Вселенной в наше время имеет чуть ли не каждый школьник. С основными сведениями о небесных светилах он знакомится уже в четвертом классе на уроках природоведения. Но одно дело прочитать учебник, рассмотреть плакаты и рисунки и совсем другое — встретиться с астрономией непосредственно, увидеть приборы и инструменты, с помощью которых изучается Вселенная, прикоснуться к ним, побывать под искусственным звездным небом, где волей человека небесные светила и явления приближены к нему так, как нигде в природе...

НЕМНОГО ИСТОРИИ

В 1934 году редакция газеты «Пионерская правда» и Московский планетарий решили собрать ребят, интересующихся астрономией. Пришли около 20 человек. Они и стали ядром будущего астрономического кружка. Его первым руководителем был Виталий Алексеевич Шишаков. Перед школьниками выступали многие известные астрономы, чаще других профессора Константин Львович Баев и Михаил Евгеньевич Набоков — талантливые популяризаторы науки о Вселенной. Ребята мастерили самодельные приборы, вели наблюдения небесных светил, выступали с докладами.

С окончанием Отечественной войны началась новая жизнь кружка. К тому времени юных любителей астрономии стало приходиться так много, что их разделили по возрастным группам. Три кружка — три ступени, три шага к секретам науки о Вселенной. Если младшие кружковцы большую часть времени уделяли изготовлению простейших астрономических приборов — угломерных инструментов, солнечных часов, подвижных

карт звездного неба и даже телескопов, — то в «среднем» кружке ребята получали углубленные систематизированные знания по основным разделам астрономии, а затем, занимаясь в специальных группах, приобретали навыки практических астрономических наблюдений, учились обращаться с астрономическими инструментами, начиная от телескопов различных конструкций и кончая солнечными и лунными фотокамерами и спектральными приборами.

А когда, полностью освоив эту программу и сдав экзамены, кружковец переходил на «старшую» ступень, ему, помимо самостоятельных астрономических наблюдений, доверяли занятия с младшими и средними кружковцами, а также участие в популяризаторской деятельности планетария в обсерватории и на астрономической площадке.

ПРИКОСНОВЕНИЕ К НАУКЕ

Азербайджан, Шемахинская обсерватория в окрестностях Баку — один из крупнейших астрономических центров страны. Вечерет, в темном небе зажигаются первые звезды. Сегодня рабочие места у астрономических инструментов заняли гости, участники очередного Всесоюзного слета юных астрономов, в их числе — лучшие кружковцы Московского планетария.

У одного из телескопов — ученик 10-го класса «А» 471-й московской школы Дима Фомин. Закончены приготовления, инструмент направлен в заданную точку небесной сферы, и наблюдатель, немного волнуясь, прильнул к окуляру — не так уж часто доводится вести наблюдения на настоящей обсерватории. В поле зрения — хорошо знакомый участок звездного неба. Он наблюдал его не раз и в телескоп, и на искусственной звездной сфере планетария. Наверное, поэтому глаз почти сразу отметил что-то необычное в знакомом расположении светил.

В первый момент Дима даже не осознал, в чем дело. На некоторое время оторвался от окуляра и отвел взгляд в сторону — пусть глаз отдохнет — случается обман зрения. Немного подождя, снова посмотрел в окуляр. Нет, что-то в самом деле не то. Он внимательно взгляделся в расположение светил, сверяя наблюдаемую картину с той, которая запечатлена в памяти.

Вот здесь... Какое-то туманное светлое пятнышко. Но его тут никогда не было. Неужели?.. Неужели все-таки комета? Ведь некоторые профессиональные астрономы безуспешно «гоняются» за ними всю жизнь, а он наблюдает небо всего несколько лет!

Дима еще раз отвел глаза и вновь прильнул к окуляру. Туманное пятнышко не исчезло. Ему даже показалось, что оно чуть-чуть передвинулось. Немедленно сфотографировать! А теперь телеграмму в центр советской кометной астрономии — обсерваторию Киевского университета. Было два часа ночи.

Ответ пришел к утру. Специалисты по кометам сообщили, что судя по всему Диме Фомину одному из первых в нашей стране удалось обнаружить очередное появление кометы, открытой в середине прошлого столетия французским наблюдателем Д'Арре, весьма редкой гостью

на земном небе. Киевские астрономы просили продолжать наблюдение, так как сплошная облачность над Украиной не дает возможности следить за интересным небесным телом.

Так московский школьник, участник астрономических кружков Московского планетария Дима Фомин вписал свое имя в историю кометной астрономии. И это далеко не единственный пример прикосновения юных астрономов к большой науке.

Вечер 24 марта 1978 года. В фойе планетария и на астрономической площадке необычное оживление. Сегодня планетарий целиком отдан в распоряжение кружковцев. Их собралось около ста человек, некоторые пришли вместе с родителями.

Из хранилищ выносятся телескопы, зрительные трубы, бинокли, планшеты для зарисовок — ожидается полное затмение Луны. Кружковцы начали готовиться к нему задолго до 24 марта. Каждый получил конкретное задание. Одни должны были фотографировать ход затмения фотокамерами, соединенными с телескопом, другие — делать снимки с помощью обычных фотоаппаратов, третьи — определять моменты контактов — отмечать те минуты и секунды, когда земная тень, передвигаясь по диску Луны, сойдет с его края, а затем с наиболее известных лунных кольцевых гор — кратеров. Еще одна группа кружковцев готовилась оценивать различными способами общую яркость Луны при разных фазах затмения. И обработка полученных данных, расчеты, графики, проявление пленок, пластинок, кропотливые измерения тоже входили в обязанности юных исследователей.

Планеты издавна привлекали особое внимание кружковцев планетария. В отличие от звезд, которые при наблюдении даже в самые крупные телескопы выглядят точками, планеты — протяженные объекты, с помощью даже небольших астрономических инструментов можно разглядеть на их поверхности некоторые детали.

Пожалуй, одно из главных мест отводилось Юпитеру, гигантской облачной планете, с которой связаны многие интригующие загадки Солнечной системы. Каждый год кружковцы отмечали расположение облачных полос и других устойчивых образований. И когда в 1967 году в издательстве «Наука» вышел сборник «Исследования планеты Юпитер», в него вошла сводка многолетних наблюдений, выполненных в астрономических кружках Московского планетария. На их основании удалось проследить, как изменялись расположение и яркость облачных полос гиганта.

Но, пожалуй, самый благодатный объект для любительских астрономических наблюдений — метеоры. Кому хоть раз не случалось наблюдать на небе мгновенно возникающий среди звезд яркий след — «падающую звезду». Это мельчайшая пылинки со сверхзвуковой скоростью врзалась в земную атмосферу, разогрелась и, вспыхнув на короткое мгновение, тут же испарилась. Метеоры могут рассказать о многом — о диффузном веществе в космическом пространстве, о количестве пылевой материи, попадающей на Землю, о некоторых физических процессах, протекающих в верхних слоях земной атмосферы. А кроме того, с наблюдением метеоров

связаны научные экспедиции, поездки за чистым небом в Крымское отделение Всесоюзного Астрономо-геодезического общества, объединяющего астрономов-любителей.

ЧТО ИХ ВЛЕЧЕТ?

И снова разговор с Игорем Дмитриевичем Новиковым.

— Что дали вам занятия в астрономических кружках планетария?

— Прежде всего, возможность развить свою любовь к астрономии. Благодаря кружкам мы — ребята — общались с учеными, со старшими школьниками и студентами, которые охотно делились с нами своими знаниями и опытом. Кружки дали нам нечто большее, чем просто приобщение к астрономии. Это был как бы выход — не побоюсь сказать — в нечто возвышенное, что-то такое, что стояло над нашими повседневными сиюминутными ребячьими интересами.

— Может быть, самое главное, что я получил здесь, на занятиях астрономических кружков, — говорит Борис Николаевич Поповкин, кандидат физико-математических наук, — это совокупность впечатлений, чрезвычайно важных в юношеском возрасте. Они стали существенным дополнением к моему восприятию окружающего Мира.

Я спросил наугад у 23 кружковцев: «Почему вы посещаете занятия астрономических кружков Московского планетария?»

18, не задумываясь, ответили:

— Вступил в астрономический кружок потому, что увлекаюсь астрономией, мне нравится эта наука, и я хочу лучше ее узнать.

Некоторые привели дополнительные соображения:

— Занятия астрономией помогли мне составить систему взглядов на физический мир, — считает ученица 9-го класса Наташа Исаева.

— Астрономический кружок расширяет мой кругозор, дает глубокие представления о строении Вселенной, — ответ десятиклассника Володи Леонова.

Занятия в кружках, близкое знакомство с новейшими достижениями науки о Вселенной способствуют не только расширению кругозора юных любителей астрономии, но и формированию последовательного атеистического миропонимания.

Ведь атеизм — не столько отрицание бога, сколько утверждение научно обоснованных материалистических взглядов на Мир, убежденности в том, что каждое явление природы и общества имеет естественные причины и подчиняется естественным закономерностям. В то же время атеизм — это и активный поиск естественных причин явлений, активное отрицание каких-либо сверхъестественных сил и причин в любом природном явлении или общественном событии.

Занятия в кружках, где ребята сами ведут наблюдения, пусть пока еще не очень сложные научные исследования, обрабатывают и обсуждают полученные результаты, лучше всего убеждают их в естественном характере многообразных явлений природы. Сталкиваясь с различными задачами, простыми и более сложными, участвуя в их решении, присутст-

вует при обсуждении актуальных проблем современной науки, непосредственно общаясь с выдающимися учеными (а такое общение имеет огромное воспитательное значение), кружковец в действии воспринимает диалектику процесса научного познания. У него вырабатывается правильное понимание особенностей развития науки, неизбежных трудностей, необходимости смены научных представлений. А это — надежная духовная закалка: встретившись в жизни с непонятными явлениями, такой человек не ударится в мистику.

Почти все кружковцы мечтают либо стать астрономами, либо заниматься решением задач, так или иначе связанных с этой наукой. Игорь Гурцев хочет заниматься космической биологией, Наташа Мац — ракетостроением, Дима Смирнов видит себя конструктором телескопов.

Конечно же, астрономом, вообще научным работником станет далеко не каждый кружковец. Юности свойственно как увлекаться, так и менять увлечения. Многие найдут путь в профессиональную астрономию и смежные области знания. Астрономические кружки планетария — вовсе не школа по подготовке будущих исследователей Вселенной. Здесь важно другое. Мы живем в особое время, в эпоху, когда научный подход требуется везде, независимо от того, каким делом занимается человек.

То полезное, что приобретают ребята, посещая занятия научных кружков планетария, остается с ними навсегда, помогая и в труде и в жизни. В свою очередь Московский планетарий, отмечая свой полувек юбилей, работая с юными, воспитывая их, остается вечно молодым, постоянно ищущим новые методы и формы пропаганды научных знаний и материалистического мировоззрения. А для организации, популяризирующей достижения науки, — это главный залог постоянного успеха в работе.

КИНО НУЖНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ ШИРЕ

● Правильно пишет в апрельском номере журнала начальник областного управления кинофикации Ошского облисполкома Киргизской ССР Р. Конурбаев, что атеистический фонд кинопроката беден. Замечу к тому же, что эти нужные фильмы еще и плохо рекламируются. Поэтому до зрителя они порой не доходят.

В нашем районе мы проводим много мероприятий совместно с отделом культуры, районным отделом народного образования, организацией общества «Знание» и т. д. На этих мероприятиях кинофакторы района, бывает, показывают и атеистические фильмы. Правда, редко. Я считаю, что кинокартины надо чаще показывать в «глубинке», когда туда приезжают с лекциями пропагандисты.

Н. ПРИБИТКОВ,
отличник
кинематографии СССР

г. В е л с к
Архангельской области

ЕСЛИ ВЗЯТЬСЯ ВСЕМ МИРОМ...

В. ХАРАЗОВ,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

Вот какое письмо
пришло в редакцию
20 лет назад:

Я уже старый человек — в этом году мне исполнится 70 лет. Еще задолго до Октябрьской революции я порвал с религией и стал убежденным атеистом. И мне горько и досадно видеть, что среди моих земляков до сих пор есть люди, не освободившиеся от религиозных заблуждений, в частности — справляющие престольные праздники и наносящие тем самым непоправимый вред и собственному здоровью, и обществу производству.

Особенно большой вред моим односельчанам приносят петров день и Казанская божья мать. В эти праздники 180—190 человек (из 215 трудоспособных колхозников) не выходят на работу по 4—5 дней... Только из-за них колхозники села Новлей теряют ежегодно 80—100 тысяч рублей* при общем доходе 800—900 тысяч рублей. Каждая колхозная семья тратит на петров день в среднем около 1500 рублей.

В религиозные праздники водка и самогон, как говорится, текут рекой. Года два назад умер, отравившись алкоголем, 30-летний колхозник села Паево И. Парфенов; еще нескольких человек еле-еле привели в чувство. Пьянство порой приводит к тяжелым преступлениям. Лишь в этом году в селе Глухово соседнего, Кадошкинского района в религиозные праздники сгорело три дома и конный двор. В селе Куликово того же района 20-летний В. Ильин, изрядно хлебнувший на рождество спиртного, ранил трех односельчан, одного из них — смертельно...

Наши колхозники решили начать борьбу с религиозными праздниками. Недавно общее собрание жителей села Новлей единодушно постановило: в дни этих праздников выходить на работу. Хочется, чтобы и в других селах поступили так же.

С. Я. КИЛЬМЯШКИН,
колхозник

с. Новлей
Инсарского района
Мордовской АССР

Какие изменения за два десятилетия произошли в этом селе? Какова судьба автора письма? Чтобы получить ответы на эти вопросы, я и отправился в село Новлей.

* Все суммы, естественно, приведены в существовавшем тогда денежном исчислении.

...Пройдя через сени, попадаем в жилую часть дома, разделенную дощатой перегородкой. В передней комнате — русская печь, в другом углу — газовая плита, рядом — стол, скамейка, над ними — икона.

— Сергей Яковлевич, — позвал председатель сельского Совета Александр Севастьянович Данилов, — гости к вам!

С печи донеслось покашливание. Из темной ниши медленно выдавилась на свет седая голова. Лицо, большую часть которого скрадывала окладистая борода, изрезано морщинами. Сергей Яковлевич стал медленно сползать с печи, нащупывая ногами скамейку. Мы бросились поддерживать его — ведь девяносто лет человеку!

— Не трожьте, — недовольно буркнул он, — не дите...

Он слез сам, поздоровался со всеми за руку, старательно вглядываясь в наши лица, затем предложил сесть и сам расположился за столом.

Откровенно говоря, я не надеялся, что Кильмашкин вспомнит о давнем своем письме в редакцию. Но, вопреки моим ожиданиям, голос его как-то сразу окреп, согнутая спина выпрямилась. Перед нами сидел крупный, крепкий еще старик с ясным умом и прекрасной памятью. Письмо в журнал он узнал сразу же, едва я прочитал первые его строки. В ходе беседы стало ясно, что оно не было результатом минутного порыва и вовсе не случайно, что написал его именно Сергей Яковлевич. В этом меня убедила вся история его жизни.

Родился он здесь же, в селе Нов-лей, в глубоко верующей семье. Читать учился по Библии да по Псалтырю, и потому нет ничего удивительного, что и сам веровал искренне и глубоко, был даже активистом местного прихода, за что удостоился поощрения — собрания сочинений русского классика. Какого именно — должен был выбрать сам. Кильмашкин выбрал Льва Толстого. Однако губернатор, просматривая списки награжденных, Толстого вычеркнул и вместо него вписал Гоголя. Незачем церковному активисту, рассудил, по-видимому, царский чиновник, читать писателя, осуждаемого церковью.

В 1914 году Сергея Яковлевича мобилизовали и отправили на фронт. Судьба свела молодого солдата с офицером, который до войны служил учителем и был отправлен на передовую за «вольномудество». Он часто собирал наиболее грамотных и смелых солдат, знакомил их с работами Маркса. Обстоятельные беседы с бывшим учителем, с товарищами по марксистскому кружку, фронтовая жизнь давали немало пищи для молодого пытливого ума. Именно там, на фронтах первой империалистической, стал Сергей Кильмашкин убежденным атеистом.

Когда еще перед революцией вернулся он в родное село, в церковь ходить не стал. Такое поведение бывшего церковного активиста удивило местного священника. Встретив Кильмашкина на улице, он спросил:

— Что ж ты в храм божий не заходишь?

— Не верую я больше.

— Как не веруешь? Не может того быть!

— Как видите, может.

Священник растерянно почесал в затылке и вдруг оживился:

— Ты вот что. Ты на исповедь-то приходи завтра. Я ведь понимаю, сам слаб и грешен перед господом. Да и кто без греха? Кто решится бросить камень? А тут война, фронт, человекоубийство. Кто в таком пекле-то не нагрешит? Так ты приходи на исповедь, отпущу я тебе грехи.

Не раз еще священник уговаривал Сергея Яковлевича покаяться на исповеди, напоминая о том, что больше будет на небесах радости об одном раскаявшемся грешнике, чем о девяноста десяти праведниках, не нуждающихся в покаянии. Не послушался Кильмашкин уговоров...

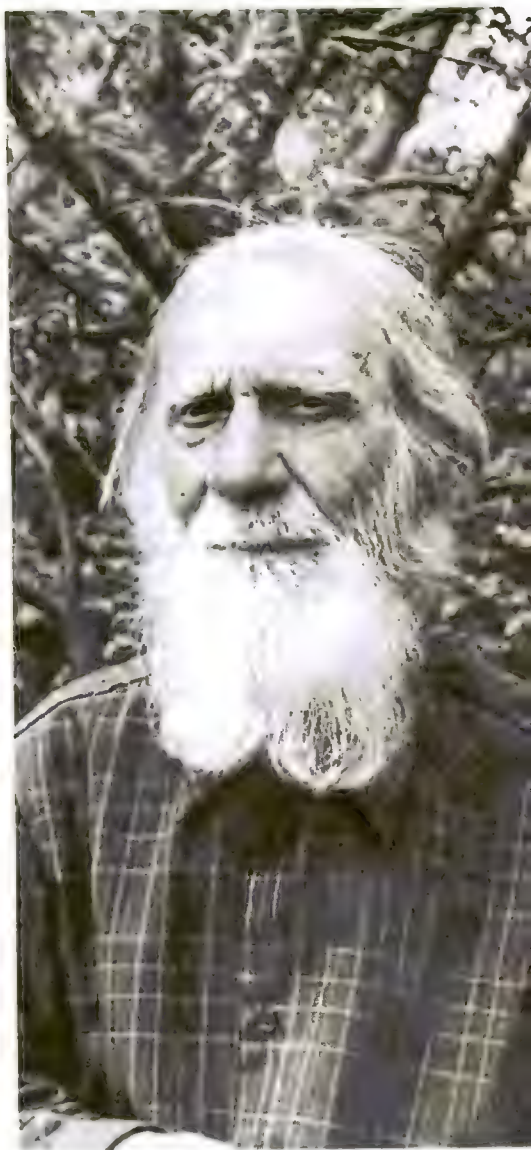
Долгую и славную жизнь прожил Сергей Яковлевич. Воевал за Советскую власть в рядах Чапаевской дивизии, участвовал в коллективизации. Были в его жизни и радости, и огорчения, трудности и удачи. Но ни разу за всю жизнь не пожалел он, что отрекся от былых иллюзий, что решился стать хозяином собственной судьбы, надеясь лишь на себя да на хороших людей.

Будучи сам убежденным атеистом, Сергей Яковлевич всегда старался и соседям, и товарищам по работе объяснить тщетность надежд на высшую справедливость, на воздаяние на том свете, на жизнь вечную. Добро и зло, объяснял он, заключены не в боге и дьяволе, а в условиях жизни человека, в самом человеке — его характере, поступках, в отношении к себе, ко всему, что его окружает.

Откровенно говоря, на первых порах Сергею Яковлевичу казалось, что тщетность надежд на бога, вред религии и ее антинаучная сущность настолько очевидны, что через десяток-другой лет лишь старики будут помнить о том, как по темноте своей поклонялись богу. Однако процесс массового отхода верующих от религии оказался сложнее. Было и так: уйдя от одного берега и не пристав к другому, человек оставался без твердых морально-нравственных принципов и ориентиров.

Все это видел и понимал Сергей Яковлевич. Религиозные обряды, церковные праздники, в которых вместе с верующими участвовали и уже отошедшие от религии люди, — это его тревожило. И вот в 1959 году он после долгих раздумий написал о своих тревогах в редакцию начавшего тогда выходить атеистического журнала.

Собираясь в командировку, я наметил вопросы, которые хотел выяснить. Однако, откровенно говоря, какого-то главного, основного так и не нашел — решил, что на месте будет виднее. Так оно и оказалось: разговор с Сергеем Яковлевичем определил проблему, к которой, как стрелка компаса к магнитному полюсу, склонялись все наши разговоры. Что бы мы ни обсуждали, мы вновь и вновь возвращались к одному и тому же: можно ли безрелигиозное село считать атеистическим, а если нет, то в чем разница между тем и другим, какие пути ведут от одного к другому?



Сергей Яковлевич Кильмашкин.

— Ну, а сейчас, — спрашиваю, — отмечают престольные праздники или уже забыли их?

— Да ведь как сказать... — задумывается Сергей Яковлевич, — праздновать-то вроде не празднуют, но и забыть не забыли. Когда у нас петров день-то? — обращается он к внуку.

— Кажется, летом... В июле, наверно. А может, и нет...

— Вот видите — точно не знает. Что за петров день такой, вам теперь только старушки скажут, да и то не все. Ушли престольные праздники из села. И это хорошо. Другое плохо — пьянка осталась! Не по тем дням, так по другим — не осталась.

— Сергей Яковлевич, — говорю я, — вот вы убежденный атеист, а сидите под иконой.

— А... — досадливо машет он рукой, — сноха это... И молиться вроде не молится, и снять не хочет. Пусть, говорит, висит — угол не портит. Да и то, икона-

то ей от матери досталась. Какая-никакая, а память.

Помолчав, Сергей Яковлевич продолжает:

— В Новлее почти никто не молится, а иконы висят во многих домах, детей крестят, бывает, что и венчаются, и отпевают... Что это значит? А то, что не во всем на смену старому пришло новое. Религия давала человеку ложный смысл, обманчивую красоту. Но для человека, пока он верил, они были истинными — это я по себе знаю. И, открыв ему глаза на призрачность его прежних представлений, надо дать почувствовать красоту и высокий смысл новых. А вот этого-то пока, мне кажется, в Новлее нет.

Молодые люди много знают, что там говорить. Любого старика за пояс заткнут. А вот красоту, истинный смысл новых людских отношений, нового предназначения человека мало кто понимает как следует. Люди у нас в селе и к новому вроде бы тянутся, и на старое оглядываются, потому как старое помнят, а новое пока еще не стало личным убеждением, верой душевной. Насчет верности народу своему, Родине — я не говорю, тут все на месте. А вот о верности душе своей, сердцу своему — тут еще пахать да сеять надо. Тут, как с престольными праздниками, — всем миром браться надобно...

Долгая беседа взволновала и утомила Сергея Яковлевича. Его можно понять — он делился самым сокровенным, тем, о чем столько думано-передумано в долгие часы старческой бессонницы. Не о себе, не о том, что последний срок подходит долгой жизни, а о людях, об их проблемах, их счастье размышляет 90-летний атеист Сергей Яковлевич Кильмашкин.

Так что же это за село, о духовном мире которого он так тревожится?

Новлей, как принято говорить, — настоящая сельская глубинка. От районного центра, старинного города Инсара, около 20 километров, не так уж и много, но не во всякое время года и не всякая машина их проедет. Лишь два здания заметно нарушают общий стиль села — белокаменный одноэтажный магазин да темная внушительная громада заброшенной церкви, высоко в небо вознесшая потемневшие кресты. А вокруг — невысокие бревенчатые дома колхозников.

Разговаривая с жителями села, я убедился: канули в прошлое и разгульный петров день, и хмельной праздник Казанской божьей матери. Возможно, кто-то еще вспоминает и отмечает их — не так-то легко и быстро исчезают привычки, бытовавшие сотни лет, — но сейчас это уже не традиция, а лишь слабый ее отголосок, замирающее во времени эхо. Новлей действительно можно назвать безрелигиозным селом. Ушла не только сама религия как мировоззрение людей, исчезает обрядово-бытовая сторона религиозного культа.

За минувшие 20 лет значительно изменился быт колхозников. Электричество привело в дома и телевидение, и культурно-бытовую технику. Почти повсеместно есть газовые плиты. Все это способствует перестройке быта, отходу от прежних взглядов, традиций. Однако

безрелигиозное село — еще не атеистическое. И, видимо, как раз такой переходный этап особенно сложен. В селе, где почти полтысячи жителей, вряд ли наберется более 10 верующих, и тем не менее во многих домах мирно соседствуют телевизор и икона. «Не нами заведено, не нам и менять», — таково мнение многих пожилых людей. А ведь это значит, что дети растут под иконами, раньше или позже начинают спрашивать, что это за картинка и кто на ней нарисован. Бабушки, естественно, объясняют. Объясняют так, как им в свое время объясняли их матери и бабушки.

Снисходительно относятся люди и к гайтам и обрядам — крещению, венчанию и отпеванию, воспринимают их как древние народные обычаи.

Может возникнуть вопрос: если так обстоит дело с иконами и религиозными обрядами, то как же удалось избавиться от религиозных праздников? Видимо, тут дело в очевидности вреда. Ущерб, который наносили общественному производству разгульные религиозные праздники, был нагляден, его без труда можно было подсчитать в тоннах и рублях. Но, помимо ущерба хозяйству, религиозные праздники наносили ощутимый вред личности человека, его здоровью. Пьянство было непременным атрибутом каждого религиозного праздника. Конечно, не с христианством пришли на Русь хмельные напитки. Но именно в дни православных праздников пьянство становилось нормой, и православное духовенство часто подавало в этом дурной пример своим прихожанам. Стоит ли удивляться, что в сознании людей количество выпитой водки становилось своеобразным мерилом масштабности: чем разгульнее праздник, тем значительнее.

И в Инсаре, и позже в Саранске я обстоятельно беседовал о затронутых проблемах с руководителями комсомольских и партийных органов, общества «Знание», с учеными Мордовского государственного университета.

После известного постановления о развитии Нечерноземья экономика района стала быстро укрепляться. В полеводство и животноводство внедряется научно обоснованная технология. Молодые люди, закончившие десятилетку, все чаще остаются в селе. Возвращаются домой те, кто отслужил в армии. Современная техника позволяет молодым рабочим реализовать свои потребности в квалифицированном труде, профессиональном росте.

И все-таки Инсарский район в передовых пока не числится. Причин тому немало, среди них есть и такая, как бездорожье. Единственный пока путь сообщения с центром республики — через соседний район, станцию Кадушкино, по забитой транзитными грузами железной дороге. Район не всегда имеет возможность вывезти собственные грузы и получить те, что ему выделяют. Все это, конечно, сказывается на экономике, сдерживает развитие объектов социально-культурного и бытового назначения, отрицательно влияет на стабильность и привлечение кадров сельской интеллигенции, в особенности культпросветработников.

Но, кроме объективных факторов, есть и субъективные. Мне показалось, что при всех существующих трудностях больше инициативы, активности, творчества можно было бы ждать от местной интеллигенции.

В последние годы в районе активно идет процесс формирования общественного мнения и мобилизации его на борьбу с пьянством. Общественное мнение — мощное средство воздействия, и, по-видимому, следует подойти к его формированию шире, направить его на решение целого комплекса проблем, тем более, что каждая из этих проблем не существует изолированно и все они взаимосвязаны. Может быть, стоило бы превратить бывшую церковь Новлея в музей истории и культуры села? Низенькое бревенчатое здание Дома культуры сейчас больше похоже на обычную избу, а соседство с громадой церкви поневоле вызывает нелестные сравнения.

Может быть, целесообразно попробовать приспособить и магазин — это пока единственное приветливое и современное здание в Новлее — под вечернее кафе для клубных встреч, где бы по определенным дням собирались и молодые — поговорить, потанцевать — и пожилые — вспомнить прошлое, спеть старинные песни.

Необходимо позаботиться о культуре, духовном мире людей села, воспитывать научно-материалистическое мировоззрение активно и целенаправленно. Ибо сознание человека, освобождающегося от иллюзорного миропонимания, но еще не пришедшего к твердым материалистическим убеждениям, подобно распаханному весеннему полю: какие семена туда кинут, то и вырастет.

Да, заметно изменилось за двадцатилетие село Новлей. Сегодня тут, как и во всей Нечерноземной зоне, идут большие экономические и социальные преобразования, жизнь поднимается на качественно иной уровень. И вся воспитательная работа, формирование и развитие духовного мира сельских тружеников должны соответствовать этому уровню. Об этом четко напомнило постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

...Ровно гудит «газик», пробираясь из Новлея в Инсар по наезженной колее. В свете фар возникают и пропадают скирды соломы, словно путники выскакивают из темноты с просьбой подвезти и, не решившись, снова отступают в ночную тьму.

Я почему-то подумал, что, наверно, еще долго после нашего ухода сидел Сергей Яковлевич на скамейке, вспоминая юность. И, пожалуй, главная его забота о том, кто вслед за ним — вот так же, как он, — бескорыстно и неустанно, не по должности, а по велению сердца и совести, — станет тревожиться не об одном хлебе насущном, но еще и о сердцах, душах своих земляков.

Придет ли когда-нибудь из села Новлея столь же взволнованное письмо, продиктованное искренней заботой о развитии духовного мира своих земляков, как то, что написал нам когда-то Сергей Яковлевич Кильмашкин?

Заботливое, бережное отношение к памятникам истории и культуры стало в нашей стране государственным делом, забота об их сохранности входит в обязанности каждого гражданина СССР. Особая роль принадлежит здесь музейным работникам. Профессия эта для многих людей связана с образом педанта, вся задача которого сводится к тому, чтобы охранять музейные экспонаты. Со школьных лет мы помним музейные «запрещающие» таблички: «не трогать», «не садиться» и т. д. Избавиться от ложного представления о музейном работнике помогла мне встреча с Ольгой Владимировной Кругловой — заслуженным деятелем культуры, более 20 лет возглавлявшей отдел народного художественного творчества в Загорском музее.



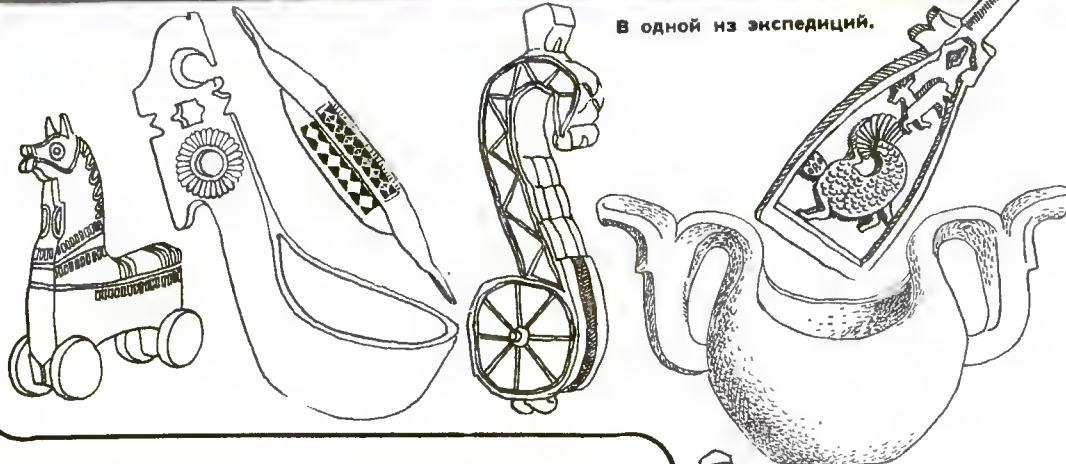
...Мы идем с Ольгой Владимировной по музейным залам. В комнатах со сводчатыми потолками, где теперь расположен отдел древнерусской живописи, когда-то находились квартиры сотрудиников музея. Здесь и поселилась в 1949 году со своими родителями выпускница Ленинградской академии художеств Ольга Круглова. Из окон открывается вид на центральную часть лавры, на деревья старинного монастырского парка, строгие линии Успенского собора. Круглова вспоминает послевоенное время. Многие постройки тогда находились в аварийном состоянии. Не одну сотню тысяч рублей потратило государство, чтобы возродить замечательные памятники архитектуры...

Главным предметом исследований О. В. Кругловой стало народное творчество. В наше время изделия народных мастеров привлекают все больше внимания. В этом проявляется признание непреходящей ценности народного искусства, острая необходимость его присутствия в жизни современного человека. Речь идет, конечно, не о тех, кто пытается сделать памятник старины достоянием собственной персоны: пить «горькую» из расписного ковши XVIII века — признак современного мещанства. Богатство и чистота духовного мира, отразившиеся в лучших изделиях народных мастеров, давно приобрели значение общечеловеческой ценности. Поэтому им место — в музеях, где их не только берегают (хотя и это очень

важно), но и подвергают научному анализу, на образцах высокого искусства воспитывают вкус современных мастеров.



В одной из экспедиций.



Многие годы изучая русское народное искусство, Ольга Владимировна убедилась: любовь к красоте, тяга к ней заложены в самой природе народа. Украшая предметы быта и орудия труда, крестьянин превращал их в произведения истинного искусства. Радуюсь рождению ребенка, он вдохновенно расписывал люльку, вырезал для мальчика игрушку-коня, для девочки — кунлу, разук-

рашивал сани и дуги, сундуки и люльки, прялки и швейки, вальки и трепала, ковши и солонницы. Да и сам крестьянский дом был порой шедевром деревянного зодчества.

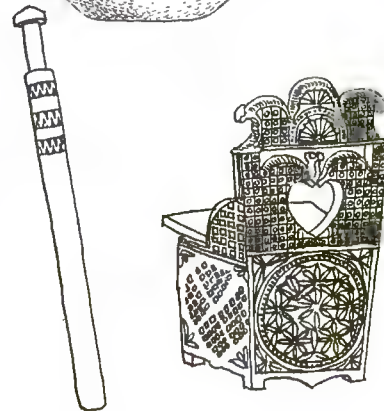
Одежда и утварь, металл и ткань, изделия из дерева, роспись и резьба — все эти предметы народного творчества — материал для раздумий, научных поисков. В своих статьях и лекциях О. В. Круглова выс-

Праздники, обряды, традиции

ИСТОЧНИК ДУШЕВНОГО ЗДОРОВЬЯ

Н. ЕВСЕЕВА

Ольга Владимировна Круглова.





тупает не только как искусствовед, но и как историк, этнограф, социолог. Ее знания, опыт, вкус помогают сделать так, чтобы каждый новый экспонат не просто занял свое место в музейной экспозиции, но и помог узнать что-то новое о жизни народа, его труде, часах досуга.

Особое место в жизни Ольги Владимировны заняли экспедиции по сбору и изучению экспонатов. При этом появляется верная возможность заполнить «белые пятна» в науке о народном искусстве. Люди, побывавшие в экспедициях, знают все тяготы таких поездок. Музейных работников не снаряжают, как, скажем, геологов или нефтяников. Нет ни палаток, ни поваров. Иногда приходится ездить в одиночку. От деревни к деревне — пешком или, если повезет, на попутке. «Кто сам отдаст туесок или прялочку, у кого купишь», — рассказывает Ольга Владимировна. А потом надо добраться до почты, до пристани, чтобы отправить в музей посылку с драгоценным грузом. А если нет поблизости почты, то нести на себе.

Но что значат все эти трудности по сравнению с радостью открытий! Именно экспедиции позволили Кругловой положить начало серьезному изучению старинного центра народной росписи в среднем течении реки Мезени.

Жители сел здесь издавна занимались изготовлением и росписью прялок, лукошек, хлебнянок. Мастера изображали бегущих лошадей и оленей — основной транспорт Севера, черных лохматых собак, пушистых курочек и летящих уток. Ранее в научной литературе имелись только беглые упоминания о мезенской росписи. О. В. Круглова вместе с Л. М. Марковой и С. Н. Миневиной (в те времена студентками Загорского художественного училища) обследовала течение Мезени от устья Ваш-

ки до Сулы. Результаты экспедиции позволили определить район распространения промысла, назвать имена лучших мастеров, подробно узнать о технике росписи.

Основным фоном был сурин. Его растирали и разбавляли раствором древесной смолы в теплой воде. Красный узор обводили черной краской, которую тоже делали сами. Готовую роспись покрывали олифой. Лучшие свои произведения мастера подписывали. На прялке, изготовленной в 1900 году мастером Егором Аксеновым, стоит довольно высокая по тем временам цена — 35 копеек — и написаны слова: «Ного люблю, тому дарю прялку».

...Сейчас Ольга Владимировна готовит к печати очередную монографию «Роспись Северной Двины». Северодвинская роспись, в отличие от мезенской, издавна привлекала внимание исследователей. Тут расписывали ковши, чаши, блюдца, санки, жбаны... И, конечно, пряли. «Почти каждый предмет, — пишет Ольга Владимировна, — на котором размещалась сюжетная роспись, содержал целое последовательное повествование. Понять этот рассказ мог каждый крестьянин, не знающий грамоты. Северодвинские мастера использовали традиции древнерусской книги, где иллюстрации являются как бы вторым текстом для неграмотных, и принципы стеновой храмовой росписи, где последовательный расквз в образах изобразительного искусства давал возможность прочесть сюжет каждому».

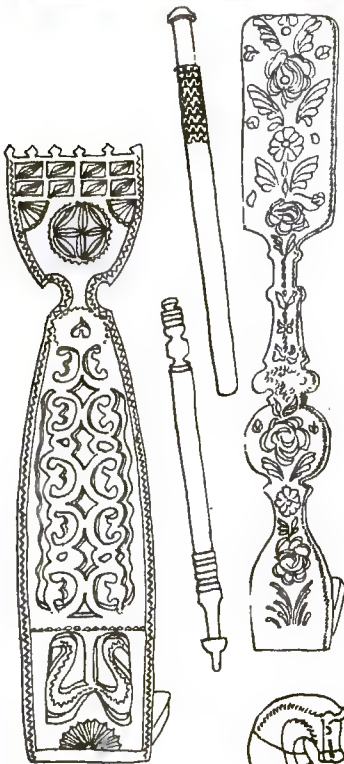
Прялка, роспись по дереву — самая любимая тема О. В. Кругловой. В 1974 году вышла ее монография «Русская народная резьба и роспись по дереву» — итог многолетней исследовательской работы. Почему сохранилась прялка из всех предметов старинного русского быта? Ольга

Владимировна считает, что причина кроется в ее роли в жизни народа. Прялка была постоянной принадлежностью быта русской женщины. Традиционно она была подарком ко дню свадьбы. Часто прялку делал молодой мастер для своей невесты. И тогда в ее украшение вкладывается не только мастерство, но и те мечты о прекрасном, которые свойственны юности. Бывало, прославленный мастер украшал прялку для приданого дочери. Прялки хранили всю жизнь, передавали из поколения в поколение.

В Загорском музее не одна сотня прялок. Ольга Владимировна знает каждую «в лицо». Существуют десятки их разновидностей: одни сделаны из сплошного куска дерева — они распространены на Севере, другие составлены из двух частей — поволжские.

В зале древнерусской живописи Ольга Владимировна обращает мое внимание на роспись «Царских врат» школы Андрея Рублева. В одном месте хорошо видна точеная ножка прялки — разновидности волжских прялок — столбчатой. Некоторые исследователи считают, что столбчатая прялка появилась только в конце XIX века. Однако эта и другие древние иконы свидетельствуют, что этот вид прялки гораздо старше.

В произведениях старых народных мастеров О. В. Круглова тщательно прослеживает истоки духовной культуры народа. Не связанный канонами официального искусства, с его религиозными рамками, сюжетами и идеями, народный мастер свободно выражал себя. Источником его вдохновения была реальная жизнь. Именно поэтому изделия народного творчества проникнуты оптимизмом, душевным здоровьем, тонким чувством прекрасного.





РАЕШНИКИ В КАРЕЛАХ

Ю. ХОЛОВ



ШИРОКАЯ НАКАТАННАЯ ДОРОГА ведет к просторной долине, поросшей соснами и елями. Сквозь ветки проступают силуэты церквей, увенчанных луковками, ветряные мельницы, бревенчатые махины колоколен, резные терема, узорочье подкарнизных досок. «Бо-о-мм...» Густой медный бас раздался с колокольни Кулиги-Дракованово, и вслед ему заливисто пустились колокольцы серебряного боя...

О красоте и богатстве Музея деревянного зодчества, который раскинулся невдалеке от Архангельска — в Малых Карелах, написано много

(см., в частности: «Наука и религия», 1978, № 6), и вряд ли стоит повторяться. Однако торжественное открытие музея вовсе не означало, что его создатели могут почить на лаврах. Уже посещают эти живописные места экскурсанты, но работы тут продолжают.

В разгаре сооружение Северо-Двинского сектора, видно уже, какими будут секторы Пинежский и Мезенский, пока еще слабо обозначены Поморский и Важский. Усилия сотрудников музея направлены на то, чтобы как можно более научно и достоверно воспроизвести прошлое русского Севера, восполнить утраты, которые понес этот край. Виною тому и стихийные бедствия, и безжалостное время, и злая воля некоторых невежественных и корыстных людей. До сих пор, например, находятся туристы, которые охотно хвастают: один — кусок резной причелины отломил, другой — старинный подсвечник утащил. Так «уплывают» ценнейшие экспонаты.

Следовательно, деятельность музея не может ограничиться одним только сбором, анализом и классификацией экспонатов, разработкой экспозиции и т. д. Задача, видимо, состоит и в том, чтобы довести до сознания самых широких масс понимание ценности родной старины, осознание необходимости хозяйского, бережного к ней отношения. Тут на помощь ученым, художникам, краоведам приходят печать, кино, радио и телевидение. Музей способен разносторонне влиять на жизнь всей округи. Мне, например, пришлось увидеть в конце зимы праздник, организованный его сотрудниками.

...Старожилы поднесли каравай краснощекому Деду Морозу и продрогшей Снегурочке. Народный хор героически выступал по колено в сугробе. Несмотря на снежные хлопья пополам с дождем, гармонисты лихо развели мехи, а солистки в мерцающих каплями кокошниках разметали снег широченными сарафанами. Молодежь буквально штурмовала ворота и снежный городок.

В таких вот праздниках оживает память народа, протягиваются живые нити связи между прошлым и настоящим. При этом древняя архитектура и танец, песня и мастерство древних художников как бы объединяются в органическом сплаве. Прикасаясь здесь таким образом к старине, люди особенно остро ощущают свою кровную связь с родной землей, с ее культурой, как бы заново открывают историю и свое место в ней. Энтузиасты из Малых Карел считают, что это только начало. Пока они находятся в поиске.

Работники архитектурно-этнографического комплекса считают, что народные гулянья имеют особый успех, когда проходят в соответствии с местными традициями в манере, характерной для русской культуры XVII — середины XIX века: со скоморохами и зазывалами, балаганным театром и куклами раешников. При этом праздник должен, конечно, скрупулезно воссоздаваться в его первоизданном виде. Тут необходима столь же точная реконструкция, как и при восстановлении любого памятника старины. Вот почему научные сотрудники заранее собирают и готовят соответствующие материалы по старинным и существующим сегодня обрядам, по которым затем работники театра и

участники самодеятельных коллективов воссоздают не только внешний вид, но и саму атмосферу старинного русского праздника.

Конечно, полностью воспроизвести все, как было в XVII или XVIII веке, едва ли возможно. Ну, сохранились назло всем синодальным ведомствам народные предания, в которых весьма точно записаны скоморошья полевки и былины. А где же взять таких «игрецов, глумы деющих»? Удастся ли нашим современникам достаточно точно восстановить игры, празднества и обряды, существовавшие столетия назад? Нужно помнить, что тут есть большая опасность отхода от истинных традиций и народности, тогда реставрация окажется всего лишь театральной игрой. Ведь праздник создают прежде всего не только люди, которые в нем непосредственно участвуют, но и зрители — их реакция на события, их сотворчество. Без активного взаимодействия зрителей и исполнителей можно организовать зрелище, но отнюдь не народное празднество.

Видимо, здесь надо более настойчиво искать и пробуждать народные таланты, подталкивать их к активной деятельности, подкреплять лучшими традициями, созданными художественным гением народа на протяжении столетий. И при всем этом, конечно же, простая реставрация неуместна. Речь идет о строгом отборе, о том, чтобы взятое из старины пришлось по душе в наши дни, органически воспринималось современным человеком. Другими словами, нельзя, да и невозможно, восстанавливать то, что уже отжило и никак не может стать частью духовного мира советских людей.

Работа именно в таком направлении ведется в Карелах. И думается, недалеко то время, когда здесь, среди северной природы, в окружении шедевров деревянного зодчества, можно будет увидеть красочные, подлинно старинные праздники народной песни в исполнении и прославленных Академического северного и Карпогорского хоров (они уже выступают), и пока никому не известных сельских коллективов, услышать напевную речь северных сказительниц, исполнителей веселых частушек, древних плачей и распевов. А какие богатые возможности открываются для выявления новых талантов, ярких индивидуальностей, которые — упустишь время — тоже вот-вот уйдут! И не восстановишь их ни по каким древним записям. Будут здесь, наверное, устраиваться во время народных праздников конкурсы по мастерству кузнецов, плотников, гончаров, резчиков по дереву, пряничниц и других умельцев, которыми издревле так богат этот край. И безусловно, в веселых гуляньях со скоморохами-зазывалами, колокольным звоном, хороводами примут активное участие и зрители.

Вот такие народные праздники хотят воссоздать в Малых Карелах. Представляется, что при умелом отборе местных исторических материалов, тщательной подготовке и хорошей организации праздники такого рода во многих районах нашей страны могут стать потребностью, необходимым завершением конкурсов народного творчества. Нужно лишь внимание к этому делу.

Фото автора.



НЕПИСАННЫЕ

МНОГО ЛЕТ ПОДРЯД во второе воскресенье июня в село Тюнино Рогнединского района Брянской области при любой погоде по всем семи ведущим сюда проселкам приходят и приезжают люди. Здесь, поблизости от истоков Габьи, маленького притока Десны, празднуются старинный День березки и современный День культуры. Принаряженные, в затейливых венках из березовых веток хозяева праздника и гости выступают в художественной самодельности. В средней школе происходит традиционная встреча выпускников. Экскурсанты посещают сельский музей (в Тюнино есть свой музей). Идет заседание Клуба деловых людей: производственным опытом обмениваются механизаторы и специалисты сельского хозяйства. В торговых рядах предлагают свой товар сельмаги потребительской кооперации. В Тюнино с охотой приезжают гости из соседнего Рославльского района Смоленской области. «Тюнинский июнь», как с уважением зовут во всей округе веселый, цветастый праздник, стал традиционным.

За сотни километров отсюда — на Верхней Волге, в Торжокском и Старицком районах Калининской области в первое воскресенье июня отмечается праздник Пушкинского кольца. Его проводят в тех селах тверской земли, где бывал великий поэт. Сюда съезжаются столичные и зарубежные гости. Надолго запоминаются посетителям и концерты самодеятельности во Дворце культуры села Грузины, и гостеприимство заведующей Дворцом Татьяны Ивановны Абрамовой, страстно влюбленной в родной край.

В наши дни много говорят и пишут о различных праздниках — зимних, весенних, летних и осенних. Мне хотелось бы вспомнить о праздниках, связанных с отношением человека к природе.

Сызмальства и на всю жизнь полюбила мне Первая веснян-

ка. В этом незатейливом празднике в Стреченове — деревне, где прошло мое детство, охотно участвовали все, кто хотел, — и стар и млад. Проходил он чаще всего в погожий день начала мая, когда речка Габья уже вошла в берега, а луга, освеженные половодьем, подсохшие в излучинах, но еще сырые в низинах, только начинали зеленеть.

Всем миром шли по пойме, осматривали сообща луга и пастбища, собирали в кучи и жгли нанесенный вешними водами хлам, чинили переходы через канавы и речку, на размытых берегах выкалывали молодые ракитовые колья-саженцы, чтобы не осыпались кручи. Впереди шли старики: в такой день даже самые древние не сидели в избах. Они с жаром толковали о том, откуда в разные годы разливалась полая вода, когда бывали весны ранние, а когда запоздалые и как это отзывалось на траве. И конечно же, каждый воскрешал интересные эпизоды собственной жизни — и деловые и потешные — ни в одной книге не вычитаешь. За старцами, поотстав от них немного, шли мужики с лопатами и топорами. Тут же решалось, где быть пастбищам и сенокосам, на каких местах подсеять клевер с тимopheевкой, чтобы разнотравье стало лучше, где какую начать мелиорацию. Бабы и девчата, нарядно приодевшись, толковали про свое. А мы, ребятишки, старались поспеть всюду: забегали вперед, чтобы первыми узнать и рассказать старикам, где что размыто паводком, искали, в какой канаве осталась рыба, поджигали кучи хвороста и грелись у огня. Учителя и фельдшер тоже всегда участвовали в Первой веснянке.

Проходивший деловито и празднично, дружно и радостно, этот обычай, говорят, возник давным-давно. До Великой Отечественной войны Первая веснянка почиталась и соблюдалась во всей нашей округе, на Смоленщи-

ЗАКОНЫ

Петр ДУДОЧКИН

не и Брянщине. И нынче она не забыта, но, к сожалению, прежней торжественности уже не имеет. В колхозах и совхозах каждую весну просто-напросто поручается агроному или зоотехнику осмотреть вместе с бригадирами луга и пастбища, высказать свои соображения — что где делать надлежит; вот и весь обычай. Общей беседы, встречи жителей с родной природой не происходит. А мне кажется, что именно праздник с задумчивым названием Первая веснянка был бы в данном случае очень полезен и для каждого человека, и для всех вместе.

Давно известно, что официальными указами нельзя предусмотреть все нормы общежития. Да и не всегда такие указы способны сразу произвести положительное действие. Добрый обычай может с большим эффектом обеспечить соблюдение разумного правила, обеспечивающего общественную пользу. «У нас в Сибири, — пишет мне Виктор Шалимов из Приморского края, — исстари соблюдается хороший неписанный закон: не бить птицу-самку на охоте. Было время, это кое-где забывалось. А жаль. Ведь птица раньше обитало намного больше, чем ныне. В последние годы благородство обычая взяло верх, он не только не исчез, а распространился как обязательное, хотя и неписаное правило жизни». Этот охотничий обычай несомненно говорит о зрелости наших современников, об их сыновней заботе о доме, в котором мы живем.

А вот письмо Константина Митина из подмосковного города Воскресенска. Родился он в рязанском селе Криуши, о котором писал Сергей Есенин в поэме «Анна Снегина», и сейчас с гордостью вспоминает: «В 1924 году мне пришлось принимать активное участие в посадках молодых сосенок на запущенном поле бывшего имения Колабухова. С той

поры посадки деревьев стали весенним обычаем во всей округе. Теперь тут лес. Красивый бор. Белки на соснах. И птицы. Грибное приволье. Из Рязани и Москвы за грибами сюда приезжают. А у помещика были пустыри».

Как приятно сознавать, что частица родной земли при твоём участии стала краше, чем была раньше. Я знаю, что в разных местах нашей страны все шире и шире распространяется обычай «семейных яблонек» — в честь новорожденного семья сажает яблоню, причем яблоню хорошего сорта. Растут люди, растут сады.

Хорошие народные обычаи не должны вредить природе. Не на каждой березе можно ломать ветки на венки и веники во время праздника березы. Конечно, живая новогодняя елка в квартире — это не только возможность порадовать детвору. Это чудесный праздник, облагораживающий и малых и старых, воспитывающий добрые чувства, любовь к прекрасному, кусочек родной природы со свежим дыханием чащи под крышами наших домов. Едва ли самое искусное изделие из синтетики заменит радость общения с настоящей новогодней елкой. Может быть, целесообразно завозить живые елки в безлесные районы, как завозят их на зимовки в Ледовитом океане. Разумеется, запасасть елки надо с умом, вырубать там, где это можно, с позволения и по совету лесников, а не самовольно и где попало. Можно выращивать елочки в специальных питомниках, что уже, к слову, делается под Москвой. Поучителен опыт железнодорожников Перми и Соликамска — в этих городах к Новому году разукрашивают и освещают ели, растущие возле домов.

Так складываются быт и культура народа, его эстетическое отношение к действительности, так формируется характер человека.

г. Калинин.



ВЗГЛЯД ИЗ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

Л. ПОПОВ, кандидат философских наук

ЗАВОЕВАНИЯ Октября впервые в мировой истории позволили начать планомерное, целенаправленное атеистическое воспитание трудящихся. С самых первых лет пропаганда велась среди всех групп населения. Но в первую очередь — среди рабочего класса, который, особенно в годы индустриализации, пополнялся выходцами из села.

Коренные изменения в обществе вели к преобразованиям и рабочих коллективов, которые за годы первых пятилеток превратились в социалистические производственные коллективы. Ушло в прошлое бесправное положение рабочих, потеряли почву индивидуалистические настроения, равнодушие, зависть, подсиживание. На смену пришли подлинное товарищество, взаимопомощь. Теперь некому было заботиться о религиозном «воспитании» рабочих, а также преследовать за любое проявление свободомыслия (М. И. Калинин был, например, при царском строе уволен с Путиловского завода только за то, что отказался жертвовать на строительство заводской церкви). Рабочие стали принимать активное участие в управлении производством.

Новое отношение к труду нашло яркое воплощение в коммунистических субботниках. И это отношение вступало в резкое противоречие с религиозными установками. Ведь религиозные проповедники, хотя и призывали трудиться, но рассматривали труд как наказание за мифический первородный грех. В проповедях преподносились идеи индивидуализма — «каждый за себя, один бог за всех». Иными словами, религиозные взгляды вступали в острое противоречие с реальной жизнью.

Серьезной помехой была религия и в становлении социалистической дисциплины. В дни религиозных праздников часть рабочих не выходила на работу, опаздывали. В 1928 году простои в дни религиозных праздников стоили молодой республике около полумиллиарда рублей. Так, в Новгороде в первый день рождества, 7 января 1931 года, практически не работал завод имени Халтурина. Во время пасхи 1929 года прогулов по Ленинграду было больше обычного на семь с половиной тысяч дней. В одном из цехов Сталинградского тракторного завода в дни пасхи в 1931 году прогуляли около 25 процентов рабочих. Таким образом, эффективная научно-атеистическая пропаганда призвана была стать важным фактором укрепления дисциплины.

Важную роль в формировании атеистических взглядов рабочего класса сыграли безбожные ударные бригады, которые по инициативе Союза воинствующих безбожников создавались на многих предприятиях страны. В Ленинграде, например, в 1932 году их насчитывалось свыше полутора тысяч. Ударные безбожные бригады принимали в свои ряды и верующих, помогая им освободиться от религиозных настроений. Безбожные бригады показывали высокую производительность труда, успешно овладевали новой техникой и технологией, боролись против прогулов,

брали на «общественный буксир» отстающие бригады, являлись для других бригад примером как в труде, так и в использовании свободного времени: многие члены безбожных бригад совмещали работу с учебой.

О том, как работали подобные бригады, свидетельствует, например, приказ № 109 по конторе Теплострой на Магнитострое от 6 ноября 1931 года, в котором отмечалось, что безбожная бригада проявила «исключительную интенсивность, дисциплинированность», резко повысила норму выработки, своим энтузиазмом сумела «вовлечь в соцсоревнование и ударничество остальную часть рабочих».

Безбожные ударные бригады формировали атеистическое мнение в коллективах не только делом, но и словом. Члены бригады выступали в своих коллективах с атеистическими беседами, читками, вели индивидуальную разъяснительную работу, брали шефство над отдельными верующими. Подобная пропаганда в небольших коллективах приводила к тому, что у рядовых верующих ослаблялось недоверие к атеистической пропаганде, да и к атеистам.

Довольно точную оценку деятельности безбожных ударных бригад дал А. Лукачевский — известный в 30-е годы пропагандист атеизма: «Безбожное ударничество, безусловно, является более высокой ступенью по сравнению с просто ударничеством. В безбожное ударничество привнесен уже момент идеологической борьбы, в безбожном ударничестве идеологическая борьба является осознанной... Безбожное ударничество переделку человека, перевоспитание его выставляет как важнейшую задачу».

Практика работы передовых производственных коллективов, особенно большинства ударных безбожных бригад, показала, что высокий уровень дисциплины, добросовестность, энтузиазм, оптимизм, которые господствовали в лучших коллективах, одобрялись трудящимися. Внимание к каждому человеку, забота о его действительном, а не мнимом счастье, взаимопомощь, характерные для социалистических производственных коллективов, наглядно показывали преимущества социалистической морали — морали, основанной на материалистическом мировоззрении. Так что совсем не случайно в сознании верующих происходила переоценка ценностей, ослабление религиозной веры и довольно часто переход на позиции безбожия. Многие из них среди причин, по которым они отошли от религии, часто называли воздействие коллектива, товарищей по работе. Так, бывшие верующие рабочие Магнитостроя ссылались на влияние общей безрелигиозной обстановки на предприятии, воспитательную работу партийных и профсоюзных организаций, политического просвещения. Выходцы из села писали, что они перестали верить в бога, поступив на производство.

К этому необходимо добавить, что сама работа на заводах-гигантах, фабриках, стройках часто приводила рабочих

к пониманию отрицательного влияния религии на трудовую активность человека. Например, знатная ткачиха Е. Виноградова говорила: «Работая на производстве, я твердо убедилась, что религия притупляет и принижает человека... Были случаи, когда работницы, порвав с религией, на глазах у всего цеха перерождались. Из незаметной, пассивной ткачихи или прялдищицы получалась блестящая стахановка». Плотник Магнитостроя В. И. Фомин писал в автобиографии: «Если я был бы верующим, я не был бы ударником».

Производственные коллективы оказывали столь сильное влияние, что уже само поступление на завод, фабрику нередко предопределяло будущий отход человека от религии. Если же член коллектива все-таки оставался верующим, его религиозные взгляды тем не менее претерпевали заметное изменение. В коллективе верующие становились менее замкнутыми, старались не отставать от атеистов в своей производственной деятельности, повышать свой технический и общекультурный уровень. В то же время передовые рабочие — носители нового мировоззрения стремились вовлечь в производство те группы населения, в частности женщин, которые более подвержены влиянию религии.

Разумеется, не во всех коллективах был в то время высокий атеистический настрой. Некоторые безбожные бригады ограничивались лишь производственной деятельностью, не обращали должного внимания на атеистическую пропаганду. Профсоюзные организации не всегда поддерживали деятельность ячеек СВБ. Например, фабкомовцы одной крупной швейной фабрики в Иваново-Вознесенске заявляли: «Пятнадцатый год революции — и вдруг безбожная работа. Эва, хватились! У нас все безбожники».

Порой и заводские газеты не уделяли должного внимания атеистической пропаганде. На страницах атеистических изданий тех лет нередко появлялись претензии к многотиражкам за то, что они игнорировали эту работу. Например, журнал «Безбожник у станка» сообщал, что газета завода АМО отказывается печатать материалы о борьбе с религией, так как «это ее не касается».

Естественно, что в тех коллективах, где не утвердилась атмосфера сплоченности, внимания друг к другу, затруднялся и отход людей от религии. Ем. Ярославский сообщал, например, об одной работнице, которая, порвав с общиной, стала активной производственной. Члены общины начали ее преследовать. Она сообщила об этом подругам, но, не найдя в них поддержки, вновь возвратилась в общину, где ее заставляли отмаливать «грех» — участие в стахановском движении.

Однако в большинстве производственных коллективов складывалась благоприятная обстановка для атеистической работы. Резкое падение в годы первых пятилеток уровня религиозности рабочего класса — живое тому свидетельство.

г. Орел



СУДЬБА СВЯТОЙ ОБИТЕЛИ

Я много лет выписываю журнал «Наука и религия», считаю, что он дает мне возможность смотреть на мир глазами атеиста. Недавно отдыхал в бывшем Святогорье, в санатории имени Артема в Славянгорской Донецкой области. Там очень много памятников старины, но даже в местной библиотеке санатория я не мог найти литературу об этих памятниках. В путеводителе они упомянуты очень кратко. Хотелось бы прочесть о них на страницах журнала.

В. МОНТАНОВ

г. Кривой Рог

ГОВОРЯТ, что первыми поселенцами Святогорья были монахи, которые покинули Киев, захваченный в 1240 году ордой хана Батыя. В числе пострадавших монастырей оказался и Киево-Печерский. Его обитатели, спасаясь, ушли к берегам Северского Донца. По другой версии, Святогорье было основано выходцами из афонских обителей.

Первые документальные данные о Святогорском монастыре относятся к 1624 году, когда игумен Симеон с братией получил царскую грамоту в Белгороде. Вначале монастырь был устроен как укрепление на неприступных меловых скалах. Уже в то время он имел подземные помещения, тайники. К Донцу вел подземный ход, чтобы на случай осады иметь доступ к питьевой воде.

Святогорский монастырь был не только крепостью, ему принадлежали 27 000 десятин земли и 2000 крепостных. В 1720 году монастырь имел стекольный завод в селе Богородичное, винокурню. Крепостные добывали деготь и селитру, занимались кузнечным, сапожным, портняжным и другими ремеслами. Была при монастыре и тюрьма.

Когда по указу Екатерины II отбирались монастырские земли, эта участь постигла и Святогорскую обитель. Она была закрыта в 1787 году, но крестьяне остались крепостными.

В 1786 году князь Потемкин, побывав в Святогорье, просил императрицу подарить ему этот «рай земной». Фаворит императрицы построил здесь трехэтажный дворец на высокой горе, поросшей густым лесом. После смерти «светлейшего» князя владение перешло к его наследникам.

Один из святогорских помещиков Александр Потемкин в 1842 году обратился с прошением к синоду об обновлении Святогорского монастыря, обещая выделить ему 70 десятин земли и денежную помощь. Синод в свою очередь ходатайствовал перед Николаем I.

«Благочестивая» просьба была удовлетворена: из Глинской пустыни сюда прибыли 12 монахов во главе с Арсением Митрофановым.

Владельцы соседних поместий дарили монастырю церковную утварь, крупные суммы денег, земельные участки, водяные мельницы — обитель быстро росла и богатела. С каждым годом увеличивалось число монахов. Были возведены каменные корпуса и церкви вместо ветхих деревянных. На пожертвования помещицы Шабельской построили огромную лестницу от подножия горы к Николаевской церкви. Восстановили пещерную церковь Антония и Феодосия, меловую церковь святого Николая. В 1858 году закончилось строительство монастырской стены с четырьмя башнями. В 1861 году была построена пещерная Алексеевская церковь. На вершине горы была сооружена Преображенская церковь, построено еще несколько храмов. На монастырском хуторе созданы кирпичный и свечной заводы.

В Славянске было сооружено большое монастырское подворье. Вверх по Донцу в полутора верстах от монастыря было обновлено так называемое «святое место» — Арсеньевский скит.

Перед Октябрьской революцией обитель имела уже 2555 десятин земли, сотни десятин леса, мельницу, крупорушку, сукновалку, кирпичный и свечной заводы, мастерские. Свыше 2 миллионов рублей лежало на текущем счету.

Хотя монахи Святогорья давали обет бедности, отречения от мира, однако в действительности они жили в свое удовольствие в этом «рае земном». Не искали и богатые пожертвования верующих. В монастыре все было сделано для того, чтобы собирать с них побольше денег. В меловой церкви меловой столб был объявлен чудотворным. Богомольцы молились ему, а чтобы по-

пасть сюда, должны были опустить даяние в целый ряд больших кружек, охраняемых монахами. Колодец, который называли «бездонным», был оборудован густой сеткой, чтобы брошенные прихожанами монеты не падали на дно. На старом дубе в Арсеньевском скиту «неожиданно» явилась икона чудотворца Николая, богомольцы за его кору платили немалые деньги.

Возле Успенского собора стояла большая чаша, а посредине ее был укреплен крест, со всех концов которого бежали струйки воды. Рядом находилась кружка. Вода, стекающая в сосуд, считалась «чудодейственной». Желающий исцелиться пил ее, предварительно опустив в чашу свою ленту — одну или несколько монет.

Получал монастырь доходы и от «святых» затворников. Вскоре после обновления обители, в середине XIX века, было издано «Житие затворника Святогорской пустыни иеросхимника Иоанна». 17 лет просидел он на цепи в келье меловой скалы. Мантия его после смерти была объявлена чудотворной. Ее прикладывали к больным. Землю с могилы затворника продавали верующим, а вместо проданной приносили свежую. Верующие ехали сюда из разных концов России — ежегодно до 150 тысяч человек. О том, какие идеи внушали им святогорские монахи, хорошо сказал М. Горький, посетивший монастырь в конце прошлого века: «Они проповедовали народу странному смирение, терпение, кротость».

Когда в конце XIX — начале XX века в России началось шириться революционное движение, в этих местах все чаще стали появляться рабочие с шахт соседнего Донбасса. В окрестностях обители вспыхнули стачки сельскохозяйственных рабочих, руководимых выборными крестьянскими комитетами. После Февральской революции, в июне 1917 года, на территории нескольких

помещичьих имений и монастыря образовалась так называемая Святогорская республика, во главе которой стал, сначала помещик Молодников, а затем сын изюмского помещика Шилов. Оба эти «президента» были представителями ультраправого анархизма. Монахи усердно пели «республике» «многая лета».

Сразу же после победы Октябрьской революции святогорское монашество пошло в открытое наступление против Советской власти — предало анафеме «безбожную» пролетарскую республику. Во время гражданской войны обитель неоднократно служила прибежищем денкинцам, махновцам. В конце 1919 года ее посетили ярые контрреволюционеры — киевский митрополит Антоний Храповицкий (впоследствии глава клерикальной белоэмиграции) и генерал Кутепов. Они здесь обсуждали вопросы военных действий против Советской республики и денежной помощи денкинской армии. Однако вскоре конница Буденного, разгромив белогвардейские части Шкуро и Мамонтова под Воронежем, достигла берегов Северского Донца. Из Святогорского монастыря были выбиты денкинцы и монахи, обстреливавшие с колокольной меловой церкви наступающих из пулеметов.

В Святогорье была восстановлена Советская власть. Во главе Банновского сельского Совета, куда входила территория монастыря, стал Конон Дмитриевич Рыбальченко, бывший рабочий лесопильного завода. Однако монахи не собирались расстаться со своими богатствами. И снова «святая обитель» стала гнездом контрреволюции. Банды Махно, Шаповалова, Каменюки, Золото-го Зуба, Савонова и других находили здесь пристанище. Со своей стороны и некоторые «смирненные» монахи стали активными бандитами. Деятельность обители вызвала гнев и возмущение жителей окрестных сел, и они поставили вопрос о закрытии Святогорского монастыря. В 1922 году его угодила со всеми постройками и имуществом были отданы губернскому дому отдыха.

Одним из организаторов здравницы был известный революционер Артем (Ф. А. Сергеев), который возглавлял ЦК профсоюза горнорабочих, и дом отдыха был назван его именем. А в 1927 году на высокой святогорской скале ему был сооружен величественный скульптурный памятник. Хранят сегодня древние меловые горы и память о героях Великой Отечественной войны. Здесь похоронены генералы Н. Ф. Ба-

тюк, В. М. Камышов, вблизи — братская могила солдат и офицеров, павших смертью храбрых в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

Ныне в Славяногорске — бывшем Святогорске — действуют санаторий имени Артема, созданный на базе прежнего дома отдыха, санаторий «Шахтер», объединенный дом отдыха на 2000 человек, туристско-экскурсионная база Донецкого областного совета по туризму, две базы отдыха, до 40 пионерских лагерей, семь детских дач, лесная санаторная школа. Здесь ежегодно отдыхают около 200 тысяч человек.

В древнем Святогорье сохранились ценные памятники истории и зодчества. Ведутся работы по их восстановлению и реставрации. Предстоит большая работа археологам, так как территория, особенно подземная часть монастыря, почти не исследована. В ближайшие годы в этих местах возникнет крупный историко-культурный заповедник, один из центров атеистического воспитания.

Е. КОРЖЕНКО,
учитель

г. Красный Лиман
Донецкой области

Юлиан ШУЛЬМЕЙСТЕР, кандидат юридических наук

ПОЛОБНИКИ

Розыски увенчались успехом, от вице-директора университетской библиотеки Варшавы доктора Здислава Пишчека прибыла ценная банда — микрофильмы и документы.

На заглавном кадре первого микрофильма надпись: «Давид Кахане. Раввин, доктор. Львовское гетто». Следующий кадр: «Львов, 27 сентября 1943 года. Воскресное утро. Я нахожусь на Святоюрской горе, во дворце митрополита... Окна выходят в красивый большой сад, окружающий с трех сторон дворец и кафедральный собор. Мои глаза не могут насытиться прекрасным зрелищем, все сверкает в лучах осеннего солнца».

Каков был путь раввина во дворец митрополита Шептицкого? Об этом рассказывают 127 страниц убористого машинописного текста. Читаю — и мне есть с чем его сопоставить. Доктор Здислав Пишчек прислал восемь других дневников бывших узников львовского гетто. Дневники! Они мне сняты ночами. Брожу по счастливым улицам нашего прекрасного города, а перед глазами дни, пропитанные дымом пожара и трупным зловонием, набухшие от крови и слез. Слышу веселые и душевные песенки об алых розах и девичьих грезях, о счастье любви и труде, а память, неумолимая и жестокая память, отстучивает другие слова и ритмы.

В оккупированном фашистами Львове польская поэтесса Ядвига Гамска-Мемница болью сердца писала:

Тише, тише, тише!
Львов — в крови по крыши.
Рождество Христово. Времена коляд.
Над Христом гестапо

простирает лапы,
колядует в двери кованый
приклад¹.

Над Христом гестапо! Митрополит и граф Андрей Шептицкий служил не только Христу, но и гестапо. Служил и явно и тайно, ибо был ярым враг коммунистов, сокрушивших основу основ его жизни — эксплуататорский строй. Благословляя кровавые оргии гитлеровцев, соответственно сану, «сочувствовал» жертвам, лицемерно лил слезы. С приходом немцев возобновил свои связи с раввинами — их объединяло довоенное прошлое.

Для митрополита раввин Кахане был ближайшим сподвижником львовского городского раввина Изекииля Левина. А на заключительном этапе трагедии львовских евреев Шептицкий даже предоставил убежище сыну покойного, Ицхоку, и Кахане — преемнику Левина и соучастнику униатов по службе фашистам.

Каков же был путь Кахане и некоторых других сионистов — фашистских пособников в митрополичий дворец?

Связи иудейского духовенства с униатами начались с давних времен, когда юденраты (еврейские советы) были органами синагог. Распоряжением президента Польши Пилсудского от 14 октября 1927 года все еврейское население было отдано во власть местных еврейских религиозных советов. Вначале ими управляли раввины, затем им пришлось потесниться и разделить власть с сионистами. С воссоединением западноукраинских земель с матерью-родиной закончилось сионистско-религиозное рабство. Но не надолго: во время оккупации возобновили свою деятель-

ность юденраты, ставшие исполнителями воли фашистских захватчиков.

Возглавляли их видные сионисты. Первым председателем львовского юденрата стал Иосиф Парнас — многолетний член исполкома сионистской организации Западной Украины. После него этот пост занимали Адольф Ротфельд — один из основателей краевой сионистской организации, а затем Генрих Ландесберг — член сионистского исполкома. Верховодили в юденрате известные сионисты Нафтоле Ландау, Симон Улам, Освальд Кимельман и другие.

Важнейшими отделами юденрата стали раввинат (духовная коллегия) и служба порядка — еврейская милиция гетто. Духовная коллегия должна была держать в повиновении и покорности обреченных на смерть, а служба порядка — следить, чтобы никто не бежал, выполнять заявки на смертников. И те и другие сразу же после создания гетто принялись за свое гнусное дело.

10 ноября 1941 года председатель юденрата львовского гетто докладывал губернатору «дистрикта Галиция» (так нацисты окрестили западные области Украины): «8 ноября с. г. герр штатс-гауптман по распоряжению герра губернатора издал приказ о создании еврейского жилого района... Распоряжение герра губернатора мы приняли к исполнению и приложим все силы, чтобы выполнить эту задачу».

Ревностно исполняли сионистские вожаки юденрата фашистский приказ и, как записал в своем дневнике раввин Давид Кахане, действовали «под руко-

¹ Перевод с польского Марка Максимова

водством охранной полиции и полиции служб порядка».

Прошло два месяца, юденрат львовского гетто исправно выполнял указания гестапо.

В еврейской службе порядка было 750 человек, одетых в форму старой польской полиции, с той лишь разницей, что на фуражке вместо орла красовалась шестиконечная «звезда Давида». Три комиссариата еврейской милиции оаэмещались на улицах Бернштейна, 1 Замарыньской, 182 и на Знесени. На улице Джеральной находилась тюрьма еврейской милиции.

Чем же занималась еврейская служба порядка?

Открещиваясь от своих полицейских союзников, раввин Кахане записал в своем дневнике: «С глубокой болью в сердце, с неопишым позором приходится рассказывать о деятельности еврейского отдела порядка... Он филтровал людей, изыскивая жертвы для немецких властей... Милиция была органом общины, но получала все директивы и указания от гестапо... Ради своего спасения она выдавала других людей и вела на убий собственных братьев... Еврейская милиция львовского гетто ничем не отличалась от своих библейских прототипов — древнеегипетских разбойников. Она никогда не подводила гестапо».

А чем занимался в это время сам Кахане? Протестовал против действий еврейской милиции? Отнюдь, нет! Возглавляя раввинат юденрата, он тем самым как бы осыщал в глазах своих единоверцев деятельность этой организации, которая, исправно выполняя указания гестапо, несла узникам гетто горе, муки, гибель.

Был еще один метод прислужничества юденратов фашистам — обменным путем парализовать волю узников гетто к сопротивлению.

С разрешения оккупационных властей во Львове издавались «Известия юденрата Лемберга² для еврейской общины», а в столице генерал-губернаторства Кракове — «Еврейская газета». Оба листка пропагандировали сионизм, восхваляли его основоположника Теодора Герцля, призывали к покорности фашистам, твердили о «заинтересованности» гитлеровцев в приобщении евреев к производительному труду, для чего будто бы совершаются «переселения в специальные районы».

Сионистские газеты призывали узников гетто и лагерей смерти «к непрерывному самоусовершенствованию», суля им, что концом всех их злоключений будет «справедливость». С предельным цинизмом твердили, что благодаря «трудоному воспитанию» в фашистских концлагерях произойдет «возрождение» еврейской нации.

14 января 1942 года, например, подводя первые итоги деятельности львовского юденрата, «Еврейская газета» хвалила предателей: «В течение минувшего календарного года полностью завершена полугодовая работа по созданию во Львове еврейской общины... То, что эта работа выполнена в такой короткий срок, — заслуга львовского юденрата во главе с доктором Адольфом Ротфельдом и Генрихом Ландесбергом. Опыт общественной работы в течение ряда десятилетий (в краевой сионистской организации. — Ю. Ш.) позволил этим мужам выполнить исполнин-

ский труд...» Что это был за труд, мы сейчас увидим.

20 марта 1942 года комиссар гестапо по делам евреев оберштурмфюрер Силлер передал председателю юденрата приказ — выдать на «выселение» 15 000 обитателей гетто. Стала ясна судьба, ожидающая львовских евреев, — предателей охватило смятение. Но несмотря на это они продолжали служить фашистам, надеясь жизнями тысяч жителей гетто спасти свою собственную. Так думали и так действовали те, кто всегда твердил и ныне твердит, что вот они-то и есть подлинники «защитники» и «спасители» евреев.

Сионисты и раввины рука об руку помогали гитлеровцам гнать людей на убий. Разница была только в том, что раввины, как и униатское духовенство, лицемерными жестами отгораживались от своих черных дел.

Воспроизвожу по дневнику Кахане беседу раввинов с председателем львовского юденрата Генрихом Ландесбергом после получения приказа о выдаче на смерть 15 000 евреев.

— «Это верно, что немецкие власти потребовали у вас пятнадцать тысяч евреев? — начал Д. Кахане.

— Верно!

— И как думаете поступить?

— А как господа раввины советуют?

— Как велит Талмуд! — отвечал Кахане. — Наши враги заявляют: «Выдайте нам одного из вас и мы его уничтожим. Если не выдадите, мы вас всех убьем».

— Господа раввины так действительно думают?

— Для этого мы и пришли, — гневно выкрикнул раввин Калман Хамайдес.

Заканчивая беседу с раввинами, Ландесберг сообщил:

— Сегодня, в три часа дня на заседании юденрата обсудим, как выполнить требование немецких властей. Вас, наиболее уважаемых представителей духовной коллегии, приглашаю принять в этом участие».

О том, как руками юденрата в марте 1942 года проводилось массовое уничтожение еврейского населения львовского гетто, расскажем языком документов.

Из протокола заседания юденрата:

«Председатель Ландесберг подчеркнул, что селекция будет производиться в строго определенных размерах. Переселению подлежат все непроизводительные элементы — калеки, больные, не способные к труду и не имеющие работы, все, кто в это трудное время является для общины обузой».

Из дневника раввина Кахане:

«Община мобилизовала, кроме милиции, весь чиновничий аппарат, который должен был помогать милиции в ее работе... Начали акцию с беднейшего еврейского населения, согласно списку отдела социальной опеки... Каждую ночь школу Собесского наполняли этими несчастными людьми. Это через пару дней, когда школа была «полностью укомплектована», гестапо ночью перевезло всех на вокзал, загрузило в вагоны и куда-то увезло».

Из дневника служащей юденрата Ады Кеслер:

«Утром, как обычно, шла в жи-

лищный отдел. На улицах увидела телеги с большими клетками, заполненными одной беднотой. Конвоировали еврейские полицейские. Пришла в жилищный отдел — никто не работает. Каждый рассказывает о том, что видел. Сердце леденеет от ужаса. Еврейская милиция в компании с фашистскими палачами на автомобилях заезжает во дворы больниц и приютов. Вытаскивают из палат беспомощных стариков, женщин, детей, хватают за ноги и, будто поленья, кидают в кузов. Возвращаясь с работы, на улице Любомирской увидела под конвоем еврейской милиции строй печальных людей. Еле передвигая очоковевшими ножками, в одних рубашонках, шли детишки из сиротского приюта. Затем ковыляли ряды безногих и безруких калек, горбунов, хромых, карликов».

Из отчета VI комиссариата украинской полиции города Львова:

«25 марта 1942 года в еврейской акции участвовали: шуцполиции — 10, украинских полицеев — 20, из еврейской службы порядка — 40. В школу Собесского доставлено 512 евреев».

Из дневника украинки Казимиры

Порай, спасшей мужа-еврея:

«В третий район нельзя заходить, уже около большого театра надо держать в руке удостоверение, ибо проверяют на каждом шагу. Улицы перекрыты гестаповцами, украинской полицией и — о ирония судьбы! — еврейской милицией... Заходят в каждый дом и забирают всех из еврейских квартир. Страшные дела: у матерей отбирают маленьких детей и убивают на глазах».

Из дневника Рубинштейн:

«Еврейские милицейские избили и доставили в школу Собесского. Тут сотни людей, комнаты до отказа забиты. Задержанных регистрируют чиновники юденрата. Элегантные, спокойные, сытые, будто броней огражденные от народного горя, эти чиновники ко всему безразличны. Очевидно, уверены, что выселение коснется кого угодно, только не их. Среди чиновников встречались знакомые — не узнают. А один накричал, пригрозил отправить в гестапо. Все же спаслась. Как? Напишу завтра».

Из дневника 11-летней Янины Хешелес:

«Из комиссариата еврейской милиции нас с мамой отправили в тюрьму еврейской милиции на улице Джеральной. Затолкали в маленькую камеру, там набито шестьдесят человек — женщины, дети, мужчины. Простояли всю ночь... Прошел еще один день. Все стонут и плачут. Начали уводить — говорят, что на казнь. Все время плачу. Боялась уже не смерти, а того, что детей не расстрелявают — живыми закапывают. Мамочка успокаивает, говорит, что, когда будут расстреливать, она мне закроет глаза. В три часа ночи зашли милицейские и начали отбор. Нам повезло: отправили в Яновский лагерь».

Из письма Этель Вайзер:

«Нас отправили в лагерь на улице Яновской. Там, под открытым небом, в огромном загоне, обнесённом ко-

² Так оккупанты переименовали Львов.

лучей проволокой, в грязи и холоде уже мучались сотни, а может быть, тысячи. Всюду валяются трупы. Видела, как несколько человек приняли яд. Счастливики! На руках у матерей умирают младенцы. Ночью ужас усиливается, огромные прожекторы освещают весь лагерь. Утром трупы убрали, к вечеру их опять очень много. Еще одна страшная ночь. Началась погрузка в вагоны. Что нас ожидает?!

Из письма штурмфюрера СС Карла Герштейна секретарю шведского посольства в Берлине барону фон Оттеру:

«Концлагерь в Белзеце состоит из нескольких десятков бараков, в которых поведена железнодорожная ветка. В лагере нет производственных помещений: там уничтожают людей... Строго по расписанию из Львова прибыл состав — 45 вагонов, больше шести тысяч узников. Около полутора тысяч умерло в пути. Две-три охранников выгоняют живых из вагонов. Громкоговорители оглушают командой: «Снять всю одежду, протезы, очки, связать шнурками обувь и все оставить в раздевалке. Все ценности и деньги сдать в окошко». Женщин и девушек в «парикмахерской» лишают волос. Голые люди двигаются в последний путь. У входа в «баню и ингаляцию» офицер СС повторяет отеческим тоном: «С вами ничего дурного не сделают. Ингаляция — лечебная процедура, избавляет от заразных болезней. Надо только поглубже дышать...»

Так закончилась первая крупная акция, за ней последовали другие. Дома гетто превращались в могилы, улицы — в кладбища. В августе 1942 года здесь было убито на месте, отправлено на смерть в Яновский лагерь и в Белзец 50 000 евреев. Из 160-тысячного еврейского населения Львова уцелело, и то ненадолго, 36 000. Среди них был и раввин Кахане. Как же он спасся?

Вот как это описывает сам Кахане в своем дневнике:

«Со мной по соседству жил вице-командант еврейской милиции, бывший адъютант польского конгресса д-р... В среду ночью (19 августа 1942 г. — Ю. Ш.) я пришел к нему, рассказал о своем положении и попросил, чтобы он меня на период акции неофициально зачислил в милицию. На второй день утром милиционер принес мне фуражку, желтую милицмейскую повязку и удостоверение еврейской службы порядка, подтверждавшее, что я зачислен во II комиссариат на Замарыстовской, 182, в качестве помощника милицианта».

Может, Кахане только числился в еврейской милиции? Вот описание лишь первого дня его службы.

«Зашел во II комиссариат еврейской милиции, когда туда сдали «в счет плана» десятилетнего мальчика. Мечется ребенок по маленькой камере, не может смириться со смертью. Подпрыгивает к окошку, за решетки хватается, по коридорам разносится: «Золотые пань! Не губите, и у вас есть такие же мальчишки. Жить хочу!.. Жить!.. Опусти-те к маме!» Секунды проходят, и снова врывается тот же крик...»

Раввин Кахане записал в своем дневнике: «Я подошел к окошку и успокоил мальчика».

Опять успокаивал! А ведь знал, что помогает убийцам.

Мальчик погиб, а раввин-полицай выжил. Когда уничтожали последние узники гетто и не стало нужды в раввинах-пособниках, митрополит Шептицкий спас Кахане. И не ошибся.

В 1948 году в Париже на специальной конференции по реабилитации Шептицкого и других униатских пособников гитлеровцев основным докладчиком выступил Кахане. С его «легкой руки» и возникла легенда о митрополите — «спасителе евреев».

Спаситель! Да, он спрятал у себя во дворце 15 именитых евреев, а тем временем его верные адепты — украинские буржуазные националисты, усердно прислуживавшие нацистам, убивали десятки тысяч евреев. И пока укрывавшийся в митрополичьем дворце раввин Давид Кахане вел свой дневник, председатель «Украинского национального совета» граф Андрей Шептицкий писал в Берлин фюреру: «Мы заверяем вас, ваше превосходительство, что руководящие круги на Украине стремятся к самому тесному сотрудничеству с Германией, чтобы объединенными силами завершить борьбу против врага и осуществить новый порядок на Украине и во всей Восточной Европе».

Новый порядок! Тот самый, который стал могилой для шести миллионов евреев и около миллиона цыган, тот самый, который принес неисчислимые беды славянам и многим другим народам Европы.

Нет, не заботы о евреях и даже не заботы о труженниках-украинцах определяли взаимоотношения митрополита с хозяевами третьего рейха. И не к спасению евреев, а к всемерной поддержке фашистов призывал митрополит, обращаясь к украинскому населению.

Такова правда, которую не скрыть ни раввину Кахане, ни униатским церковникам, ни их выкормышам — желто-голубым погромщикам.

А раввин Давид Кахане, отсидевшись в митрополичьем дворце, пустился в дальнейшее плавание. Его новый маршрут пролегал по трупам арабов. На дневники теперь уже не было времени. Когда-то Шептицкий благословил убийц карательного батальона «Нахтигаль» и эсэсовцев дивизии «Галичина»; теперь пришел черед Кахане: именем бога призывал он сионистских головорезов убивать мирных палестинцев, «виновных» лишь в том, что на их земли позарились захватчики. Это он, главный раввин военно-воздушных сил Израиля, благословлял напад, бомбы и пули, несшие смерть детям, женщинам и старикам. Вспоминал ли тогда Кахане еврейского мальчика, кричавшего в комиссариате еврейской милиции львовского гетто: «Золотые пань! Не губите, и у вас есть такие же мальчишки...»? Слышал ли главный раввин ВВС Израиля, как гибнущие арабские дети кричали: «Не губите, и у вас есть такие же мальчишки!»

В дальнейшем Кахане стал главным раввином Аргентины. Для чего пере-ехал? Сионисты окопались и в этой стране, скупили многие земли, создали учебные центры, готовят резервы для израильских захватчиков. Где бы ни был этот раввин — всюду он служит одному богу в трех лицах — империализму, сионизму, мракобесию.

Кахане, как и другие вожаки сионизма, пытается противопоставить евреев другим гражданам Советской страны, так же как в Израиле их противопоставляют арабам. Путь пагубный, к бездне ведущий.

Не разьединение, а сплочение всех советских народов разгромило фашизм, принесло свободу странам Европы. Все уцелевшие узники гетто и лагерей спасены своими согражданами других национальностей, партизанами и доблестными советскими воинами. Не на Запад, а на Восток смотрели с надеждой томившиеся в фашистских застенках евреи.

«Мама разругалась с богом, непрерывно с ним спорит, — писала в письме брату узница гетто Ида Ляйнер. — «Куда смотришь? Если всеисильный — почему допускаешь, чтобы фашисты нас мучили, почему им помогаешь?» Вчера мама сказала, что на бога уже не надеется, только — на Красную Армию».

Это письмо передала адресату, советскому воину, Ольга Пристуля, одна из многих, помогавших евреям. Действовавшая на оккупированной Львовщине подпольная антифашистская организация «Визволення Вітчизни», возглавляемая коммунистом Василием Дорожко, записала в своей программе: «Всемерно помогать евреям, как членам организации, так и населению, спасать их от зверской фашистской расправы над ними».

23 июля 1944 года, когда уже шли бои за освобождение Львова, один из гитлеровских прислужников обнаружил еврейку Мюнц с четырехлетним ребенком и потащил в полицию. О дальнейшем поведении дневник Казимиры Порей: «Толпа освободила женщину и ребенка, а задержавший их мужчина дошел только до улицы Батория. Раздался выстрел — мужчина был убит. Женщину с ребенком забрали к себе».

Ныне сионисты предали забвению преступления украинских буржуазных националистов, вступили в союз с палачами евреев. Одному хозяину служат, одной поклоняются силе. И тех и других объединяет ненависть к коммунизму, к социалистическим странам, искоренившим все виды национализма.

Вот почему раввин Давид Кахане реабилитирует нацистских пособников, другой раввин — Меир Кахане возглавляет фашиствующую «Лигу защиты евреев». Под гром бомб, подложенных сионистскими провокаторами, Меир Кахане встретился в Нью-Йорке с Ярославом Стецько — ближайшим сподвижником Степана Бандеры, организатора убийств многих тысяч евреев, и вдовой этого обер-бандита, которая выразила раввину «свое уважение», а он обсудил с ней и Стецько вопрос «о сотрудничестве в борьбе с коммунизмом».

Бандеровская «Лига освобождения Украины» и сионистская «Лига защиты евреев» стали одной бандой оголтелых наемников империализма. В позорном альянсе сомкнулись лишенные будущего враги украинского и еврейского народов, враги всего прогрессивного человечества.

г. Львов

Цвета знамени украинских буржуазных националистов.

ОДЕРЖИВАЕТ ВЕРХ

Н. КРАСНИКОВ,
доктор философских наук

ПРОЦЕСС ОБНОВЛЕНИЯ, характерный для современного православно-христианского учения о нравственности^{*}, имеет две основные особенности. Во-первых, внимание православных этиков все больше обращается к нерелигиозной общечеловеческой морали. В частности, сделана попытка приблизить социальный аспект нравственного богословия к светской, научной этике. Вместе с тем — и это вторая особенность — православные моралисты продолжают активно разрабатывать догматические устои православного нравоучения.

Еще в конце XIX века православный моралист М. Олесницкий отмечал, что в работах по нравственному богословию слабо раскрыты идеи блага и царства божия, «почти нет... углубления в основы и принципы нравственно-христианской жизни». В 1958 году профессор-протоиерей Т. Попов обратил внимание своих коллег на это суждение Олесницкого и назвал разработку идеи блага и царства божьего важнейшей задачей нравственного богословия. О том, как она решалась, свидетельствуют статьи профессора-протоиерея А. Ветелева — «Основы христианской нравственности» и «Царство божие» (последняя является главой из академического курса нравственного богословия, где названные идеи получили дальнейшее развитие).

Так современные православные нравоучители пытаются, приглушив социальный аспект, сконцентрировать внимание верующих на заботах о небесном и тем самым уменьшить возможность их обмирщения. Настойчиво подчеркивается мысль о том, что царство божье является целью всей нравственной жизни христианина. Однако выдерживать сугубо ортодоксальный тон в изложении этой идеи богословы не могут и с неизбежностью прибегают к религиозно-реформаторским суждениям о необходимости сближения земли и неба. Царство божье, утверждают они, имея «высшее» происхождение и значение, охватывает все мироздание. Пытаясь придать этой идее особую привлекательность, современные учителя православной нравственности стараются доказать, что она заложена в каждом человеке, неосознанно гнездится и в сознании неверующего, но не всякому удается ее реализовать. Близость людей к царству божьему определяется не их возрастом или полом, не имущественным или общественным положением, а исключительно внутренним состоянием. Царство божье — это нечто духовное: царство духа, света, истины, правды, мира, любви, свободы и благодати, обновленной и преображенной во Христе личной и общественной жизни.

Духовное в этих рассуждениях выступает как синоним божественного: бог есть дух. Соответствующим образом интерпретируют богословы понятие правды. «Жить по правде божьей, — пишет А. Ветелев, — значит жить по воле божьей, жить по воле божьей — значит жить по правде божьей».

Правда царства божьего, говорится в нравственном богословии, состоит в жизни Христа, в его проповеди, искупительной смерти, воскресении, в основании церкви, в евангельских истинах о возрождении и спасении во Христе, в учении о церкви как носительнице даров святого духа и устроительнице спасения в вечности. Царство божье уготовлено для «нищих духом», то есть смиренных и преданных божьей воле, для «гонимых за правду», то есть стойких в религиозных убеждениях. Итак, достичь царства божьего могут лишь те, кто верит в Христа как в сына божьего, кто верит, что он духом божьим изгоняет бесов и творит чудеса. То, что православная этика настойчиво утверждает позиции подобного рода, показывает, насколько глубоко традиционализм русского православия.

Социальные потребности человека отступают на второй план, когда богословы заводят речь о том, как надлежит стяжать царство небесное. О нем надо молиться прежде, чем о личных потребностях, которые всегда — дело второстепенное. Основным было и остается вера в бога. Не забыта и церковь: без нее невозможно спасительное перерождение и отдельного «падшего в грехах» человека, и всего человечества в целом. Ибо церковь — это та жизненная среда, где вероучение переходит в нравоучение и совершается спасение верующих. Нравственное совершенствование и спасение, поучают православные этики, зависит от божьей благодати, а она невозможна без посредства церкви. Нравственное совершенствование, обновление человека мыслимо без обращения к богу и церкви. Прийти к ним никогда не поздно: обращение может произойти на исходе жизни, даже в последний час, на смертном одре. В церковно-богословской литературе, в проповедях с амвона подобное суждение высказывается в последнее время постоянно. Это нечто новое для нравственного богословия; здесь явно проявляется стремление церкви во что бы то ни стало пополнить свою паству, привлечь к вере человека хотя бы на закате его земной жизни.

Вопрос о царстве божьем в нравственном богословии тесно связан с традиционным утверждением, будто нравственность, все моральные нормы поведения человека — от бога. «Вне церк-

ви, — поучает А. Ветелев, — человек внутренне, духовно одинок, сиротлив, бесперспективен... Не имея нравственной силы и благодати божьей, он постепенно морально дичает, так и не раскрыв свои нравственные задатки и духовные возможности, хотя, быть может, и продолжает внешне сохранять и приличный вид, и все, что необходимо для его существования и положения в обществе в современных условиях».

Поскольку церковь признает морально-нравственные достижения развитого социалистического общества, можно предположить, что автор приведенных строк пытается объяснить возрастание нравственной культуры советских граждан воздействием и на неверующих божественной благодати. Если это так, то А. Ветелев превратно толкует результаты нравственного прогресса нашего общества, делает попытку поставить на службу церкви то, что совершается вне ее ограды. Если же принять приведенное высказывание буквально, то из него следует, что автор нарочито противопоставляет религиозную мораль светской, умаляет нравственный прогресс нашего общества, считает нравственное совершенствование неверующих видимость. Так традиционализм здесь берет верх над модернизмом, сводит на нет богословские попытки взять на вооружение моральный кодекс строителя коммунизма.

Умалая значение светской, научной этики, православные моралисты выдвигают на первый план евангельские нравственные принципы. «Святая церковь», — наставляет тот же А. Ветелев, — предлагает нам назидательную систему (лестницу) борьбы с грехом и восхождения в добродетелях, в нравственном совершенствовании».

Что же представляет собой религиозно-церковная система нравственного совершенствования? Это — так называемые «заповеди блаженства», изложенные в Нагорной проповеди. А именно — блаженны: нищие духом, кроткие, алчущие и жаждающие правды (божьей), милостивые, чистые сердцем, миротворцы, изгнанные за правду (Христову).

Православные моралисты считают «заповеди блаженства» основой христианской нравственности, ориентируют верующих неуклонно и добросовестно исполнять их и прежде всего призывают к «обретению нищеты духовной и смирению», только после этого — к дальнейшему восхождению по предлагаемой церковью «лестнице» для полного духовного воплощения в жизни христианского идеала. «Заповеди блажен-

* См. статью Н. Красникова «Эволюция православной этики» в 7-м номере нашего журнала за 1979 г.

ства», наставляют православные этики, создают в душе христианина соответствующие добродетели и тем самым готовят его к духовной жизни во Христе. Наградой за долготерпение явится «царство божие, которое начинает носить в себе всякий любящий правду божию еще здесь, на земле, и в полной мере будет носить в царстве небесном».

Нетрудно заметить, что в церковной системе нравственного воспитания реальные ценности подменены мнимыми, иллюзорными, система эта по своей сущности антигуманна. Христианский подвиг состоит прежде всего в том, чтобы утратить самого себя, дабы обрести себя в боге. Нравственное сознание и поведение верующего базируются исключительно на том, что жизнь человеческая принадлежит богу и всегда зависит от него. Таким образом реальные, связанные с социальной жизнью ориентации заменяются сверхъестественными, а земное подчиняется небесному. В духе новозаветного учения о благе и блаженстве трактуются и просительские нормы нравственности, содержащиеся в заповедях Моисея (не убивай, не прелюбодействуй, не преступай клятвы и др.) и повторяемые в Нагорной проповеди применительно к «заповедям блаженства».

Традиционное толкование христианских нравственных установок, следовательно, сохраняется, несмотря на попытки православных моралистов связать идею блага и царства божьего с современностью.

В современных учебных пособиях по христианскому нравоведению подчеркивается, что мессия оказался Христом — воплотившимся сыном божьим, а не земным царем. Так отдается дань богословским, ведущим свое начало от религиозных реформаторов начала XX века, утверждениям о трудовом, а не царском происхождении Христа. Христианское вероучение и в православной этике стало преподноситься как учение радости, а церковь — не чуждой всего земного. Христос, внушая ныне православные моралисты, изгнал из человеческой души рабский страх и ужас перед богом, наполнив его сознанием богосыновства, любовью, миром и радостью. Мир, естественная жизнь уже не считаются чем-то заторным, нечистым. Естественное, материальное не отрицается церковью, а одухотворяется и возводится к высшему своему «чину». Миру, а соответственно и философским воззрениям, свойствен оптимизм и пессимизм, пишет в курсе «О социальной этике» доцент Ленинградской духовной академии А. М. Матвеев. Христианство, глубоко понимающее этот двойственный характер мира, чуждо крайностей философских учений — оптимизма и пессимизма: своим учением о грехопадении человека и искуплении его богом оно гармонически сочетает эти крайности, показывая тем самым их единый и взаимообусловленный процесс. Подобным образом православные этики пытаются нейтрализовать научную критику религии как пессимистического воззрения на природу, личность и общество.

В нравственном богословии сейчас проводится мысль, что достижение царства божьего осуществляется не в одиночку, а коллективно, в общении людей между собой, хотя и начинается «внут-

ри человека». Но это отнюдь не означает, что «обновляться надо только внутри себя, т. е. замкнуто, где-то вдали от людей, вне общения с ними. Нет, обновляться следует в той обстановке, где мы живем и трудимся, среди тех людей, которые окружают нас». Царство божье, поучают богословы, не враждебно мирскому, хотя и отличается от него. Оно одухотворяет, облагораживает и возвышает достоинство каждого. Христианин должен не замыкаться в себе, а активно бороться с общественными недугами, пагубными для человека и общества страстями (например, пьянством). Примечательно, что возможность обретения небесного царства лишь в результате личного нравственного совершенствования и оказания помощи другим людям неразрывно связывается с предопределением к спасению всех, а следовательно, и неверующих. Богословская ориентация христиан на коллективизм в достижении царства божьего направлена на повышение религиозно-социальной активности верующих. Цель ее подчеркнуть особую общественную значимость христианства, обеспечить успех «новому миссионерству», суть которого заключается в том, чтобы «добродетелями» и проповедью спасти для вечности и неверующих.

Надо отметить, что в православной этике евангельская заповедь «блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» ныне все теснее связывается с борьбой народов за мир и социальную справедливость. «Молитва к богу о мире всего мира, созидание мира в своей душе, в своей семье, в окружающем обществе, и, наконец, созидание мира между народами», — писал А. Ветелев, — основное требование христианского сознания». Именно причастность к церкви, наставляет Г. Нефедов, обязывает ее членов развивать свою нравственность не только через внутрицерковную жизнь (внешнее и внутреннее почитание бога), но и через миротворчество, патриотизм, христианское отношение к другим народам. Эти и подобные суждения закономерно отражают эволюцию воззрений современных верующих.

Отдавая должное росту образования и культуры советских людей, в том числе и верующих, православные моралисты попытались отойти от традиционного толкования понятия «нищета духа» при раскрытии нравственного содержания евангельской заповеди. Это выражение можно понимать как добровольную нищету, избираемую по духовным соображениям. Православные этики отвергают такое объяснение. Они объявляют ложным встречающееся в небогословской литературе понимание словосочетания «нищие духом», как обозначение наивных и неискушенных «простоцев». Учение Христа, замечает А. Ветелев, «конечно, ничуть не возводит в идеал ограниченность ума!». Слова «нищие духом» означают лишь то, что речь идет о «святости, бедности как духовном, а не экономическом или социальном явлении».

Сближение идеи блага и царства божьего с миром и современностью богословы осуществляют осмотечно, не затрагивая главного. Они по-прежнему утверждают, что царство небесное выше царства человеческого, что лишь первому присущи идеальные мотивы добра и зла; в конечном счете царство

божье придет на смену человеческому царству.

Таковы основные суждения современных православных нравоведов. Естественно, что их критика с позиций научного атеизма продолжает оставаться весьма актуальным делом.

Появление в современных богословских пособиях по нравственности разделов об идее блага и царства божьего призвано теснее связать православную этику с важнейшими вероучительными истинами (такими, как бессмертие души, загробная жизнь, страшный суд, воздаяние). Упрочению связи морально-этического сознания и поведения христианина с догматическими установками церкви служат и утверждения православных идеологов о вечности и неизменности религиозной морали, ее «объективных» (читай — божественных) основах, возможности полного нравственного усовершенствования личности только в царстве божьем.

Считаясь с нравственным прогрессом социалистического общества, богословы признают, что изменения социальных форм вызывают и изменения в понимании социально-нравственных концепций, что новое общество создает и новую этику (которую, по их мнению, возможно сочетать с христианской нравственностью). Таков позитивный отклик православных нравоведов на реальную действительность. Однако во всех этих утверждениях постоянно подчеркивается, что наибольшую ценность для человека представляет религиозная мораль: «Законы и установления церкви вневременны и по своему происхождению не связаны с какой-либо определенной эпохой, с той или иной идеологией, с тем или иным классом. Отсюда церковь имеет свое понятие хотя бы той же справедливости, пригодной на все времена». Нравственный закон, утверждают православные этики, всегда был и всегда будет таким же, каков он теперь. Даже в загробной жизни основные нравственные нормы христианского поведения сохраняются неизменными.

Итак, догматическое основание нравственного богословия остается неизбывным, и при обновлении православной этики богословы неуклонно проводят в жизнь взятый церковью после поместного собора 1971 года курс на сочетание модернизма с традиционализмом, тесно связывают нововведения с основами вероучения, многовековой традицией.

Рассуждения православных моралистов о царстве небесном, путях его обретения, о полном нравственном усовершенствовании личности только «на том свете», функционировании основных нравственных норм и в загробной жизни усиливают трансцендентную направленность православной этики.

Богословские сентенции о вечности и неизменности религиозной морали умаляют значение реальной жизни, стремление людей построить лучшее коммунистическое будущее.

Модернизация православно-христианского учения о нравственности — защитная реакция церкви на происходящие в обществе социальные процессы, научно-техническую революцию. Обновление нравственного богословия не выходит за рамки религиозно допустимого: его антинаучный багаж полностью сохраняется.



М. ПОПОВА, кандидат философских наук

Дзен находит почитателей и среди японской молодежи.

ЗАПАДНЫЕ ПОЧИТАТЕЛИ ВОСТОЧНОГО КУЛЬТА

Знакомство европейцев с дзен-буддизмом началось давно. Однако долгое время эта малочисленная внешне неброская секта буддизма оставалась в тени. Лишь в начале нынешнего века стали появляться первые общедоступные исследования, излагавшие основы дзен-буддизма. В те годы мало кто мог предположить, что несколько десятилетий спустя это далекое и странное учение привлечет всеобщее внимание на Западе, что книги о нем войдут в списки бестселлеров, что в Европе и Америке появятся центры медитации и десятки тысяч людей с надеждой обратят взоры к дзен-буддизму, рассчитывая найти в нем новый путь «спасения» или, по крайней мере, забвения.

Зародившись в академической и богемной среде, увлечение дзен-буддизмом захватило в конце 50-х годов широкие круги интеллигенции и студенческой молодежи, а еще десятилетие спустя падкие на экзотические новинки мелкобуржуазные слои. Как и всякая мода, по мере своего распространения упрощающая и опошляющая первоначальный образец, мода на дзен-буддизм приобрела различные, в том числе довольно урод-

ливые формы. Творческая интеллигенция связывала с дзен-буддизмом надежды на духовное обновление, на обретение недостающей полноты бытия, непосредственности, раскрепощенности, свободы. Разномастные течения битников и хиппи видели в нем идейное оправдание морального нигилизма, бытовой распушенности, полного пренебрежения к каким бы то ни было социальным обязанностям. Добропорядочные обыватели рассчитывали найти в этой модной новинке эффективное средство психотерапии, способное ослабить пугающий натиск «безумного мира».

Впрочем, довольно скоро стихийно возникшее увлечение дзен-буддизмом, сделавшись в руках дельцов еще одним средством извлечения прибылей, стало входить в некое упорядоченное русло. Туристские бюро рекламировали турне по японским монастырям. В свою очередь, не чуждые коммерческой жилки дзенские монастыри создали для европейских туристов краткосрочные курсы медитации, а десятки предприимчивых монахов двинулись на Запад в качестве учителей и наставников. С их помощью во многих странах Западной Европы и в США открылись исследовательские центры и залы медитации, где за соответствующую плату неопиты овладевали дзенской премудростью.

Не осталось в стороне и христианство. Опасность потерять часть паствы, не устоявшей перед обаянием таинственной мудрости Востока, заставила деятелей

христианских церквей подумать о возможности использования отдельных элементов дзен-буддизма для укрепления своего пошатнувшегося престижа. Инициатором этого движения выступил католический монах Т. Мертон, увидевший в дзенской технике медитации средство пробуждения «нового христианского сознания». Его поддержал бенедиктинский приор Д. Грэхэм. В целях оживления «религиозного опыта» он начал практиковать и пропагандировать среди прихожан дзенскую медитацию в сочетании с серией йогических упражнений. Результаты своих изысканий и экспериментов Грэхэм изложил в нашумевшей книге «Дзен-католицизм», где утверждалось, что обогащение католицизма отдельными вероучительными и дисциплинарно-практическими положениями дзен «активизирует его скрытые резервы».

Вскоре учением дзен заинтересовались и другие христианские церкви. По примеру Объединенной церкви Америки они начали вводить его элементы в учебные программы своих духовных семинарий. В богословской печати все чаще стали появляться статьи и книги с характерными заголовками: «Дзен и христианство», «Запад готов принять дзен», «Диалог буддизма с христианством», «Мистицизм христианский и буддистский» и т. д.

Чем же объяснить столь внезапный скачок дзен-буддизма от почти полной безвестности к столь массовой популярности?

Пятая статья цикла о буддизме. Предыдущие см. в № 1, 3, 5 и 10 за этот год.

ПРИЧИНЫ ПОПУЛЯРНОСТИ

Успеху дзен в странах Западной Европы и Америки способствовало множество взаимосвязанных причин. Появление общедоступных исследований, расширявших представление читающей публики о религиозной жизни Востока; укрепление культурных и деловых контактов, способствовавших более непосредственному знакомству европейцев с идеологией, культурой и бытом азиатских стран; популярность таких писателей, как Г. Гессе, Т. Элиот, Т. Мертон, Дж. Сэлинджер, обращавшихся к мистической традиции Востока как альтернативе кризиса европейской культуры. И, наконец, хорошо поставленная реклама, неизменно подававшая дзен как панацею от всех болезней современного мира. Но, безусловно, все это вместе взятое было лишь пусковым механизмом и вряд ли могло бы вызвать столь широкий отклик, если бы массы не ощущали тоску по идеалам, способным внести в жизнь высокий нравственный смысл, гуманизировать человеческие отношения, помочь обрести духовную целостность и душевное равновесие. Иначе говоря, подлиннее, глубинные причины успеха дзен-буддизма на Западе следует искать в особенностях социальной и духовной жизни буржуазного общества в послевоенный период.

Увлечение дзен-буддизмом по времени совпало с так называемым «религиозным бумом», разразившимся в США и ряде стран Западной Европы в конце 50-х — начале 60-х годов. Он проявился в активизации церковных организаций, в увеличении тиражей религиозной литературы, в появлении массы новых направлений и сект, в необычном по своим масштабам интересе публики к религиозной философии, мистике, оккультизму. Этот процесс был сложным и противоречивым, однако его социальная подоплека просматривалась достаточно ясно. Как свидетельствует исторический опыт, массовое обращение к религии всегда связано с обострением в обществе социальных противоречий, с крушением традиционных идеалов и ценностей, с духовной опустошенностью и нравственным хаосом.

Не случайно в буржуазной литературе XX век характеризуется как «век беспокойства», «век безумия», «век упадка». Массовое истребление людей в огне двух мировых войн, угроза термоядерной катастрофы, обострение классовой борьбы, ограничение демократических прав и свобод, растущая бюрократизация и стандартизация общества, использование научно-технических достижений в антигуманных целях — все это не могло не отразиться на мироощущении широких слоев буржуазного общества.

По признанию многих буржуазных философов и социологов, «религиозный бум» возник в атмосфере всеобщей деморализации, вызванной взрывом реакции на всех фронтах, начиная с гонки вооружений и пропаганды «холодной войны» во внешней политике и кончая идеологическим террором и «охотой за ведьмами» во внутренней жизни большинства империалистических государств. В этих условиях идеализация религии как средства спасения человеческих ценностей была прямым следствием утраты сколько-нибудь значимых социальных ориентиров и целей. Коллективным социальным действиям противопоставлялся призыв к внутренней реформе, якобы вос-

становившейся духовные ценности путем их соединения с религиозной верой.

Однако подобные умонастроения далеко не всегда завершались возвращением к привычному лоно христианской церкви, ибо возникали они на фоне углубляющегося кризиса традиционных форм религии: разложения веры в противоречащие разуму догмы, ослабления культовой активности, формализации церковного членства. Эти процессы затронули все слои буржуазного общества, но особенно остро протекали в среде интеллигенции и студенческой молодежи, то есть в тех социальных группах, которые в силу высокого уровня образования и профессиональной подготовки в наибольшей степени испытывали на себе влияние секуляризации.

Противоречие между субъективно ощущаемой потребностью в религии и неприятием ее традиционных форм толкало многих представителей буржуазной интеллигенции и молодежи на поиски такой системы идей, которая, не будучи связана с институциональными барьерами, с мифологическими наивностями и магическими ритуалами, в то же время давала бы необходимую эмоциональную разрядку. Дзен оказался в высшей степени созвучным этим настроениям. Он был воспринят как нечто новое, экзотическое и в то же время философски утонченное. Антидогматизм, отсутствие формализованного ритуала, свобода от тирании традиций, апелляция к непосредственному внутреннему опыту каждого делали его привлекательным для тех, кто, утратив духовную связь с общепринятыми верованиями, продолжал испытывать глубокую потребность в такой связи.

Касаясь причин популярности дзен-буддизма среди образованной публики Запада, американский философ В. М. Эймс писал: «Когда люди теряют интерес к своей унаследованной религии, казущейся им устаревшей или просто слишком привычной, и в то же время сохраняют тягу к эскапизму, видениям, спасительной тайне и т. д., они охотно приветствуют мудрость таинственного Востока, имеющую весь тот антураж и привлекательность, всю ту атмосферу эмоционального подъема и пророчества, которых они так жаждут... Нет сомнения, что массовая привлекательность дзен часто основана на непонимании». При этом истоки этого непонимания лежат не только в сравнительной ограниченности информации, но и в той трансформации, которой дзен подвергся в популярных изданиях и рекламных брошюрах.

Как отмечают многие западные исследователи, популярность дзен на Западе во многом была подогрева работами Уотса, Вейса и особенно Судзуки, усилиями которых он из чисто японского, монастырского явления был превращен в явление космополитического внеконфессионального порядка. По существу, до европейского читателя дошел не традиционный дзен, тысячами уз связанный с восточной культурой, ее традициями, обычаями, образом жизни; не дзен, несущий на себе печать монастырской дисциплины, сурового аскетизма и стoisической простоты, а дзен, философски облагороженный, освобожденный от узконациональных рамок, литературно отредактированный, приспособленный к мировосприятию современного человека.

Пропагандисты дзен сумели учесть особенности умонастроения своей ауди-

тории, ее неудовлетворенность расхожими буржуазными ценностями, разочарование в идеях прогресса, ее поиски индивидуальной этической программы. Дзен, утверждал его ведущий теоретик Т. Д. Судзуки, — не религия и не философия, это образ жизни, обеспечивающий человеку гармонию с самим собой и с окружающим миром, избавляющий человека от страха и других негативных переживаний, ведущий к абсолютной свободе и полной духовной самореализации.

Обосновывая «спасительную миссию дзен» в современном мире, Судзуки воспроизводил многие привычные клише религиозно-идеалистической пропаганды, спекулирующей на реальных, хотя и превратно истолковываемых противоречиях буржуазного общества. Мир, писал он, мало изменился со времени своего возникновения. Вера в разум и науку — опасный предрассудок западного общества. Накопив большое количество бесполезных, а зачастую и опасных знаний, люди не стали лучше. Следовательно, пока сам человек не подвергнется коренному изменению, никакая наука не улучшит его положения. Идеальный путь духовного и нравственного перерождения, проповедовал Судзуки, открывает перед человечеством дзен. Чтобы достичь этой возжеланной цели, нет необходимости отбивать поклоны, пилигримствовать, подавлять плоть и иссушать ум схоластической премудростью, достаточно войти «в контакт с внутренними процессами нашего существования», «углубиться в наше высшее «Я», приобщиться к истокам собственного бессознательного».

Эта проповедь была поддержана некоторыми буржуазными психологами и психiatрами (К. Юнг, К. Хорни, Э. Фромм, Г. Мэрфи и др.). Столкнувшись в послевоенные годы с пугающим ростом психических заболеваний, с массовым распространением беспокойства, апатии, страха и не находя эффективных средств облегчения подобных состояний, они, не без влияния рекламных посулов, восприняли дзен как панацею от душевных затруднений и забот современного человека. «Дзену, — утверждал, например, американский психолог Э. Фромм, — присуща способность активизировать внутреннюю энергию человека, предохранять от психических заболеваний и душевных изъятий».

Дзен предстал, таким образом, перед западной публикой как доктрина, гарантирующая уставшему от борьбы за существование, страдающему от невротических комплексов и срывов человеку входной билет в царство духовной свободы, душевного покоя и счастья, причем не потом, за гробом, а сегодня, здесь, сейчас. И нет ничего удивительного, что к нему с надеждой обратили взоры все те, кто, отвергнув безумный и бездушный мир капитала, искал духовное убежище, непроницаемое для его глетворного влияния.

Что же собой представляет дзен-буддизм в действительности? Насколько обоснованы связываемые с ним надежды на духовное обновление личности и общества?

ИЗ ИСТОРИИ

Дзен-буддизм — специфическая дальневосточная модификация буддизма — религии, возникшей в VI веке до нашей эры в Индии и затем распространившейся в Централь-



«Не ешь, не потрудившись», — гласит одно из правил дзен.



Утренние размышления дза-дзен в храме Содзидзи, в Цуруми, недалеко от Токио.

ной, Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии. Кочуя из страны в страну, приспосабливаясь к требованиям различных исторических эпох, общественных условий и культурных традиций, буддизм претерпел немало изменений, усугублявшихся обычным для всякой религии дроблением на школы и секты. Одной из таких сект и является дзен.

Традиция связывает его возникновение с легендой о том, как однажды Будда вместо многословной проповеди молча поднял вверх подаренные ему цветы. Ученики были в замешательстве, и только старец Махакашьяпа со спокойной улыбкой смотрел на учителя, понимая все красноречие его безмолвного наставления. Заметив это, Будда торжественно провозгласил: «Я обладаю самым драгоценным сокровищем, духовным и трансцендентным, которое я передаю сейчас тебе, о почтенный Махакашьяпа!» Этот случай, раскрывающий якобы сокровенную глубину духа Будды, и лег, согласно традиции, в основу учения дзен. Его название происходит от санскритского слова «дхьяна» (в китайской транскрипции «чань»), что означает молчаливое созерцание, самоуглубление, внутреннее сосредоточение.

Индийское по происхождению учение дзен оформилось в Китае в VI веке на базе буддизма махаянского толка,

включив в себя некоторые мистико-пантеистические идеи даосизма и нравственные поучения конфуцианства. Достигнув расцвета в период Сунской династии (X—XIII вв.), дзен, как и другие направления буддизма, был впоследствии вытеснен из идеологической и религиозной жизни Китая даосизмом и конфуцианством и более не играл в его истории сколько-нибудь заметной роли. Однако к этому времени он успел уже проникнуть в Корею, а затем в Японию, где и получил наибольшее распространение.

Первые попытки внедрить дзен в Японию в начале XII века успеха не имели, наталкиваясь на сопротивление не только синтоизма — национальной религии, но и других, ранее обосновавшихся здесь направлений буддизма. Лишь примерно столетие спустя в его положении наметился перелом.

Укрепление позиций дзен-буддизма в Японии совпало с растянувшимся на несколько столетий и потому особенно болезненным социально-политическим кризисом. Это было время непрерывающейся феодальной розни, переросшей затем в длительную и кровопролитную гражданскую войну. Распри феодалов подрывали экономику и культуру страны, сеяли неисчислимые страдания и смерть. В этих условиях проповедь дзен оказалась созвучной охватившим

страну настроениям неуверенности, отчаяния, страха. Первыми ее услышали те, кто, устав от бесплодной борьбы, пытался обрести покой и безмятежность духа в этом жестоком мире. В Киото, Камакуре и других городах Японии стали строиться дзенские монастыри. Вскоре учением дзен заинтересовались и господствующие классы. Это произошло на рубеже XII—XIII веков, когда обесиленная феодальными распрями и дворцовыми заговорами старая аристократия вынуждена была передать власть в руки самураев. Новой правящей верхушке нужна была новая идеология, способная сплотить и мобилизовать раздробленное и деморализованное смутами общество. Этой идеологией и стал дзен-буддизм, учивший своих последователей покорности и терпению, отказу от желаний и привязанностей, готовности без сожаления пожертвовать всем, вплоть до жизни.

Дзен-буддизм оказал большое влияние на идеологию и культуру средневековой Японии. В руках правящего класса он превратился в простое и надежное средство формирования у служилого и военного сословия — опоры военно-феодального строя — преданности и дисциплины, выносливости и бесстрашия перед лицом смерти. Его этика легла в основу рыцарского кодекса чести — бу-

сидо (буквально «путь воина»), а дисциплинарная практика широко использовалась при подготовке самураев. Еще большую роль дзен-буддизм сыграл в культурной жизни «страны восходящего солнца». Его философия легла в основу эстетических канонов и традиций, во многом определивших своеобразие и национальную неповторимость японского искусства.

Государственное правление самураев продолжалось почти семь столетий. С их упадком положение дзен также пошатнулось. Дзен и раньше оставался сословной религией, вербовавшей своих последователей главным образом среди образованных слоев японского общества (народные массы тяготели к более доступным формам буддизма). А после восстановления власти микадо и провозглашения синтоизма государственной религией дзен был окончательно отнесен на периферию религиозной и идеологической жизни.

Европейцы, устремившиеся после второй мировой войны в Японию, чтобы из первых рук познакомиться с дзенской премудростью, с удивлением обнаружили, что японцы, особенно молодое поколение, не проявляют к ней особого интереса. Они воспринимали дзен как архаическое наследие средневековья, не совместимое со стилем мышления и образом жизни современного человека. И хотя популярность дзен на Западе несколько оживила интерес японцев к своему историко-культурному наследию, дзен в Японии продолжает терять приверженцев.

По словам одного из ведущих представителей этого религиозного течения, число молодых людей, желающих вступить в монашескую общину, из года в год сокращается. И недалек тот день, когда монастырский дзен попросту перестанет существовать.

ОЧИЩЕННАЯ МАХАЯНА

Характерной чертой большинства течений сектантского типа является выделение в качестве

главного и единственно истинного какого-либо одного аспекта материнского учения при большем или меньшем сохранении других его элементов. Это всецело относится к дзен-буддизму. Не отвергая основные положения махаяны, дзен очистил их от примитивной мифологии (жизнеописаний многочисленных будд и бодхисатв, представлений о рае и аде) и связанной с нею вычурной обрядности (жертвоприношений, торжественных шествий, ритуальных танцев и т. д.), сосредоточив главное внимание на последнем пункте указанного Буддой («восьмиричного благородного пути», предписывающего в качестве условия спасения «праведное сосредоточение».

Согласно преданию, первый полугендарный патриарх дзен Бодхидхарма (VI в.) просидел в молчаливом сосредоточении в пещере лицом к стене 9 лет, пока не пережил просветление. Со временем его последователи отошли от традиционной индийской практики «концентрации сознания». Дзен, по их утверждению, ставит своей целью не просто достижение мистического трансса, созерцательной отрешенности от мира, а пробуждение в человеке высшей формы интуиции, ведущей к просветлению, подобно тому, какое пережил основатель буддизма Гаутама, сидя под деревом бодхи, после чего и стал называться Буддой, то есть просветленным.

Просветление дзен считает главным условием спасения, средством преодоления страданий и достижения конечной цели всякого существования — нирваны. Последняя трактуется как состояние сознания, постигшего истинную природу вещей, освободившегося от иллюзий и привязанностей чувственного мира и, таким образом, разорвавшего пути кармической причинности, ведущей к бесконечной цепи перерождений. Однако постижение истинной природы вещей в дзенском понимании не имеет ничего общего с накоплением знаний, со скрупулезным изучением предметов и явлений окружающего мира. Как и некоторые другие направления буддизма, исходящие из идеи иллюзорности, призрачности чувственно воспринимаемого мира, дзен отрицает всякую ценность предметного познания.

Основу всего сущего, его подлинную природу и изначальную сущность, согласно учению дзен, составляет «пустота», «небытие», «ничто». Пустота равнозначна Абсолюту, или Будде, и характеризуется полным преодолением дуализма, присущего изменчивому и непостоянному миру рождения — смерти. В ней снимается противоположность материи и духа, истины и лжи, добра и зла, черного и белого. Пустота (Абсолют, Будда) представляет собой некую всеобъемлющую трансцендентную реальность, в которой все возникает, пребывает и прекращается. Будучи единой и вечной, она в то же время подобна быстротечному и непрерывно изменяющемуся потоку. Суть ее не может быть рационально познана и выражена в системе логических понятий, ибо всякое знание — это мертвый акт, бесплодная попытка запечатлеть единичное и случайное. Истинная же реальность не члениится на части, она может быть постигнута лишь целиком и мгновенно, в акте внезапного «озарения», «прозрения», «откровения». Будучи «всем» и «во всем», она может открыться человеку в благоухании цветка, в капле росы и т. д., но самый короткий, надежный и совершенный путь лежит через самопознание. Не случайно разработке этой идеи посвящены два из четырех основополагающих принципов дзен-буддизма. Первый содержит прямое указание на духовную сущность человека, второй рассматривает постижение этой сущности в качестве условия уподобления Будде. Отсюда логически следует, что для постижения конечной реальности, то есть познания истины, нет необходимости изучать окружающий мир, достаточно погрузиться в себя, узреть собственное «высшее Я», обнаружить Будду в своей собственной природе».

Сделав упор на внутренний субъективный опыт, дзен уделяет больше внимания практике самоуглубления, самосозерцания, ведущей к сатори, то есть «просветлению». Сатори — акт внезапный. В отличие от классического буддизма, ориентирующего на тихое созерцание, дзен делает акцент на ошеломляющей внезапности. Толчком может послужить любое сильное впечатление, переживание, потрясение, а также специальная техника тренировки, направленная на то, чтобы выбить человека из круга привычных представлений и связей, подавить логическое мышление, разбудить дремлющую интуицию.

Разные направления дзен-буддизма

культивировали различные системы подготовки к сатори. Школа сото требовала от своих последователей сложной физической и психической тренировки, сурового самоограничения. В дзенских монастырях, где царил дух аскетизма и палочной дисциплины, ученики часами упражнялись в очищении психики от груза обыденных впечатлений и привычных представлений. Школа риндзай делала главную ставку на коаны — специально разработанные алогичные, абсурдные с точки зрения здравого смысла тексты и вопросы, задаваемые новичкам для размышлений*. Коан призван разрушить привычную структуру абстрактно-логического мышления, пробудить «дух вопрошания». Сатори в этом случае достигается путем свободного от анализа созерцания коана — прием, весьма характерный для практики не только восточного, но и западного мистицизма.

Что же открывается последователю дзен, освободившемуся от мирских помыслов и желаний, разбудившему в себе «дух вопрошания» и достигшему заветной цели — сатори? К сожалению, мы не найдем на этот счет сколько-нибудь ясного ответа. Сатори, говорят апологеты дзен, открывает человеку высший смысл бытия, ведет к радикальному обновлению личности, к перестройке ее мироощущения, нравственного самосознания, образа жизни. Ничего более конкретного по этому поводу высказать, как правило, не удается.

Молчание, хранимое в дзенской литературе относительно центрального элемента системы, обосновывается тем, что сатори нельзя описать словами, его нельзя понять разумом, ему нельзя научить, его можно только пережить. Поэтому, учит дзен, человек, не прошедший через это состояние лично, не способен постичь его смысл. Отсюда следуют два других основополагающих принципа дзен-буддизма: особая внедоктринальная передача истины и независимость от письменных знаков и слов.

Акцент дзен-буддизма на внеинтеллектуальные формы передачи опыта нередко ошибочно трактуется как отрицание любой словесной формы его выражения, как отказ от всякой письменной традиции, от всякой догматики. В действительности дзен располагает обширной канонической и комментаторской литературой, куда входят наиболее важные буддистские сутры и разъяснения к ним, жизнеописания патриархов, их проповеди и высказывания по вероучительным и дисциплинарно-практическим вопросам, философские притчи, поэтические миниатюры, диалоги (мондо), вопросы-загадки (коаны) и т. д. Как отмечает профессор сравнительного религиоведения Р. Вербловски, дзен-буддизм имеет схоластическую философию, превосходящую учение Фомы Аквинского и других христианских схоластов, а широко рекламируемая свобода от слова и письменной традиции означает лишь то, что во время медитации словесная форма не используется — как, например, в «тихой молитве» христианских мистиков.

Окончание следует

* Вот несколько образцов коанов: «Все вещи возвращаются к единому, к чему тогда возвращается единое?» «Когда ваше тело кремировано и пепел развеян, где вы?» «Удар двумя ладонями — это хлопок, а как звучит хлопок одной ладонью?»

РЕКА ЖИЗНИ



Корреспондент нашего журнала А. Романов встретился с известным советским писателем, лауреатом Государственной премии СССР **Даниилом ГРАНИНЫМ** и взяла у него интервью.

В литературной работе последних лет мысли моих героев все больше занимают вопросы бытия, смысла жизни, размышления о смерти, о любви, о будущем. То ли сказывается возраст автора, то ли общий интерес, который смещается с годами к главным и вечным проблемам жизни. Хочу думать, что это все же не навязанное моим героям, а их собственное желание разобраться в главном. Вот и в последнем романе «Картина», отрывки из которого я предлагаю читателям журнала, моих героев, Сергея Лосева, председателя горисполкома маленького провинциального города, учительницу рисования Татьяну Тучкову, по-разному, но все больше и больше волнуют эти вопросы. Они заходят в церковь случайно, с тем любопытством, с каким современный человек, далекий от религии, относится к религиозной обрядности. Вопросы веры, религии — не только часть действительности, которую писатель не вправе обходить. Это возможность серьезного разговора и раздумий.

В связи с разными замыслами и, в частности, работой над «Блокадной книгой» мне приходилось сталкиваться с проблемами нравственности, поведения человека в условиях крайних, экстремальных. Такие ситуации создавала, скажем, ленинградская блокада. Каждому блокаднику, жившему на смертельном, голодном пайке, приходилось решать невыполнимые задачи. Мать должна была выбирать, кого спасать из близких, вплоть до того, что делать выбор — между мужем и ребенком, а то и между своими детьми. Из различных судеб, которые прошли перед нами, когда мы опрашивали и записывали рассказы переживших блокаду (мы — я и мой соавтор Олесь Адамович), из множества этих рассказов, мужественных, и страшных, и светлых, постепенно выявлялось, что большей частью выживали те, которые спасали. То есть люди, старавшиеся кого-то вытащить, оттащить, отдалить от смерти, кто по долгу своему заботился о других, помогал, ухаживал. Медицински это не всегда объяснимо: они тратили больше сил, находились, казалось бы, в невероятных условиях по сравнению с другими. Блокадные

судьбы выявили еще раз поразительные возможности человеческого духа.

Я позволю себе привести здесь одну историю, отнюдь не возвышенную, а горькую, где вершина и пропасть соседствуют.

М. рассказала, как однажды ранней весной 1942 года она встретила на улице знакомого мальчика. Он был в очень тяжелом состоянии, признался, что мать выгнала его из дома за то, что он потерял карточки. Конечно, потеря карточек в то время означала почти верную гибель. Но все-таки это была мать и — единственный сын. М. взяла мальчика к себе домой, чем-то накормила, а потом повела к матери. Женщина лежала в промерзшей квартире, еле живая, и в отчаянии снова выгнала ребенка. Через несколько дней ребенок умер. Уже после блокады, спустя годы, М., встретив на улице здоровую, цветущую женщину, узнала в ней мать того мальчика. Встреча эта всколыхнула воспоминания матери, и через несколько дней она покончила с собой. Вот так сосуществуют, как это ни жестоко говорить, в этой истории вина и раскаяние, падение человека и в общем-то очищение его через трагедию, через мучения совести.

В литературе, мне представляется, одно из самых важных стремлений писателя — растревожить человеческую совесть. Достучаться до нее бывает нелегко. Люди стремятся не выводить себя из состояния душевного комфорта, не хотят задаваться противоречивыми проблемами, искать ответ на вопросы, кто прав, кто виноват, кто из героев был несправедлив и почему. Гораздо удобнее, когда автор решает сам, пересказывает, дает готовые ответы. Совесть иногда бывает прикрыта, защищена множеством удобных отговорок, чужих и бесплатных истин, не своей ответственностью. Удобно выполнять, не задаваясь нелегким вопросом, зачем и во имя чего. В романе «Картина» мне и хотелось преодолеть вот эти «защитительные» покровы на пути человеческой совести.

Я думаю, что в становлении, в обо-

гашении нравственного мира современного человека журнал «Наука и религия» выполняет известную роль. Именно на перекрестке научного атеизма, проблем, связанных с религией, возникают отнюдь не простые задачи нравственного мироустройства.

Собор предстал из-за поворота внезапно, скрытый до этого многоэтажными корпусами. Белый, призмистый, он от соседства новых домов нисколько не потерял своей громадности. По мере приближения он становился внушительней. Сквер, некогда окружавший его, был залит асфальтом и присоединен к площади. Колокольня сквозила пустыми пролетами. Купола были изуродованы грязно-зеленой краской. Вплотную к паперти стояли грузовики и автобусы. Стоило подойти к глухим белым его стенам, и все другое отстранялось, высота нарастала, уходила в синеву, нависала оттуда каменной тяжестью. Человек становился маленьким, слабым.

Тесные плиты паперти кое-где покоились, приоткрыв могучую кладку. Неохватные колонны давили своей массивностью, вблизи все выявляло вес, нерасчетливую прочность, хотя, может, тут был высший расчет на впечатление незыблемости, вечности.

Дверь собора была открыта.

— Зайдем, — предложила Таня.

Лосев сбился с ног, зачем-то посмотрел на часы.

Не ожидая его, она поднялась по ступеням мимо инавида с выставленной культей, мимо двух цыганок.

Некоторое время он стоял на паперти. Молодая цыганка подмигнула ему: «Одно сердце в камень, другое в пламень». Сдернув кепку, вошел через низенькую дверь.

Дохнуло прохладой, внутри собор казался еще выше, объемнее. Нижнее полутемное пространство лучилось желтыми огнями свечей, лампад, несильных электрических ламп. Зыбкое подвижное пламя отражалось золотом иконостаса, серебряными подсвечниками, окладами, игрой огня наполняла воздух. А наверху под голубым куполом скрещивались широкие лучи солнца.

Шла служба. Где-то пел невидимый хор. Лосев оглянулся, ища Таню. Наряду было немного, больше старики, старики да несколько любопытных.

Голоса женские звучали затерянно, и от малосильности их возникала жалость, даже трогательность.

Никогда раньше Лосев не бывал в действующих соборах, таких больших, да еще во время службы. В Казанском соборе в Ленинграде он был и в Кремлевских соборах, но то были музеи. У себя, в лыковской церквушке, все выглядело мелко и несерьезно.

То, что творилось у алтаря, появление, входы и уходы одетых в белое служек, дьякон, помахивающий кадилом, шествие молодых священников в парчовых ризах, — было ему откуда-то известно. Он вспомнил ощущение жесткой золотой нити шитья и слово — стихиры! — так называлась какая-то часть их одежды. Еще вспомнилось — клирос... Неизвестно откуда всплывали слова, которых он никогда не употреблял, казалось, не знал и не мог знать...

В боковом притворе, у высокого подсвечника, он высмотрел Таню, она перешептывалась с какой-то старушкой, помогла ей поставить тонкую свечку.

Он подошел, Таня шепнула ему, что сегодня служит сам митрополит, и показала на сутулого старичка в высокой шапке с вышитым крестом. Митрополит двигался по проходу, сопровождаемый служками. Таня взяла Лосева за руку и подвела ближе к проходу, усталому ковровой дорожкой.

Несмотря на митрополита, народу не прибывало. Митрополит с трудом влачил тяжелое облачение. Когда он проходил мимо, видно было маленькое умное личико над тускло-зеленым шитьем его ризы. У служки, что нес свечу, руки были пухлые, женственные. Митрополит что-то брезгливо выговорил дьякону насчет воды. Лицо у дьякона было больное, безнадежное. От плохих свечек пахло тухлым, кадильница в руках дьякона не могла разогнать эти запахи, чувствовалось, что митрополиту неинтересно служить старикам и старухам, которые плохо слышат и плохо слушают. Митрополит поглядывал на Таню, на Лосева, выделив их двоих, особенно же Таню.

— ...поклонение отцу и сыну и святому духу всегда, ныне и присно и во веки веков!..

Лосев смотрел на молодых священников, не понимая, как могут они ежедневно участвовать в подобных представлениях.

Снова запел хор. Смирненные и грустные голоса поднимались к высокому куполу, уходили в синеву, разрисованную ангелами и облаками.

Простая мелодия казалась когда-то слышанной и волновала, как может волновать неясное воспоминание о чем-то давнем.

Он покусился на Таню, плечи их соприкоснулись, Таня взяла его за руку, они стояли вытянувшись, соединенные музыкой этого бедного хора, малоопытными словами. Царские врата, резные с малиновым бархатом, открылись. Там опять произошло движение, мягкие старушечьи фигурки опустились на колени, послышался сухой молитвенный шепот, все закрестились, что-то приговаривая, и снова крестились. Было таинственно и хорошо стоять и чувствовать горячую Танину руку.

Голоса уходили все выше, не жалывая, не скорбя, они поднимались над землей, над этой брентностью, исполненные пусть тщетной, но надеждой...

Все-таки что-то во всем этом было, в прокопченных золотых ликах, в гулком своде, в мыслях о короткой жизни и о том, что же будет после нее.

Повседневная горячка, бумаги, заботы не оставляли места таким размышлениям, люди кругом Лосева не ведали состояния подобной отрешенности. Разве что изредка нечто похожее настаивало их на природе, но то было скорее любованием и наслаждением.

Неужели они верят? — подумал он. Нет, они надеются, а не верят, потому что там ведь ничего нет, это уже ясно, но если ничего нет, тогда что же взамен? Мысли его были путаны и непривычны. Думал он о том, как быстро проходит его жизнь и хорошо бы жить помедленнее, для этого нужны такие минуты, чтобы покинуть свою обычность и оглянуться. Думал он и о своей смерти. Высокая, костистая, она перетражи-

вала палкой годы, заполненные словами, бумагами, хитростями, и оставалось так мало того, что имело смысл.

Он вдруг увидел мокрый след на Таниной щеке. Отчего она плакала? Было ли жалко ей старенького митрополита и старенького бессильного бога, который выглядел, наверное, так же устало от непосильных своих нош. А может, ее охватило совсем другое чувство?

Зачем откладывать, надо рассказать сейчас же, подумал он, да, это неприятно, но я откладываю не потому, что придется ее огорчить, а потому, что мне самому неприятно. Почему же мне неприятно?

Таня, не стесняясь, вытерла пальцами глаза.

— Как хорошо. Не верю, а хорошо. Тайна есть. И какая-то важная...

Служба кончилась. Таня не уходила, удерживала Лосева, смотрела, как пустел собор, кто-то темный ходил, гасил свечи. Оставались красные робкие огоньки лампад.

— Я ведь тоже молилась с ними. А чему — не знаю. А вы?

— Я? — Лосев хмыкнул. — Нет, я не верю, — решительно сказал он. — И им я не верю, что они верят.

— Почему же? У них как раз чистая и бескорыстная вера. Мы вот считаем их темными, а они нас жалуют. Они считают нас несчастными. Это потому, что мы не можем поверить вот так, бескорыстно. Нам подавай чего-то взамен. Будете бегать — спасетесь от инфаркта. Будете отличником — поступите в институт. Ты мне, я тебе. За так ничего не бывает.

Рядом в темноте хихикнули.

— Ха, полагаете, у нас по-другому? — веселым голосом спросил кто-то. — Эх, интеллигент! Моднo в церковь ходить! И верю и не верю, и оппозиция и безопасно. Приятно здесь утешение найти, — и опять нежно захихикал.

В тени колонны обозначилась узкая головка на длинной шее, а затем и весь человек в потертой кожи летной куртке, коротконогий, носатый, похожий на гнома.

Лосев взял Таню под руку.

— Нехорошо. Привечать должны в храм входящего, а вы отвращаете. Какой же вы верующий?

Мужчина взмахнул локтями, как крыльями.

— Случайный вопрос поставили и угадали: какой я верующий! В этом суть! Поскольку верить можно и в сатану, и в кукушку. Я, извините, обратился к вашей... — он чуть запнулся, — случайно услышал, как она про бескорыстие в самую больку попала. Да в этих стенах самая отъявленная корысть и угнездилась. Христос изгонял торговцев из храма, а они вернулись оттуда... — и мужчина кивнул в сторону алтаря, но вдруг съехался и исчез за колонной.

Таня дернула плечом, и они пошли к выходу.

На паперти им ударило солнце в глаза. Кричали воробьи. По каменным плитам скакала девочка. Мужчина в летной куртке вышел за ними. Белое его лицо на свету показалось Лосеву знакомым.

— Вы, небось, решили, что я алчных попов разоблачать собираюсь. Ошибаетесь. Я сам на эти денежки существую.

Лосев узнал служку, который помогал митрополиту.

— На меня епитимию наложили, — он оглянулся, — пребываю как послушник. За это самое.

Лосев весело щелкнул себя по горлу, подмигнул.

Мужчина покачал головой:

— Вот и нет. Духовные лица, по-вашему, либо пьяницы, либо жулики. Удобно вам живется. — Он обиженно махнул рукой, повернулся, собираясь назад в собор.

— Пожалуйста, погодите, — сказала Таня. — За что вас наказали?

Он буркнул с издевкой, то ли над собой, то ли над Таней.

— Как ерисиарха.

— Как? — переспросил Лосев.

— От слова еретик, ересь, — торопливо пояснила Таня. — А в чем ересь у вас?

Мужчина подозрительно уперся в нее угольно сверкающими глазами:

— Интересуетесь?.. Обвиняют, что учение свое выдвинул.

— Учение?

— Да какое там учение, — дернул локтями, точно крылышками, — не учение, а мучение. Не дали как следует углубиться. Мне вообще запрещено излагать.

Он долго отнекивался, то страдал их, то прикидываясь дурачком, пугливо оглядываясь, уверял, что никакого в наши дни нового учения быть не может, все всем известно, человек не развивается, человек пребывает... Что, любопытно диковинкой угоститься, духовную потеху устроить?.. На его выпады Таня не обижалась и Лосеву не позволяла, терпела весело и упрямо. Вскоре Илья Самсонович — так его звали — смирился, пригласил к себе, и вот они уже сидят в его узкой, как коридор, белой пустой комнатке.

На столе лежали огурцы, зеленый лук, хлеб, появилось пиво. Но почти не пили, казалось оно неуместным. У себя в комнатке Илья Самсонович стал приветливой его фигуре проглядывало что-то верблюжье. Уродство, однако, почти исчезало, когда он говорил — глаза его горели черным страстным огнем, белозубый рот соответствовал чистому голосу, увлеченно он жонглировал словами, не заботясь, подхватят их или же они безответно упадут, разлетятся на блестящие осколки.

— У меня вся биография движется от сомнений. Другие боятся сомнений. Засомневаются и от религии отпадут. Я обратным ходом, я в атеизме усомнился. Категоричны атеисты. Доводы у них наивные, неглубокие. Бога нет, потому что в Библии противоречия. Потому что в небе не обнаружено. И всякое такое. А я всерьез стал искать — откуда следует, что нет его? А как начнешь сомневаться — так пойдет-покатится. Стоит раз усомниться — и станешь замечать повсюду несообразности. — Он ходил по комнате, всклопывая локтями, но тут вдруг задержался перед Лосевым. — Вы учтите. Не допускайте его, не то пошатнется и сгинет благополучно. Дух отрицания, дух сомнения! Берегите его! А стронетесь — и нивесть куда потащит тебя, захочешь назад, да не сможешь.

Слова его почему-то задели Лосева.

— Все брать под сомнение и не надо. Если во всем сомневаться, то ни верить нельзя, ни действовать.

Рука Тани легла ему на колено, и

Лосев замолчал, взял огурец. Было приятно уступить, подчиниться, делать то, что ей хочется.

Илья Самсонович наклонился к Тане, шепнул заговорщически:

— Слыхали? Говорит, верить невозможно! Боятся неверия. Значит, тоже дошел.

— До чего дошел?

— До того... Карл Маркс говорил — сомневайся во всем. Так что я в этом смысле больше вашего марксист. Хочешь прийти к богу — откажись от бога. Откажешься и через сомнения придешь... Вы книгу Иова читали?

— Нет, не читала.

— Как же так, важная книга Библии.

— Обязательно прочитаю, — сказала Таня, — но вы лучше про вашу ересь...

— Да вы напрасно надеетесь, не вероотступник я. Я за укрепление веры. Вот результат моих сомнений... Пришел я к тому, что необходимо поменять названием ад и рай, — он замолчал, взяв стакан пива, отпил глоточек, точно чаю горячего.

— То есть как поменять... зачем? — спросила ошеломленно Таня.

— Для достижения полного бескорыстия. Вы в соборе упомянули, что у них чистая молитва. Ох, заглянули бы вы во внутрь к ним. Страх и сделки. Пусть во очищение, пусть морально, но если в высшем смысле, то это же торговля. Приходят договариваться. На тебе, господи, дай мне. Я тебе веру, хвалу, ты мне — прощение и вечное блаженство. Сделка с расплатой на небесах. Я на земле буду соблюдать, значит, попаду в рай, а буду жрать, хапать, распутничать — тогда мне гореть и страдать. Значит, все на страхе основано... Кнут и пряник? Не согласен. Унизительно! — Он выпрямился, устремился вверх, руку поднял, стал выше, звучный голос его закачался нараспев. — Отныне считаю божественным и справедливым отправлять в ад праведников! Им — муки обещать. Не огненные, с котлами кипящими, им — муки несправедливости! За добро — шиш! То есть не воздавать. Ты добро, а тебе, — и он повертел перед Лосевым кукишем. — Отныне и присно не воздастся! А? Что, не нравится? — и, осклавив замечательно белые, как искусственные, зубы, захохотал, ликуя и любящая произведенным впечатлением.

— Так это же бесчеловечно!

Илья Самсонович присел перед ней на корточки, заглянул в глаза.

— Какая ж вы атеистка? И все равно — не по душе, верно? А для верующего и во все.

— Зачем это вам, в чем смысл? — нетерпеливо прервала его Таня.

— Чтобы обнаружить. Неужели не поняли? Человека надо обнаружить! В этом двуногом хищнике, обжирающем землю. Пора узнать, кто мы есть. — Илья Самсонович вскочил, рванулся к Лосеву, схватил его за руку в полном упоении. — Кто мы? Барышники или вложено в нас что-то божественное? А может, один голый расчет? Ведь если только расчет, то мы машины, мы только разуму подчиняемся... Как узнать? Возьмем и удалим всякую выгоду. Не оставим никакой надежды. И тем, кто живет на земле в грехах, в алчности, тем тоже не будет надежды на покаяние, потому что они будут и там пребывать в вечном раю и изобилии. Очи-

щающего страдания не будет. Никому не воздастся. Без вознаграждений, без премий. Праведник блаженства не увидит, грешник покаяния не получит. Моим начинающим тоже куда как не понравилось.

Глаза Тани расширились, темный румянец затопил лицо.

— Потому что несправедливо! Вы хотите бога сделать совсем несправедливым.

— А-а! Это мне сразу объявили. Действительная жизнь тоже не прощает добрых и честных. Это как — справедливо? Нет, тут справедливостью ничего не выяснишь. Для проверки давайте отнимем у всех утешение и страх возмездия и посмотрим, что станет с человеком? Тут все и выяснится. Тут вы и ахнете. Зашныряете. А некуда! Куда ни кинь — добро осуждено. И деться ему некуда. Кто посмеет быть справедливым? — от восторга он вскинул руки, затряс ими. — Кто осмелится на доброту? А уж призывать-то, проповедовать что будете? Невозможно! Никаких к тому прав у наших попов не будет. И обнаружится. Все, все выяснится. Все мы друг дружкой выявимся. Все человечество оголится!

В углу, в маленьком киоте дрожало крохотное бесцветное пламя.

На стене висело длинное анатомическое изображение человека с обнаженными красными пучками мышц, открытым животом, с извивами лиловых и желтых кишок, ветвистые трубы сосудов и кости. Рядом висел портрет Льва Толстого. Стояла железная кровать, заправленная серым одеялом, на одеяле дремал тощий кот. Иногда он приоткрывал глаза и смотрел на Лосева золотыми глазами с черной щелью. Голоса Ильи Самсоновича и Тани сшибались. Таня приводила в пример святых, говорила про Швейцера, про революционеров. Коротким движением откидывала тяжелую копну волос, они снова спадали, затемняя блеск ее глаз. Лосев не вмешивался. Пеннистая волна спора обдавала его, но он не позволял ей подхватить, унести. Приятно было следить за усилиями Таниного ума.

Среди мишуры богословских цитат она отыскивала собственные размышления Ильи Самсоновича. Помогало ей то, что она разбиралась в библейских сюжетах. Хотя сетовала на свое невежество, считая, что каждый культурный человек, особенно любитель искусства, должен такие вещи знать. Было заметно, как Илья Самсонович расцвел от ее интереса и уже не грубил, не отмахивался, старался убедить отчаянной своей ересью.

— Но разве вас не пугает, что хуже станет от такой идеи? — спросила она.

— Нет хуже нынешнего безверия. Посмотрите, что делается. Вы лучше спросите — как с верой будет? Вот в чем вопрос! Где праведники, где новые святые? Всех старых святых придется пересмотреть. Среди них такие, что лишь о вечном своем блаженстве пеклись. Отказывали себе во всем, чтобы там все иметь по первому классу. Самые чистые и те тайне рай себе зарабатывали. Два пишат, один в уме. Да не в них дело. Главное узнать, есть ли в нас душа? Вот я и хочу из человека выгоду выпарить, удалить, посмотреть, что же в остатке. Если ничего — тогда конец. Тогда всякая надежда и доброта

кончатся. Никаких сказок. Сила, хитрость и выгода! Кончится святая ложь, и откроется взором человек в неприкрытой своей користи, и мы ужаснемся!

Таня призадумалась. То, что она могла принимать этот разговор всерьез, удивило и развеселило Лосева. Он стал спрашивать, каким образом будет произведена перестановка ада и рая, есть ли у Ильи Самсоновича проект реконструкции и как отнесется к замене кадров господь бог.

Они шуток не приняли, смотрели без улыбки, затуманенно.

— Вы знаете, что за праздник сегодня? — спросил Илья Самсонович. — Преображение!

И стал говорить о великом знаке, заключенном в этом дне, как свидетельство грядущего возведения человечества на высшую ступень бытия. Трое учеников увидели в этот день на горе преображения Иисуса, излучающего сияние, поняли, кто перед ними, а потом все исчезло, они спустились вниз, и снова их окружили люди в своей суете и лукавстве, и словно и не было ничего...

Видно было, что верил он искренне в то, что это когда-то так и было, события эти волновали его до слез. Он невольно заражал своим чувством.

Впервые в жизни религия, к которой Лосев относился свысока, как к безобидному старушечьему утешению, предстала в своем опасном очаровании.

Таня вдруг сказала:

— Ошибка у вас, Илья Самсонович.

— Какая? Ты покажи.

— Позабыли вы одно чувство. Есть у людей, кроме выгоды и пользы... Вы говорите, праведников нет. А матерей? Вы про свою мать вспомните. — Илья Самсонович дернулся, хотел что-то сказать, но не сказал. — А жены? Любая женщина любящая, она может все человечество вытаскать и спасти ради любви! Вы ей чем угодно грозите на том свете за эту любовь — ее не испугаешь. Жгите ее, в котлы ваши кидайте — она от любви не отступится и спасет... Вы знаете, что моя мать сделала? Она брата моего... он в сорок первом родился, в Ленинграде, потом блокада началась, ему годика не было, он кричит, есть хочет, а у нее ни молока, ни крошечки хлеба нет, так она — вену себе надрезала и ему руку прикладывала, он пососет кровь ее и утихнет, заснет, тем и спасла его. Любовь — вот вся ее выгода. Что ей ад или рай. — Я потому так, что та же кровь во мне, ее кровь, я поэтом знаю...

Она подняла голову, вытянулась, что-то приоткрылось в ней, дохнуло жаром таким, что Лосев внутренне отпрянул. Где-то там бушевало пламя, что-то плавилось и сгорало. Такая сила была в ней, что встань она сейчас, прикажи, поведи их — они бы подчинились, пошли... Илья Самсонович, сморкаясь, торжественно поклонился низко.

— Твоя правда! Твоя! До чего правда... — он распрямился, утер рукою нос, глаза, изумленно показал Лосеву на Таню. — Смотри, сама дошла... Я-то из тьмы. Меня никто не любил. Мать из интерната брать не хотела. Кляла меня! — он слотнул подступившую жгучесть. — Я не через любовь добрался, я из отчаяния. Но она-то через любовь, — восхищенно перебил он себя. — Женская любовь — это особница, это

инстинкт. Будут люди, что не убоятся! Будут!.. И станут добро творить. Выгоду переступят ради совести своей. Поэтому что захотят душу оживить. Они всей церкви нынешней вызов бросят. Они-то и оправдают всех нас. Люди кругом, может, готовы взлететь душой, ищут, за что бы на костер взойти. Дайте им, скажите им...

Пот катился по его узкому лицу. Таким он запомнился и остался в памяти — нелепая его толстая книзу фигура, с морщинистой длинной шеей, потный, бледный на фоне меловой стены.

* * *

Улицы были влажны, пустыны, полны той утренней нетронутой свежести, какая скапливается за ночь в маленьком городе, окруженном полями. Возвращаются запахи покосов, трав, пойма.

Густой туман лежал безветренными пластами. Деревья стояли недвижно. Слабый перестук доносился от хлебозавода. В той же стороне перекликнулись два молодых петушка. Город спал. На базаре спали облезлые ничейные псы. На пустых цинковых прилавках сверкнула роса. Туман стался над рекой. Лосев остановился на мосту. Алая макушка солнца вылезала из Патриаршей рощи. Восход был яркий, красный, из тех лет, когда они, мальчишками, бежали в рощу смотреть, откуда вылезает солнце. Из поколения в поколение лысковские мальчишки искали солнце в Патриаршей роще. Сколько восходов минуло с тех пор.

Солнце не слепило. На тусклую поверхность его можно было смотреть, и само оно как бы разглядывало землю, еще не начатый день, который предстояло катить и катить до другого края земли. С моста виднелось далеко. Крыши, покрытые дранкой, серебристо светились живым светом, какого не хватало серому слепому шиферу. В новом доме напротив, почти на всех этажах, в зеленых ящиках навстречу солнцу повернулись цветы. Дом, украшенный цветами, занавесками, выглядел еще новее. От жилого духа он похорошел. По низу он был облицован коричневой плиткой. Лучше же всего украшали дом балконные решетки художественного литья, сделанные после долгих хлопот. Дом был гордостью Лосева. Таких красавцев еще десяток — и город преобразился бы. За этот дом Лосев два года назад схлопотал выговор, но выговор недавно сняли, а дом остался и стоит, лучшее утешение при подобного рода неприятностях. Лосев любовался им, и на душе у него потеплело. Если бы его спросили, какая главная забота его жизни, или дело, или даже хотение, он, не задумываясь, ответил бы: иметь лишний вот такой дом. Буквально — лишний. Чтобы в кабинете у него под стеклом висели ключи от пустых квартир лишнего незаселенного дома. Приезжает семья или какой специалист — получайте, пожалуйста, квартиру!

Повсюду в работе он наткнулся на проклятую жилищную проблему. Нехватка жилья мучила его каждодневно, непрерывно. И строительство, и материалы, и просьбы, и большая часть людей, которые шли к нему на прием, — все связано было с жильем.

Нет, из всех желаний, из всех чудес мира он выбрал бы только лишний дом, построенный впрок, с опережением, —

сказочный, неразменный рубль. Когда-нибудь здесь появится такой дом. Сбудется его мечта для какого-нибудь другого мэра.

В конце моста, у фонаря, стоял незнакомый парень в нейлоновой стеганке. Шея его была повязана шарфом.

— Дай закурить, — сказал он.

— Так не просят, — сказал Лосев, глядя на него в упор. — Дайте, пожалуйста! — и прошел мимо.

Тропка повела его над косогором, вдоль сараев, огородов, дощатых нужников, курятников, железных гаражей. Кусты жимолости отряхивали на него крупную росу. Один за другим на крутизну выдвигались старые дома, бывшие особнячки, украшенные резьбой, за ними и поновее кирпичные одноэтажные дома с мезонинчиками, с парадным ходом. Началась набережная, мощеная булыгой, тополя, сирень. Были тут совсем старенькие усадьбы, вычурные, с верандами, застекленными цветными треугольничками, дома с башенками, балкончиками, фигурными окнами, ставнями. Всякий раз Лосев мысленно отбирал и реставрировал самые красивые, красил белым с голубым, кофейным с желтым так, чтобы выделить резьбу, выступы, крыши перекрывал железом. Сейчас дома у него становились такими нарядными, как на старых открытках. Оставались еще дома чем-то знаменитые, вкрапленные то там, то тут, они удерживали городскую старину, сохраняли привычную физиономию города, знаменитый вид с реки. Он наслаждался их реставрацией, хотя знал, что они обречены. На их месте в планах были обозначены корпуса четырехэтажек и опорный точечный — девятиэтажный дом.

А эти поочередно, участки за участком снесут, соскребнут в кучу бульдозерами и покидают экскаваторами на самосвалы. Ворох бревенчатого домья, крошево кирпича, пыльного мусора — малая куча останется от этого дома, от его комнат, лесенок, от ночных скрипов, зимнего тепла, зарубок на дверных косяках, от чердаков, печей, крылечек, скамеек... Он сам рос в таком доме, любил его отдельность, приуроченность к семье всеми закутками, чуланам, подоконниками. Чердак, где годами скапливалось ненужное барахло — ребячья отрада, чердак с запахами лука, яблок, малины, что сушили здесь каждую осень, запахами березовых веников, старых журналов, запасных обоев... С толстой от пыли паутинной, похожей на серую байку. Погреб подвал с клепками старых бочек, что-то там капает, скребется, лежит кафель запасной для печей... Дом не изба. У городского дома всегда долгая история, сменные хозяева... К примеру, у них в доме проживал священник Никандр, от него остались лампадки темно-синего стекла и большой пресс неизвестного назначения. А после войны объявилась сестра священника и стала искать в саду закопанные когда-то отцом Никандром летописи. И все же дома эти имели личность, у каждого была своя история, по дому был виден вкус хозяина, его старания.

Лосев любил эти дома и не любил. Сколько крови перепортили ему хозяева этого черепичного, пока наконец заставил убирать сарай, что портили весь вид. А рядом, за домом отставного полковника, вместо забора колючая проволо-



Рисунок В. Кауфмана.

лока была натянута в четыре нитки. Никакие уговоры не действовали. Лосев его просил по-хорошему, и через военкома, и стыдил при всех — такими препятствиями на фронте от фашистов защищались! А полковник в ответ — вот когда вы обеспечите воспитательную работу среди молодежи, чтобы не лезли за смородиной, тогда можете требовать... С помощью милиции пришлось действовать. Потом больше года объяснялся по его жалобам.

Хочешь не хочешь, жизнь склоняла на многоэтажные дома, и быстрее, и дешевле, и хлопот меньше, но иногда Лосев, не скрывая, сокрушался.

Войлочные тапки отсырели. Вышел в них во двор Лосев под утро, измаянный бесонной комариной ночью. Поставил, постоял и, не заметив, так в тапках зашагал по улице, влекомый расцветными красками.

Потом пошел босиком. Росяной холод обжигал ступни. По первому солнышку, да по земле, шлепать и шлепать, благо никто не докучает здорованьем, распросами, любопытными взглядами.

Слышал кожей хаю, мягкую, всегда тепловатую, шишки, камушки, щеотнокую траву. Как давно это было — босиком по берегу. Или нет — как давно этого не было.

Неужели эта тишина, наполненная розовым светом, это быстро растущее солнце, эта красота творится каждое утро? Пока он спит, происходят утренние зори, восходы; из года в год все это великолепное действие совершалось без него. Он начисто забыл о том, что каждое утро — восход. И все это будет продолжаться, когда Лосева уже не станет. Совершенно явственно увидел он свое отсутствие в свежем утреннем мире, этот сверхающий от росы город без него. Его город, занятый уже иными заботами. Жилой дом у почты станет обыкновенным домом, обычными станут и дефицитные сейчас коричневые плитки и решетки балконные.

Лосеву, конечно, хотелось, чтобы его помнили, но для этого, он считал, надо быть творцом, например художником, архитектором. Тут ему припомнился Жмурин, и снова он испытал симпатию к этому незнакомому человеку. Лосев словно бы ощутил его присутствие в сохраненной красоте города, в стройной Успенской церкви, в парке с длинным блудовским прудом... Вот ведь помнят Жмурина несколько человек, помнят, и он, Лосев, сегодня через эту красоту вспоминал. Вполне возможно, что Жмурин ходил спозаранок этой же тропкой, мечтал также о своем городе.

Мельников, у которого Лосев принимал дела, выпивоха, «обещалкин», тоже ведь оставил после себя память — спортивную школу, богато оборудованную, и впервые Лосев вспомнил его добром.

По солнечному языку, что выгнулся поперек песчаного откоса, Лосев спустился к заводу. Сетчатые тени колышались в воде. Чугунная тумба стлыла в матовых горошках росы. Лосев закатал брюки, вошел в воду. Холод стегнул по ногам, но спустя минуту каким-то образом образовалась теплыня. И песок под ногами стал теплым. Стая мальков метнулась в сторону. Он шагнул за ними, пальцы ног стукнулись о каменистый порожек, и сразу ноги, собственной памятью, припомнили этот гребенчатый отрог, что наискосок спускался в глубину. Отсюда, нырнув, полз-

ли по дну, цепляясь за каменную гребенку, кто дальше уползет. Клади для метины белую гальку.

Глядя на большие белые ноги свои, изуродованные обувью, на кривые пальцы с темными толстыми ногтями, Лосев увидел в этой воде те свои маленькие ноги, загорелые, с прозрачно-мягкими ноготками, с пяткой круглой и такой крепкой, что мать оттирала ее в тазу пемзой. Вечер, горячая вода в зеленом тазу, ее большие быстрые руки...

Наверху, над головой, шевельнулось. Спиною друг к другу, на нее сидели двое мальчишек, тот, что лицом к Лосеву, в цветастой рубашонке, держал свежезрезанное удилице. Глаза его вперились в поплавок. Отсветы воды бежали по его неподвижному лицу. Босые ноги свесились. Это были те самые ноги, которые привиделись Лосеву, — с розовой подошвой, с маленькими пальчиками. Все было то же самое — и утро, и удилице, и ветви ивы, только жилка была капроновая, банка с червями была коричнево-лакированная изпод кофе. А окуньки и уклеи те же, так же надеты были на прут.

Тихо подняться в полутьме. Кусок хлеба с треугольником плавленного сыра... Или плавленный сыр позже, а тогда с луком или картошкой... Между прочим, детские их рыбалки были подспорьем матерн в те карточные годы.

Не сохранись это место, и не вспомнить бы.

Вода бежала, струилась, он чувствовал кожей ее ток, она была такой же, как тогда, казалось, ничего не отделяет его от тех детских лет, казалось, он может чувствовать и воспринимать все так же, как тот мальчик, Серега Лосев. Он вспомнил, как дочь его, Ната, в пять лет плакала, что не хочет расти. Вспомнил недетскую горечь и страх в ее голосе. Если бы можно было в мальчишество. Как быстро мог он все порешить, всем все сказать, как легко знакомилось, как просто было обращаться с любому с вопросами...

Он ополоснул пальцы, сунул в рот, свистнул. Но вместо свиста вырвался хрипловатый шип. Подогнув язык, он попробовал иначе, пробовал и так и эдак, свиста не получалось. Как могло такое произойти? Разучился? А был уверен, что этому нельзя разучиться, как грамоте, как плаванию. Глупо вроде, а сердце екнуло. Наверху в ветвях засмеялись. От упрямства сунул еще раз пальцы, и вдруг сам собой вырвался чистый, сильный свист, каким он умел оглушать, всех пересвистывать. Может, и не той силы, но все же свистелось. От радости поддал воду ногой, брызги полетели далеко, штанины намокли, он не обращал внимания, шел по глубине, ликуя от этой недозволенности. Брызнул на ребят, запустил галькой по натянутой гладкой воде.

Серебряная улейка блеснула в воздухе, поднялась на крючке. Наверху завожжились. Лосев вышел из воды, сел на лавочку, вытнул к солнцу мокрые ноги, всего себя подставил под тепло.

Туман дотаивал, вода ожила, заблестела, не вся сразу, а изгибами. Туман отлетал, как сон, и заводь открылась в невинном покое, ясная до малейшей малости. Пыльца, соринки плыли на тугой струе. На сером валуне под ивой обозначилась каждая трещинка. Старый валун искрился, хитро посверкивал. Длин-

ноносый кулик вскочил на него и серьезно посмотрел на Лосева. В кустах ольшаники среди полной неподвижности один листок почему-то трепетал, белея. Куда ни глядел Лосев, глаз его обнаруживал утаенную мелкую жизнь, которая происходила внутри крупной жизни. От этого каждый предмет становился еще красивей.

Река текла и текла, прозрачно-коричневая у берега, темнеющая вглубь, текла из знакомых ему болот, с Вереста, с Дрябь, с Утополя. Лосев мысленно видел сейчас реку и далеко вниз, до самого озера Крекши, у Васькиного носа, длинного мыса, где отдыхали перелетные утки и где впадала, разбегаясь протоками, рукавами, Плясва. Туда куда-то утекла вода его детства, там она покоилась в густых тростниках и осоках.

Ему увиделась долгая дорога реки с крутыми оленьими обрывами, затонами лесобиржи, пойменными лугами, где устраивали гулянья в день авиации. За Патриаршей роцей Плясва сужалась, пенилась желтой подсыхающей пеной и потом шла, отдыхая, тихим плесом. Принимала притоки, лесную Золотку и бестоловую, ни с того ни с сего исчезающую речку Тулебля. Если не считать короткого истока, где Плясва журчала детским ручейком, то всю свою дорогу она трудилась. Тащила лодки, сплавляла лес, плоты, поила деревни, растила рыбу, утят, гусей, лягушек — бесчисленную живность. От Плясвы всегда только брали — ее мягкую воду, ее траву, выскокую, жесткую, брали раков, окуней, налимов, линей, к устью брали и сомов, а всякую мелочь без счета. Ставили сети, мережи, брали камыш, брали у нее песок, глину, брали с берегов гальку для строек. Мыли в ней лошадей, машины, поили коров, стирали белье, мочили лен, шерсть. Лили в нее любую грязь, сливали бензин, солянку, масла, банную воду, негодные кислоты, обрат, кидали бутылки, что ни попадали...

На ней рос город, ею кормился, поил, ею богател. Но и в голову не приходило отблагодарить ее. Речники заботились о своих пароходах, ставили баке-ны, а о ней самой не думали.

Перед ним возник прозрачный блекло раскрашенный проект Ивана Жмурина и нынешний. Они соединились толчком, внезапно, так, что Лосев застыл. Стало ясно, что филиал можно сместить вниз, к Патриаршей роце и тогда центр города образовался бы лицом к реке, без разрывов. Панорама города впервые улеглась, как бы вошла в пазы, наконец-то все сцепилось убедительно и естественно, хоть сразу отдавал архитекторам...

Река взглянула на него. Взглянула доверчиво, распахнута, так что отразилось каленое от восхода небо, полегшая ива, мальчики...

Может, и в самом деле была душа у этой реки? И у заводи, у камня?

Чем больше он смотрел, тем больше видел; новые подробности проступали ему навстречу. Он погружался в этот неспешный мир скрытой красоты, какая складывалась из всех этих малостей, когда можно любоваться и камнем, и простым листком, и отмелью. Все это давно стало частью его самого, до сих пор он никогда не замечал этой красоты, как не замечал чуда своего сердца, чуда ушедшего детства, чуда материнской ласки.

анкар

СПОРИТ

Рассказы наших читателей

К. ВАХЛИС

с аллахом

В ПРИЗРАЧНОМ СВЕТЕ полной луны предметы приобретают фантастические размеры и очертания. Чинк Бутентау¹ высится над пустыней и кажется таинственным и непреступным.

Ночью, когда спят уставшие спутники, ничто не отвлекает спокойный бег мыслей того, кто бодрствует. Неторопливы движения нашего проводника Анкара. Он подбрасывает в жаркий костер сучья саксаула, и уже дышит желанным кок-чаем закопченный кумган. За целый день я ни разу не видел старика за молитвой. В чем дело? Я привык, что в этих краях старики совершают намаз.

— Анкар-ата, ты веришь в бога? — спрашиваю я.

— Поссорился я с Аллахом давно, а верить перестал недавно, — говорит Анкар.

Я удобнее устраиваюсь на кошме.

— Расскажи!

Анкар разливает чай в пиалы, прежде чем приступить к рассказу.

— Это был страшный год. Зимой мы не видели снега, весной не выпало ни одного дождя. Аму так обмелела, что до наших арыков вода не дошла. На полях ничего не возшло. Колодцы пересохли. Возле них топтался обезумевший от жажды скот. И забелели пески костями. Скотоводы и оставшиеся без дела чабаны разбрелись по оазисам. Ожиревшие от падали волки нагло выходили на свет костров случайных путников. Огонь в печах не горел: в них нечего было печь. Ужас и смерть поселились в каждой кибитке. Кладбища выходили из своих оград.

Я пытался зачерпнуть кумган воды для умирающей матери из байского арыка, но меня избили. И когда я все же достал воду, она уже была не нужна. Я смотрел на неподвижное лицо матери, слышал плач маленького брата и впервые возроптал на бога. Ну что стоило Аллаху наполнить наш арык, дать глоток моей матери или маленькому Касыму. Ведь я так просил его об этом, так молил, не для себя просил.

Анкар показал камчой на руины древней крепости, над которыми висел лунный диск.

— Вон, видишь, развалины. Это Ак-кала, белая крепость, здесь хозяйничал курбаши Дурды-Клыч². Я и сам был басмачом.

— Ты? — удивился я. — Такой бедняк был басмачом?

— Да, был. С Дурды-Клычем дважды имел дело. Первый раз я пошел за ним как за благодетелем — он дал отцу двух баранов и батман джугары, а мне дал коня. Я был в ту пору темный и запуганный парень. Мне сказали, что из другой стра-



Рисунок О. Туркус.

¹ Небольшое плоскогорье в северных Каракумах близ Сары-камышского озера с отвесными скалами высотой до 80 метров.

² Дурды-Клыч был предводителем банды басмачей, действовавшей на территории теперешней Туркмении.

ны пришли оруды — люди с красными звездами. Что они хотят забрать нашу землю и воду, а туркмен превратить в рабов. Как будто я был свободен! И вот мы разбили отряд красных, а потом басмачи Клыча разгромили и разграбили несколько кишлаков. И тогда я сказал себе: «Анкар, ты еще не знаешь, хорошие или плохие люди эти оруды с красными звездами, но Клыч совсем не человек. Ты заодно с теми, кто грабит и убивает бедняков».

Тяжко мне было смотреть на убитых женщин, у них были такие же лица, как у моей матери, а малыши, ползавшие среди дымящихся развалин, напомнили мне маленького Касыма. Я возненавидел Дурды-Клыча и все время мысленно спорил с Аллахом: «Почему такое разрешаешь? Чем грешны эти маленькие дети, почему они умирают?» Я решил бежать из банды, но не успел. Красные окружили нас у колодца Чарышлы. Целый день яростно сопротивлялся курбаши и только к закату солнца был разбит. С двумя всадниками он ушел от погони. Оставшихся в живых басмачей красные взяли в плен. Я услышал туркменскую речь.

— Расстрелять поганых шакалов!

Высокий худой туркмен построил нас в одну шеренгу. Я молчал, понимал, что он прав.

— Подожди, Мурадов,— слышался резкий приказ.

«Русский, а говорит по-нашему»,— подумал я.

Светловолосый человек в военном подошел к нам и сказал: «Руки, покажите ваши руки!» Он взглянул на мои покрытые мозолями, потрескавшиеся от тяжелой работы ладони и сказал так: «Дурак ты, нашел себе компанию!»

Анкар налил в кумган воды и поставил на угли. Небо потемнело. Луна спряталась за стены крепости.

— Да, вот в этих руинах в 1927 году засел вернувшийся со своей бандой Дурды-Клыч. Я был в то время самым молодым бойцом в красном кавалерийском полку, и у меня были старые счеты с Дурды-Клычем. Он сжег наш кишлак, убил многих близких мне людей. Мы выкурили их из этих развалин и начали преследовать. Они уходили все дальше в пески. На третий день мы их настигли. Но на землю обрушилась буря. Она окутала пустыню такой тьмой, что, казалось, пришел конец света. Раскаленная пыль неслась с бешеной скоростью, валила людей в песок. Через день «афганец» стих, но солнце разожгло пожар внутри каждого из нас. Опустились бурдюки и флаги. Каждый вдох раскаленного воздуха вызывал боль в груди. Кони еле тащились по песку, белая пена выступала на их боках.

И все же мы отбили колодец у басмачей, но они, уходя, успели его засыпать.

Я лежал на песке и понимал, что это конец. Я

видел, как Мурадов подошел к колодцу, обязался веревкой и исчез в нем. Мне трудно было думать. Я не мог понять, зачем спускаться в колодец, где нет воды. Проходили часы. Из колодца вытаскивали мешки влажного песка. Потом ведрами пошла жидкая грязь. Последнее, что я увидел, были лошади возле колодца, нюхающие мокрую грязь.

Я пришел в себя, почувствовав губами холодную влагу. Вот когда я по-настоящему ощутил вкус воды.

Мы хоронили двух бойцов, так и не дождавшихся воды. И я снова заспорил с Аллахом: ведь басмачам он дал воду, а бедняков заставил умирать от жажды.

В шестой день мы прошли без отдыха сотню километров и вблизи урочища Ата-Кую догнали и окружили Дурды-Клыча. С яростью дрались бандиты, и даже ночь не прервала боя.

Сердце мое успокоилось, когда я увидел курбаши мертвым. Значит, и Аллах не смог его спасти.

— И с тех пор ты перестал верить в бога? — спросил я.

— Нет, не тогда... Это не так просто, как тебе кажется. Потом это случилось, в 1966 году. Этот год напомнил мне то страшное время. Также не было снега зимой и весна не принесла дождей. Но не было смертельного ужаса перед засухой, все знали, что Туркмении поможет страна, если будет надо.

Я был в то время в районе Теджена. Реки Теджен и Мургаб пересохли совсем, обнажилось их дно, но уже подходила вода Каракумского канала, и еще до летнего зноя люди тяжелыми машинами вырыли 46 километров канала. Я видел, как его рыли, но не понимал, что он даст. Руслу Теджена и Мургаба лежат выше Каракумского канала. Как же вода к ним пойдет? Но три насосные станции подняли воду на 30-метровую высоту и наполнили пересохшие русла рек. Вода вновь напоила поля, и они дали большой урожай.

Часами стояли люди на берегах.

«Ай-яй!» — удивлялись аксакалы, качали головами: реки текли вверх. А один, тот, что стоял возле меня, возблагодарил Аллаха, что дал ему увидеть такое чудо. А я ударил тельпеком об землю и громко сказал: «Хватит, Анкар, человек может быть сильнее, мудрее и главное — лучше, добрее Аллаха». Я зачерпнул воду из реки, которая изменила течение, омыл руки и лицо и понял, что нет больше в моем сердце места Аллаху.

...Ночь была на исходе. Нас ожидал дальний переход, но я так и не смог заснуть, думая о старом Анкаре. Небо на востоке засветлело, а руины крепости уже не казались ни величественными, ни зловещими.

Новые переводы

ОМАР ХАЙЯМ

РУБАИ

Раз желаньям, творец, ты предел положил,
От рожденья поступки мои предрешил,
То, выходит, грехи я не сам совершил, —
Только в меру тобою отпущенных сил.

Всевышний мастер, изваявший род людской,
Не знаю почему, но труд не ценит свой:
Коль совершенны мы, зачем нас разбивает?
А если вышел брак, то кто тому виной?

Знает твердо мудрец: не бывает чудес,
Он не спорит, там семь или восемь небес.
Если разум пылающий должен погаснуть,
Все равно — муравей или волк тебя съест.

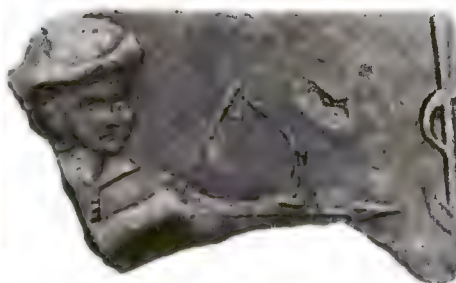
Если б небо вершило лишь праведный суд,
И земной был закон справедлив, хоть и крут,
Если б там, наверху, справедливость царила,
Благородные разве бы мучились тут?

Перевел с фарси Николай Стрижков



● Красные изразцы, изображающие батальные сцены.

● Лучинин. Таганская площадь (Гончарная слобода).



Красота Рукотворная

Фото С. Склезнева.

А. ВЕКСЛЕР,

Б. ШЕСТКОВ



«Какая увлекательная область истории искусства. Сколько здесь работы для марксиста. Вчера до утра не мог заснуть, все рассматривал одну книгу за другой. И досадо мне стало, что у меня не было и не будет времени заняться искусством». Эти слова Ильича запомнились мне чрезвычайно четко.

А. В. Луначарский.
Ленин и искусство.

ЭТО УДИВИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО дошло до нас сквозь столетия. Изразцы — проявление самобытного народного творчества, родственное резьбе на пряничных или набоечных досках. Уже в конце XVI века керамическая рельефная плитка перестала быть лишь подделкой под белокаменную резьбу и прочно утвердилась как самостоятельная художественная форма. Печной изразец получил румпу — коробку для крепления к печи и, самое главное, рельефный рисунок на своей лицевой стороне. На Руси не сохранилось ни одной печи из первоначальных — цвета терракоты (так называемых красных), не покрытых поливой изразцов.

С уверенностью можно сказать, что не только специальные научные раскопки, но и всякие крупные земляные работы в пределах Садового кольца Москвы, или, как его называли в древности, «Земляного города», не обходятся без находок этого излюбленного украшения домов состоятельных горожан. Изразцы в многовековых напластованиях Москвы, как и обломки глиняных сосудов, составляют массовый археологический материал, что подтверж-



● Орнаментальный изразец — находка на Велнском посаде.

● Изразец с изображением легендарного нитовраса, найденный на улице Кисельный переулок. Публикуется впервые.

● Красный изразец с фигурой фантастического существа, найденный на улице Разина (Старый Английский двор). Публикуется впервые.

● Так выглядит сказочный мантикор.

● Красный изразец с единорогом.



дает широкое их распространение. Тем не менее своеобразной «находкой века», проливающей новый свет на керамическое производство древней столицы, стал уникальный изразцовый комплекс, обнаруженный при строительстве станции метро «Марксистская».

Отбойный молоток проходчика раскрыв здесь — впервые в археологии Москвы — горы для обжига изразцов. У сооружения сохранились полусферические кирпичные стенки обжигательной камеры, осталась система нижних внутренних продухов, обеспечивающая равномерный обжиг изделий. Горн, несомненно, принадлежал крупному московскому мастеру, как мы считаем, первой половины XVII века. Неизвестно, по какой причине владелец горна оставил в нем всю готовую продукцию — около 300 обожженных рельефных изразцов. Погиб ли мастер или его увели в плен во время внезапного вражеского нападения? Очевидно лишь, что дом его сгорел, а на усадьбе вновь обосновался гончар, производивший поливные многоцветные изразцы — «ценнинные», как тогда их называли. Новый хозяин использовал засыпанный углем провал прежнего горна как яму для бракованных изделий своего производства, действовавшего вплоть до петровского времени. Таким образом, мы, потомки, оказались владельцами богатого набора всех видов московских изразцов — и ранних красных, и покрытых зеленой поливой — «муравой», и ярких ценнинных. Развитие производства всех этих типов прослежено на сотнях находок в Гончарной слободе.

В сохранившихся до наших дней названиях набережной, переулков, проездов — Гончарные — закреплена память о бывшей здесь обширной слободе (известно, что в 1679 г. в ней насчитывалось 89 дворов). По древним финансовым документам установлены имена более 70 мастеров московского ценнинного дела. Так, Иван Семенов по прозвищу Денежка получил от Приказа Большого дворца по шести денег за ценнинный изразец и по четыре деньги за зеленый. Особенно высоко ценилась работа другого прославленного изразечника: в документе, датированном 1693 годом, говорится, что «московитину печному мастеру Степану Иванову сыну Полубесу дано за дело трех печей и за изразцы... 27 рублей» (сравните сами: дорогой стальной шлем стоил тогда один рубль).

Мастер Степан прозвищем Полубес, уроженец Мстислава в Белоруссии, привезенный в Москву в 1654 году князем Трубецким, оставил заметный след в русском зодчестве. Его яркие изразцовые фриз «павлиний глаз» доныне украшают древние московские здания — в Измайлове, на Андреевской набережной, на улице Большая Полянка. Искусствоведы сравнивают работы этого даровитого «московитина» с изделиями крупнейших скульпторов-керамистов европейского Ренессанса — Луки и Андреа делла Робиа в Италии, Бернара Палисси во Франции. У себя в Гончарной слободе московский мастер сотворил невиданное украшение церкви Успения (сейчас на улице Володарского у Таганской площади). На восьмиугольный барабан ее купола он установил полутораметровые составлен-

ные из ценнинных изразцов горельефы четырех евангелистов. Характерно, что в облике бородатых евангелистов было мало божественного, походили они на мастеровых людей, «московитинов».

Люди из народа, гончары были теснейшим образом связаны с городским посадским людом, жили его интересами и чаяниями, в художественном ремесле стремились удовлетворить духовные запросы современников. У изразцовой печи в древней Москве проводили долгие часы, постигая смысл каждого сюжета, разбирая символику каждого изображения. Яркая керамическая плитка становилась образным народным плакатом, могла показывать и рассказывать, давала пищу для ума, создавала определенное эмоциональное настроение. В начале XVII века заметно возросло стремление к познанию окружающего мира — не только у образованного общества, но и среди простых людей. Москвичи хотели знать, каков из себя был Александр Македонский, как глядятся чудища «инрог» или «грив». Конечно, по большей части для изразцов отбирались «ходовые», излюбленные сюжеты. Однако археологические исследования в Москве выявили и весьма редкие сюжетные изразцы, известные в единичных экземплярах.

В период широкого распространения «красных» и ранних московских «муравленных» изразцов, в 20—30-е годы XVII века, особенно популярными стали изразцы с батальными сценами. В них сохранились отзвуки и недавних сражений у крепостных стен Москвы при освобождении города от иноземных захватчиков. На одном из самых распространенных изразцов — с короткой надписью сверху «ПРИСТУПАЕТ» — изображена осада города. Штурмующие крепость воины с ручным оружием — пищалью, бердышом, копьем — под знаменем взбираются на стены по приставной осадной лестнице, пушки же в это время готовят «наряд» — пушки к бою. Еще мгновение — грянет залп, и вражеские воины поплывут к подножию стены, кто вниз головой, а кто и вовсе без головы. Кто здесь «свой», а кто «чужой», разобрать было не так уж трудно. Мастер изобразил иноземцев в заморских сапогах-ботфортах, а стрельцов в длиннопольных русских кафтанах.

На некоторых изразцах оружие буквально заполняет все поле: детально показаны пушки с ядрами, лук со стрелами, воинское снаряжение и конская сбруя. Батальные сцены, изображающие пехоту, штурм крепости, обычно составляли единую панораму-иллюстрацию к широко известной в древней Москве повести «Александрия» — об осаде Александром Македонским «града Египта». Сам полководец изображался в кольчуге, с кривой саблей в руке и короной на голове. По верху изразца шла надпись — чтобы не ошибиться: «Ц(А)РЬ (АЛЕКСАНДР) МАКИД(ОН-СКИЙ)». Исторический этот персонаж в русском народном искусстве долго был олицетворением воинской доблести.

Сюжеты на изразцах представляют сложное сплетение образов реальной действительности и сказочных мифологических представлений. Судя по ним, печных дел мастера были людьми не только грамотными, но и по тому вре-

мени начитанными. Персонажи светских литературных произведений, запечатленные в изразцах, улакали зрителя занимательностью повествования. Таково, например, сказание о Бове-Королевиче. Эта переводная повесть о рыцарских приключениях довольно быстро русифицировалась и вскоре воспринималась обществом уже как нечто свое, русское. Бова из западноевропейского рыцаря превратился в добра молодца, защитника слабых и обиженных. А само слово рыцарь москвичи переделали в имя собственное — «Личард». Этот самый удалой богатырь Бова в коротком подпоясанном кафтане, с саблей в руке и появился на многочисленных изразцах. На одних он гордо красуется на коне, на других сражается со своим недругом Полканом. Сбоку на изразце непременно изображалась прекрасная царевна Друженна, из-за которой, как писалось сверху над этой сценой, «БОВА С ПОЛЫК(А)НОМ БИЕТ(С)Я».

О сопернике Бовы — Полкане, «китоврасе» (то есть кентавре, полуконе-получеловеке) стоит сказать особо. «Прискакал» он на русские изразцы из той же повести о Бове-Королевиче. Персонаж этот скорее положительный, чем отрицательный, наделенный умом, благородством. Из врага Бовы он превращается в его лучшего друга, как только узнает о бедах героя. «Прыгучесть» Полкана такова, что за один «скок» он пролетает семь верст. Известно несколько вариантов изображения китовраса на московских изразцах. Один из них недавно восстановлен из обломков в Музее истории и реконструкции Москвы (реставратор О. Данилова). Это уникальное по динамизму изображение кентавра — прыгая, он стреляет из лука на полном скаку, обернувшись назад.

Сцена с изображением двух удалцов, схвативших друг друга за руки, имеет на изразце надпись: «БОРЬЦЫ БОРЮ(ТСЯ)». Оба молодца одеты в воинские доспехи, но оружие оставлено в сторону — борцы честно меряются силой. Сюжет иллюстрирует, вероятно, известное и гончару и зрителю произведение — то ли единоборство Ильи Муромца и Соловья-разбойника, то ли сцену борьбы Кострюка с Потаней (из песни о Кострюке Темрюковиче, широко ходившей на Руси с XVI в.). Позднее, в конце XVII—XVIII веков, нештучный этот бой перешел на лубок, а изображение борьбы приобрело явно несерьезный характер, о чем свидетельствует надпись: «Борются два борца всхватуку, а кто победит, тому два ица всмятку».

Иллюстрацией книжной повести о святом Георгии, избавителе от змея, и царевне (древнерусская интерпретация античного мифа о Персее и Андромеде) является изразец с надписью по верху: «НЕКИ(И) Ц(А)РЬ СВЕДЕ(Д)ЩЕРЬ СВОЮ ЗМЕЮ». Сцена носит трогательно сентиментальный характер — грустный царь ведет «дщерь» — царевну на съедение чудовищу морскому, царица льет слезы, змий раскрыл ужасную свою пасть, а храброго защитника все нет. Изображение города на этом изразце — дворца, стен, башен — стилистически сближает его с группой батальных сцен.

Глядя на изразец, подписанный «БЫСТЬ ВИДЕНИЕ СИ(Е) В ЦАРЬ ГРАДЕ)», современный человек не сразу разберет, в чем дело, столь все перепутано и переплетено. Ворона — не ворона, червяк — не червяк! Между тем для москвича XVII века изображение было понятно по известной ему книжной повести Нестора Искандера о взятии Царьграда. В начале ее описывалось знамение (видение), происшедшее при основании этого города императором Флавием, когда жители славного Константинополя якобы узрели на небе смертельную схватку орла со змеем. Символика сцены содержала большой идейный смысл — столкновение христианского мира (орел) и оттоманской Турции (змея). «Чудесные» явления, религиозные знамения увлекли зрителя прежде всего романтикой событий, сказочностью, занимательностью повествования, декоративностью самой иллюстрации. Свободное пространство — фон изразцовой плитки с «видением в Царьграде», как и большинство изображений на других изразцах, заполнено затейливым растительным орнаментом.

Изразцы с «травным» (или искусным геометрическим) орнаментом, конечно, лучше смотреть, рассказывать о них трудно. Элементы узора на отдельной плитке, как правило, крупные, рассчитаны на сложную композицию печи или наружного декора здания. Когда глазурь придала керамике цвет и блеск, на печные изразцы обратили внимание зодчие. Первые изразцовые вставки-инкрустации в Москве появились на Покровском соборе (храме Василия Блаженного). Эти фигурные «языки» располагались отдельными блестящими во круг изразцового шара, образуя на фоне кирпичной кладки центрального столпа — не имевшего еще в XVI веке росписи собора — цветные звезды.

В XVII веке, в пору расцвета декоративного зодчества, изразцами украшают царский Теремной дворец, Главную аптеку и Монетный двор у Красной площади, соборы и боярские палаты. Мастера Осип и Иван Старцевы сплошным ковром покрыли изразцами стены надвратного терема на Крутицком подворье. Растительный орнамент — ажурное плетение виноградных лоз — обвивает колонки наличников окон, узорчатые пояса причудливо переплетающихся трав и цветов проходят по всему зданию, яркий облик которого олицетворял для современников представление о «рае». 1180 многоцветных изразцов пошло на наружный декор Крутицкого терема в 1694 году, и доныне это нарядное здание украшает Москву, являясь одним из лучших памятников искусства ее древних гончаров. В жизне-радостных «растительных» изразцах претворилось мироощущение мастеров «ценной хитрости», их представление о прекрасном.

Растительные узоры в изразцовом искусстве сочетались с изображением птиц и зверей — и реальных и фантастических, как того требовали каноны декоративного искусства. В воспроизведении таинственных мифологических «див-дивных» господствовала не просто игра воображения, а делалась попытка зрительно воплотить дошедшее пона-

слышке, объяснить непонятное. Так, например, носорог, дикий конь, заморский зверь с рогом на голове, на Руси преобразился в единорога («инорога»), рогатого коня, хозяина подземного царства. Невиданного зверя наделяли редкостными свойствами. «Аки солнце ходит по поднебесью, так ии рог ходит по подземелью», — говорили в народе. Или же: «Егда рог повернет, мать — сыра земля под ним всколыбается». На изразцах над чудищем нередко надпись: «ИНЪАРОКЪ ЗВЕБРЪ ЛЮТЫИ». «Лютыми» называли и «грива» (грифона), и других сухопутных чудищ. А владычей моря считали «стратим-птицу». Птица эта на изразцах напоминает пещерного журавля, только у нее хищный орлиный клюв. Зато волшебную птицу Сирин «и с кам не спутаешь». По верху над ней надпись: «СИРИН ПТИЦА РАЙ». Согласно древнегреческой мифологии — это сладкогласные злые существа, полуптицы, полуженщины, увлекающие мореходов к гибели. На московских же изразцах райская птица Сирин выглядела девицей-красой в коверлоне, с распущенными волосами.

Наряду с известными сказочными персонажами — лютыми зверями и вещими птицами с девичьими лицами — московские недра подарили до этого не встречавшиеся изображения фантастических существ. На одном из красивых изразцов, обнаруженных у Старого Английского двора в Зарядье, где исследования вела архитектор И. И. Казакевич, оказалось такое чудище: голова бородатого мужчины на теле льва. Сфинкс? Нет, взглядевший в рисунок, понимаешь, что он не соответствует сложившейся в Египте, а затем в Греции иконографии образа этого всегда лежащего существа. На изразце оно крепко стоит на ногах, лицо повернуто в фас, волосы как бы собраны в пучок на макушке, широкая лопата бороды прикрывает могучую шею и грудь.

В расшифровке уникального изразца нам помогло «Сказание об Индии богатой» — известной в Москве с начала XVII века второй редакции хронографической «Александрии». В этом древнем переводном произведении сообщались сведения о том, что в Восточной Индии «в пустынях же и по горам на различных местах обретаются различные дива и чюда, которые имут человекообразное подобие. О тех же первейший бяху пигмей... Друзии же манти коры нарицаемы, имуще главу и лице человеческое прочее же тело их львово» (подчеркнуто нами). Судя по описанию, автор изразцового сюжета изобразил именно легендарного «мантикора», а не сфинкса. Нелишне здесь заметить, что со времен путешествия Афанасия Никитина Индия неизменно привлекала внимание русского человека своими чудесами, восхищала сказочными богатствами. Интересно и другое изображение на втором уникальном изразце Старого Английского двора. Стоящее под аркой чудище имеет льсье тело с женской головкой в короне на манер Сирина. Название его и древние легенды о таком «диве» пока остаются загадкой.

Гораздо реже сюжетов образно поэтического характера встречаются изображения, исполненные в четкой, кон-

кретной технике рисунка. На территории слободы гончаров не так давно отмечены изразцовые фрагменты, изготовленные в таком стиле здешними мастерами. Один изразец с изображением головы античного воина обнаружен близ церкви Успения в Гончарах (1653 г.), другой оказался в верхнем горизонте заполнения уже описанного нами горна. Изображения на них поражают тонкостью и изяществом художественного исполнения. Детали шлема воина переданы с такой тонкостью, словно мастер писал его с натуры, глядя на римского legionera. У стрелка из лука круглая шапка, отороченная пушистым мехом, ладно скроенный кафтан, лицо украшают щегольские уски и небольшая борода клинышом. Умелый резчик выделил каждую пуговку на кафтане, особенность прически, даже оперение стрелы, натягивающей тугую тетиву лука. Несомненно, такие нестандартные изразцы изготавливались по специальному заказу и предназначались не для массовой продажи.

Огромно сюжетное богатство изразцов — сцены ратные и охотничьи, пейзажи с животными и растениями. За причудливой смесью реальности и фантазмагории керамических плиток — живая мысль, глубокие чувства, запечатленные на долгие века. Но если бы мы задались целью подсчитать сюжеты изразцов с религиозной тематикой, то считать пришлось бы недолго: евангелисты, херувимы... Других сюжетов среди рельефных изразцов не сыскать. Так что совершенно очевидно — не стремились к изготовлению их московские мастера. Производство же изразцов с единственным видом пухлых херувимов началось лишь по заказу патриарха Никона при строительстве Нового Иерусалима под Москвой. В дальнейшем такие изразцы вошли в декоративное оформление ряда московских церквей, а другие не привились вовсе.

Преобразования петровского времени, коренные реформы в быту принесли и новую моду на изразцы — на Руси началось внедрение гладких печных кафелей с росписью в «голландском» стиле. Рельефные же изразцы остались памятью о ярком красочном искусстве древней Москвы, свидетельством доброго ремесла, далекого от церкви, тесно связанного с историей и жизнью народа.

Исчезновение сюжетного изразца как одной из форм самовыражения неизбежно вело к развитию иной формы народного искусства, направленной на удовлетворение этой потребности. И она развивалась — живая, выразительная, порой едкая и острая. Это были лубочные картинки, получившие широкое распространение в конце XVII—XVIII вв. На непрочную бумажную основу перешли былинные богатыри, дикий зверь, герои любимых произведений. Лубок в народном искусстве как бы принял эстафету от рельефного изразца, сохранил его функции рассказывать, веселить, украшать жизнь простого человека.

Но об этом особая речь.

Ф

РАНСИКО Феррер Гуардия — крупная и интересная фигура просветительно-антиклерикального и рабочего движения в Испании конца XIX — начала XX века.

Он родился в 1859 году в небольшом городке на севере страны в богатой и образованной семье, принадлежавшей к радикальным кругам испанской интеллигенции. Восемнадцать лет Феррер поступил на философский факультет Мадридского университета, где занимался биологией, химией, физикой, политической экономией, математикой. Он прекрасно владел французским, немецким, английским и итальянским языками.

Еще в студенческие годы Феррер начал участвовать в деятельности прогрессивных организаций, выдвинулся как блестящий публицист и оратор. По окончании университета примкнул к нелегальной партии республиканцев-радикалов, стал личным секретарем ее лидера Руя Сорили и принимал непосредственное участие во многих, правда неудачных, вооруженных акциях этой партии. Тогда же он сблизился с анархистами, участвует в их выступлениях.

За все это его в скором времени приговорили к 15 годам каторги. Осуждение было заочным, так как Феррер успел перейти на нелегальное положение и эмигрировать в Париж, где, впрочем, за ним продолжалась полицейская слежка. Кстати, он предоставил в распоряжение партии все свое немалое состояние, а на жизнь зарабатывал литературным трудом и лекциями, которые читал в разных странах.

В 1890 году, убедившись в безрезультатности анархического террора и заговоров, устраиваемых радикалами, Феррер объявил о своем выходе из этих организаций и вернулся в Испанию. Он принимает активное участие в профсоюзном движении, живет в Барселоне среди рабочих, организует для них вечерние и воскресные школы. Феррер считал, что школа должна развивать не только разум, но и совесть человек, и прежде всего знакомил учащихся с прогрессивными достижениями науки, с принципами социализма, критиковал анархические террористические теории, выступал против преподавания религии и других догматических учений буржуазного толка в школе.

К концу 90-х годов Феррер уже издавал журнал «Будущее», в котором пропагандировал социалистические идеалы, развивал свои педагогические взгляды и помещал научно-популярные статьи самого различного характера. Он также печатался в прогрессивных изданиях Франции, Англии, Италии и Германии, часто выступал с лекциями. К тому времени Феррер стал виднейшим деятелем испанских профсоюзов и велел всей их просветительной деятельности.

Возможно, он так и остался бы передовым демократическим просветителем, если бы в его жизни не произошло одно необычайное событие. Под влиянием его статей и выступлений миллионерша А. Менье, ставшая его горячей последовательницей, завещала ему три миллиона долларов. В 1900 году она умерла, и Феррер стал обладателем громадного по тем временам состояния.

ЗА ЧТО БЫЛ КАЗНЕН

Г. МАЛЮЧЕНКО

С его помощью он приступил к реализации своей давнишней мечты — созданию «современных школ» для детей рабочих взамен церковных и государственных, которые их духовно калечили.

Для издания учебников и книг для просвещения народа, особенно художественных произведений, Феррер основал собственное издательство, выпускавшее их по самым доступным ценам. В то время оно было единственным, издававшим атеистическую литературу. Феррер объявил, что его цель — помочь народному просвещению, на которое испанское правительство тратило всего восемь миллионов песет, в то время как государственные субсидии монастырям составляли 44 миллиона, хотя их владения приносили им ежегодно чистый доход в 73 миллиона песет. В ответ на это заявление клерикальная печать Испании обвинила Феррера в подстрекательстве к грабежу.

Он писал, что главная задача человека — стать независимым не только от стихийных сил природы, но и от гнета несправедливых социальных отношений, на которых зиждется буржуазное общество. Он полагал, что религия, в особенности клерикализм, тормозят решение этой задачи, так как, проповедуя смирение, иллюзорные потусторонние ценности, они мешают рабочему классу бороться за создание нового, справедливого строя.

Книги, выходившие в издательстве Феррера, были написаны лучшими, наиболее талантливыми представителями науки, литературы и искусства. Эти издания были очень дешевы, хорошо оформлены и выпускались не только на испанском, но и на французском, немецком и итальянском языках. Среди них особое внимание привлекали учебники для «современной школы». Талантливо написанные, прекрасно иллюстрированные, хорошо изданные, они освещали все с иных — материалистических, социалистических позиций.

Большое внимание в своей просветительской общественной деятельности Феррер уделял борьбе с католицизмом, который, по его мнению, принес испанскому народу всяческие бедствия и, в частности, не давал возможности развивать и учреждать современные светские школы. А ведь только они, считал Феррер, обеспечивают подлинно научное и свободное просвещение и тем самым готовят к освобождению народа от эксплуатации.

В 1904 году он открыл первые 14 таких школ для детей рабочих в Барселоне. В 1906 году их уже было 89, а в 1909 — 207. Они были снабжены учебниками Феррера и подобранными им учителями.

На создание и содержание школ и своего издательства Феррер потратил два миллиона долларов из полученного им наследства. Кроме того, эти школы материально поддерживали испанские профсоюзы и многочисленные сторон-

ники Феррера за границей. Почти во всех странах Западной Европы были созданы «союзы помощи Ферреру». Католическая пресса, наоборот, изображала его просветительскую деятельность и светское обучение в созданных им школах как главное зло испанского общества.

В 1906 году Феррер был арестован по обвинению в подрыве религии и государства посредством атеистической и социалистической пропаганды. Однако подъем рабочего и демократического движения в Европе, вызванный русской революцией 1905 года, заставил власти отложить расправу. Он был освобожден из тюрьмы, а суд над ним не состоялся.

В том же 1906 году между Испанией и Францией было подписано соглашение о разделе Марокко. Однако народ этой страны не только защищал свою независимость, но и часто наносил серьезные удары по войскам колонизаторов. В своих публичных выступлениях, статьях и книгах Феррер резко выступал против захватнической политики правительства и призывал трудящихся не отдавать своих сыновей на колониальную войну. 25—31 июля 1909 года в Барселоне и других промышленных городах Каталонии в ответ на мобилизацию молодежи в армию вспыхнули всеобщая забастовка и восстание. Во время уличных боев рабочие подожгли несколько церквей и монастырей. Движение распространилось на Мадрид, Сарагосу, Овьедо и другие испанские города. Это выступление было жестоко подавлено. Международное социалистическое бюро II Интернационала выпустило специальное воззвание по поводу барселонских событий. «Мужчины пали; женщины и дети убиты; жилища снесены пушечными ядрами, — говорилось в нем... — надо прийти на помощь нашим испанским товарищам, чтобы расширить их движение». Воззвание предлагало рабочим всех стран создать фонд в помощь испанскому пролетариату.

Католическая церковь использовала «кровавую барселонскую неделю» для клеветы, будто в Барселоне под влиянием пропаганды Феррера разгромлено 65 церквей и 51 монастырь. Клерикальная печать, орден иезуитов начали острвенелую травлю революционного просветителя. Барселонские события изображались как результат его атеистической деятельности, а сам он как руководитель этого восстания и организатор разгрома церквей и монастырей. Клерикалы и реакционеры обвиняли Феррера в надругательстве над религией и в намерении распространить барселонское восстание на всю Испанию, чтобы стереть с лица земли монархию и церковь. Феррера арестовали и бросили в одиночную камеру тюрьмы-крепости Монжуик, а его издательство и школы закрыли. Орден иезуитов потребовал смертного приговора просветителю. Папа Пий X одобрил выдвинутые ими обвинения. Опираясь

ФРАНСИСКО ФЕРРЕР



на поддержку церкви, правительство Мауры предало Феррера суду военного трибунала.

Эта расправа вызвала во многих странах движение в его защиту. В частности, с протестом против произвола испанских властей выступил в печати и на митингах лидер французских социалистов пламенный оратор Жан Жорес. В Англии активную кампанию в защиту Феррера развернул знаменитый драматург, публицист и общественный деятель Бернард Шоу. Со специальным воззванием, призывавшим освободить испанского просветителя, выступило бюро II Интернационала. К этим протестам присоединился и один из основателей итальянской социалистической партии Антонио Лабриола. По всей Европе создавались «комитеты защиты Феррера», которые проводили митинги протеста, обращались к своим правительствам с просьбой добиться от испанских властей его освобождения.

Обвинение против Феррера было сфабриковано настолько грубо, что даже выделенный трибуналом официальный защитник, офицер Гальчеран, потребовал его оправдания. «Я должен прежде всего указать на те уродливые особенности, какие отличают следствие против Франсиско Феррера,— говорил он на суде. — На предварительном следствии выслушивались лишь те, кто показывал против него. Были собраны все анонимные доносы, которые могли повредить ему. Ни один человек из тех, кто мог бы сказать что-либо благоприятное о его жизни, не был приглашен в качестве свидетеля. Эти люди были предусмотрительно высланы».

Судьба Феррера была предрешена. Все реакционные, консервативные элементы, все те, кто гордо именовал себя «опорой общества», объединились в травле революционного просветителя не в последнюю очередь в страхе перед атеистической воспитательной системой его «современных школ», которые могли стать мощным инструментом борьбы испанского рабочего класса за свое освобождение. Реакционеры разжигали костры из литературы, выпущенной издательством Феррера. Враги видели, как его прогрессивные идеи прокладывали себе дорогу, и хотели уничтожить их вместе с самим просветителем.

Военный суд приговорил Феррера к расстрелу. Мало кто верил, что приговор приведет в исполнение. «Комитеты защиты Феррера» слали петицию за петицией, телеграмму за телеграммой испанскому королю Альфонсу XIII с просьбой о помиловании. Но тот оставил их без внимания.

Казнь Феррера состоялась 13 октября 1909 года. Вот как ее описывали газеты.

В восемь часов вечера 12 октября Феррер под конвоем был доставлен из тюрьмы-крепости Монжуйк в канцелярию его коменданта и спокойно выслушал смертный приговор. Он держался

так, будто все это его не касалось. Затем Феррера перевели в другую камеру, всю уставленную иконами, где перед огромной статуей богородицы стояли две толстые свечи и молился на коленях монах. Когда туда вошел Феррер, тот предложил ему исповедаться. Феррер вежливо отказался. Вскоре явился тюремный священник с тем же предложением. Феррер опять решительно отклонил его. Падре ушел, но через каждые полчаса возвращался, уговаривая смертника примириться с церковью. Но Феррер был непоколебим.

Наступило утро казни — пасмурное, сырое. Дул холодный влажный ветер. В семь часов в тюрьму прибыли монахи с гробом для Феррера. В камеру вошел офицер, командовавший солдатами, которым предстояло привести приговор в исполнение. Следом за ним снова появился священник. Феррер заявил, что готов к казни, и попросил прекратить предлагать ему церковное утешение. Из камеры он вышел быстрым, твердым шагом. Его окружили солдаты. Рядом с Феррером опять сел священник, а за ним два монаха. Феррер еще раз вежливо попросил их оставить его, но те наотрез отказались, ссылаясь на распоряжение ордена иезуитов.

Процессия двинулась к месту казни — к одному из рвов крепости Монжуйк. Перед расстрелом Феррер обратился к своим палачам с двумя просьбами: чтобы ему разрешили умереть не на коленях, как было заведено, а стоя и, во-вторых, чтобы ему не завязывали глаза. Умереть стоя ему разрешили, но глаза все же завязали. Феррер высоко поднял голову. Прозвучала команда: «Целься!» «Цельтесь вернее! Я невиновен... — крикнул приговоренный. — Да здравствует новая современная школа! Да здравствует...» Залп оборвал его слова.

Эта казнь легла несмываемым позором на короля Альфонса XIII, на католическую церковь и, прежде всего, на орден иезуитов — вдохновителя судебной расправы над Феррером, официальное сообщение о которой, кстати, заканчивалось sacramентальной фразой: «Да будет господь милостив к бедной душе грешника».

Газета французских социалистов «Юманите» обратилась с воззванием к парижскому пролетариату собраться для протеста у испанского посольства. Улицы Парижа заполнили демонстранты, на бульваре Курсель произошло столкновение с полицией, пролилась кровь. На следующий день демонстрации протеста состоялись перед испанскими консульствами в Лионе, Шербуре и Тулоне. Здесь демонстранты ворвались в собор с криками: «Долой

убийцу!» В Милане и Риме вспыхнули всеобщие стачки протеста. Во многих городах закрылись магазины, прекратилось трамвайное движение, перестали выходить газеты. Территория Ватикана в Риме в течение недели охранялась итальянскими войсками, так как демонстрации носили антиклерикальный характер, а при появлении на улицах духовных лиц их встречали криками: «Подлые убийцы!» Демонстрации протеста состоялись в Лондоне, Вене, Будапеште, Праге, Брюсселе, Антверпене, Лиссабоне, Мюнхене, Буэнос-Айресе, Монтевидео, Рио-де-Жанейро и Мехико.

В Лиссабоне был объявлен бойкот испанским товарам. Во французском сенате был внесен запрос об отношении правительства к казни Феррера. В английской палате общин представитель лейбористской партии потребовал разрыва дипломатических отношений с Испанией.

Студенческие митинги против казни Феррера прошли также в Петербурге, Киеве и Москве. Орган ЦК РСДРП газета «Социал-демократ» (№ 7—В, 21 октября 1909 г.) напечатала воззвание бюро II Интернационала по поводу барселонской «кровавой недели» и казни Феррера и передовую «К событиям в Испании», которая заканчивалась словами: «Восстание в Испании в настоящий момент пока подавлено. Мы выражаем свою солидарность с испанским пролетариатом, подавшим столь героический пример, и мы, пролетарии России, поддерживаем как можем победивших победителей».

В самой Испании правительство, разгромив восстание пролетариата во время «кровавой недели», не допустило демонстраций против казни Феррера. Но кабинет А. Мауры не смог удержаться у власти. Лидер либералов С. Морет потребовал в кортесах его отставки, заявив, что казнь Феррера унизила страну в глазах цивилизованного мира. В конце концов король был вынужден уступить, уволив Мауру и предложив сформировать правительство либералу Каналехасу-и-Мендесу.

Во время национально-революционной войны в Испании в 1936—1939 годах намечалось поставить памятник Ферреру в Барселоне, но установление в 1939 году почти сорокалетней фашистской диктатуры Франко временно сделало невозможным осуществление этого замысла. Однако после его смерти в 1976 году в стране произошли большие перемены: восстановлены буржуазно-демократические свободы, пересмотрен на основе принципов секуляризации заключенный Франко конкордат с католической церковью. И мы верим, что теперь памятник Ферреру наконец рано или поздно будет поставлен.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ФАКТАМИ

Религии у нас в Венгрии — частное дело граждан. Мы не располагаем, да и не можем располагать никакими официальными сведениями о верующих. Это, впрочем, не означает, что мы не можем исследовать состояние религиозности населения, применяя социологические и социально-психологические методы.

Данные таких исследований показали, что около 45 процентов населения нашей республики в какой-то степени подвержены влиянию религии. Число лиц, систематически участвующих в отправлениях культа, составляет примерно 10—15 процентов. Однако подавляющее большинство людей, считающих себя верующими, никакой религиозной деятельности не проводят, определенная же их часть вообще не поддерживает никакой связи с конфессиональными общинами, храмы не посещает, а просто «только верит в бога». Эти показатели, естественно, меняются в зависимости от общественного положения, места жительства, пола и возраста. Так, например, среди рабочих активные верующие составляют лишь около 4 процентов. Среди крестьян их доля гораздо выше. Значительные различия в этом отношении существуют между городом и селом, а также между людьми разного возраста.

Редакция попросила журналиста Андраша Б. Балинта в рамках одного репортажа показать, кто и как верит в бога среди молодого поколения интеллигенции, а также среди молодежи, готовящейся к умственному труду.

Ознакомившись с этим репортажем, философ-религиовед Густав Гече взял за просьбе редакции ответить на возникающие в этой связи вопросы.

● Верите ли вы в бога?

Андраш Б. БАЛИНТ

Было это несколько лет назад, в рождественский вечер. За праздничным ужином я выпил вина и кофе, и потому спать мне не хотелось. Думал, погуляю немного на свежем воздухе — и тогда захочется спать.

Дул свежий ветер, поднимая в воздухе снежную кутерьму: я еще больше взбодрился. Поднялся в Вар, полюбовался историческими зданиями в снежных шапках, памятниками в белых накидках, иллюминированной площадью Святой троицы. И поддавшись зову органный музыки, заглянул в церковь святого Матиаша.

Полуночная месса оживила во мне воспоминания детства, и я просидел ее до конца. Меня удивило, что в длинной веренице причащающихся было много молодых, примерно моего возраста лю-

дей с благоговейным или же любопытствующим выражением лица.

Причащение длилось по крайней мере полчаса. Тем временем орган исполнял победное рождественское песнопение: «Радуйтесь люди, родился младенец Иисус!..»

Мой друг социолог говорит:

— По-моему, и сегодня не больше верующих молодых людей, чем было, скажем, десять—двадцать лет назад. Просто сегодня значительно больше людей откровенно признаются в своей вере, а многие даже бравировать этим.

Бравировать, потому что считают, что таким образом они самоутверждаются, демонстрируют свою независимость. Возраст отрочества, юности — период бунта: бунта против образа жизни родителей, взрослых, против господствующего мировосприятия. Этот бунт нередко помогал прогрессу, но многих толкал и на ложный путь. Для нас, как и для любого другого прогрессивного общества, задача состоит в том, чтобы повернуть этот юношеский задор в русло общественной активности.

Другая привлекательная сторона религии заключается в красоте церемониала, его великолепии. Поскольку гражданская свадьба, регистрация ребенка у нас еще недостаточно торжественны, многие предпочитают церковные церемонии; ну, а если уж ребенок крещен, то приличествует и в церковь его сводить. Нужно бы сделать более задушевными гражданские свадьбы, похороны — и тогда значительно меньше людей будут обращаться к священническому благословению.

— Это вовсе не так просто, — возразил мой бывший однокурсник Ласло, когда я изложил ему мнение социолога. — У человека может возникнуть внутренняя потребность объяснять возникновение Вселенной, да и собственную судьбу единой высшей волей. И потребность эта даже не мировоззренческая, а скорее этическая, потребность с кем-то или с чем-то сверять свои поступки.

Ласло был сиротой и воспитывался в детдоме. В университете он проявил большую эрудицию в области философии. Получив диплом, работал референтом в столичной прокуратуре, но спустя несколько месяцев вдруг уволился и стал изучать католическую теологию.

— В школе я думал, что юрист может многое изменить в мире: ведь он находится у самого кормила власти. Потом, однако, выяснилось, что это всего лишь красивая утопия. Изменить ход событий могут лишь совместно сотни тысяч людей. Меня волновали конечные вопросы веры, и, поскольку твердого ответа я нигде не находил, я обратился к теологии.

— И что же, стал умнее?

— Возможно. В семинарии смотрели на меня с нескрываемым удивлением: все-таки редко к ним приходят учиться из прокуратуры... Впрочем, я не был там единственным слушателем с высоким образованием. Были там и врач, и педагог, и инженер-энергетик. Собралась довольно образованная компания. Скоро и меня в нее приняли. С ребятами я вполне поладил, а вот чему нас там учили... мягко выражаясь, меня не удовлетворяло. Два года я терпел, а потом трогательно распрощался с ними.

— А скажи, пожалуйста, в бога-то, собственно говоря, ты верил?

— Я и сейчас верю. Но организационная форма веры с той поры, как я побывал в семинарии, отталкивает меня. Я и в церковь хожу лишь для того, чтобы иногда послушать музыку. Или когда там нет ни души, и я могу спокойно размышлять и молиться.

Он возвратился на поприще юриспруденции: работает в отделе опеки районного совета депутатов. Получил новую квартиру, а затем и повышение по службе: назначен заведующим сектором. Считает себя человеком вполне удовлетворенным.

Интересную статью о религиозности молодежи опубликовал в декабрьском номере за прошлый год журнал «Вила-гошшаг». В соответствии с выборочным исследованием одна треть школьников и одна двадцатая часть трудящейся молодежи считают себя верующими. Нескольким меньше молодых людей, по выражению автора статьи, веруют «по-своему». 83 процента верующих на селе и 36 процентов в городе систематически ходят в церковь, остальные же — только по большим праздникам, а то и реже. Любопытно, что в провинции 44 процента «средних молодых людей» регулярно посещают храмы; в городе же их доля падает до 20 процентов.

Подавляющее большинство учеников францисканской гимназии в Сентендре — верующие, и лишь изредка встречаются среди них колеблющиеся или индифферентные. Но и последние охотно учатся в этой гимназии, поскольку уровень преподавания в ней общепризнанно высокий, дух современный, а социальный климат — образцовый.

— Из 168 гимназистов половина — мальчики, половина — девочки. Мы были первой в стране школой со смешанным обучением, опередив в этом отношении даже государственные школы, — рассказывает директор гимназии отец Вид. — Многие ученики ездят сюда из Будапешта, но много учеников и из Сентендре и окрестных населенных пунктов. Половина родителей — люди умственного труда, остальные — рабочие, изредка крестьяне и ремесленники.

Учитель закона божьего отец Винце, молодой, уравновешенный человек, говорит: «Во многих семьях именно наши ученики самые верующие, и, таким образом, мы не можем рассчитывать на решающее влияние родителей. Мы стараемся ознакомить своих воспитанников с философскими и нравственными положениями религии, пробудить у них интерес к теологии. Но мы никого не заставляем слушать мессу, не требуем причастия. Особенно ввиду того, что в нашей гимназии учатся и дети из семей, исповедующих другие религии. Мы помогаем своим воспитанникам в их личных заботах, врачеем их душевные раны.

— На исповеди?

— Да нет же! В процессе учебы, как педагоги, — вставляет отец Ласло, преподаватель венгерского и русского языков. — Нередко ученики обращаются к нам за советом по поводу своих чувств, любви; от ответа на такие вопросы мы не можем уклоняться. Да и зачем нам уклоняться, замыкаться перед своими учениками?

Я побывал у девочек в третьем

классе на уроке закона божьего. Перелистал их записи. В то время они изучали как раз священную историю. Текст учебника, на мой взгляд, несколько примитивен и слишком уж общ. Но предмет интересует детей, и на эту тему они говорили увлеченно, искренне.

— Скажите, не было ли у кого-нибудь из вас неприятностей из-за того, что вы учитесь в церковной школе?

— Я слышала, что из церковной гимназии нельзя поступить в педагогический институт, — говорит Кати. — И я знаю одну выпускницу нашей гимназии, которой из-за этого отказали в приеме.

Однако отец Винце возражает:

— Как раз в этом году две девушки из нашей гимназии поступили в педагогический, к тому же сразу после экзаменов на аттестат зрелости. Вот уже много лет 75 процентов выпускников францисканской гимназии продолжают учебу в высших учебных заведениях; те, кого педагогический совет гимназии рекомендует в вуз, в основном успешно сдают вступительные экзамены.

— Ты почему поступил учиться в церковную гимназию?

— Так захотели мои родители. Мой брат тоже здесь учился.

— И тебе захотелось?

— Сказали, что это хорошая школа, монахи — отличные педагоги. И это правда. У меня нет к ним никаких претензий.

— Ну, а насчет бога? Как ты с ним ладишь?

— Да так, средне. Я верю, что он есть. А вот мир, который он сотворил, не могу принять таким, какой он есть. Много попортили в нем люди.

— А тебе не кажется, что люди немало и исправили в этом мире?

— Ну, конечно. Только все это так противоречиво. Иной раз разозлюсь — и тогда нет мне никакого дела до бога. И думать о нем не хочется.

— Кем же ты хочешь быть?

— Понятия не имею. Может, врачом. Хорошо, когда человек может помочь в беде другим. Или лесничим. Ведь мы у природы в большом долгу.

— Что ты думаешь о неверующих?

— Я не думаю, что они хуже верующих: не настолько я набожный, чтобы так думать. Среди них, как и вообще среди людей, много толковых, но много и пустоголовых. По-моему, важно не то, кто верит и кто не верит, а кто какую приносит пользу. Некоторые думают, что если они аккуратно ходят в церковь, выполняют заповеди, то этим уже обеспечили свое спасение. Однако дело обстоит не так, и в земной жизни тоже нужно делать, что положено. Мы, люди, ответственны друг за друга. Разве не так?

— Скажи откровенно, ты уже влюблялся?

— Кто из ребят, моих сверстников, не влюблялся? Если вам интересно, я расскажу, что уже дошел до того, что... но потом все-таки я пожалел девушку. И вовсе не из-за шестой заповеди — просто я понял, что для этого нужно нечто большее, истинно глубокое чувство.

— Ну, а когда встретишь настоящую, решишься?

— Да, решусь. Любовь — растворяется в другом... Я поступлю так и даже

не раскаюсь. Любить — не грех, а скорее исполнение божественной заповеди.

Врач-терапевт работает в районе три года. С раннего утра до позднего вечера он на ногах: сначала амбулаторный прием, потом посещение больных на дому. По субботам берет на себя дежурство, по воскресеньям копается в медицинской литературе или читает стихи, романы.

— Отец мой был реформатским пастором, и я сохранил в себе его веру. У нас дома мы вставали и ложились с Библией, она и ныне для меня — любимое чтение. Библия для меня — не только священное писание, в ней содержится очень глубокие и очень поэтичные мысли, без которых и современный человек не сможет правильно ориентироваться в мире.

Жаль, что мы недооцениваем полезные религиозные традиции. Будто бы вот эта сегодняшняя Венгрия строилась не на базе христианской культуры, словно вместе с социализмом мы начали строить и некую новую цивилизацию. Однако истинные ценности нельзя отбрасывать вовсе. Посмотрите вокруг: ведь нынешние дети не знают, кто такие Каин, Авель, Авраам и Иона. Как же тогда понять им стихи? Или музыку, изобразительное искусство?

Я работаю, как мне кажется, не больше других. Семьей не обзавелся, успею еще: мне ведь только еще будет 28. Я верю в людей и потому хочу быть им полезен. С божьей помощью — и в этом нет ничего предосудительного.

Позвонил телефон: вызов к больному. Он не отсылает нуждающихся в помощи к дежурному, не досадует, положив трубку. А ведь было уже 11 часов вечера, воскресенье.

● Почему они верят в бога?

Густав ГЕЧЕ

Высказанные в репортаже Андраша Б. Балинта мнения направляют внимание на один, по сути дела, невысказанный вопрос: что служит почвой для религии в Венгрии, строящей развитое социалистическое общество? Правы ли те социологи, которые полагают, что религия есть ностальгия по детству, привлекает торжественностью церемоний, иной раз навязывается родителями, а иногда служит формой протеста против их конформизма?

Ласло из нашего репортажа, этот молодой юрист с нетипичной биографией, утверждает, что у человека есть внутренняя потребность объяснять ход вещей в мире и собственную судьбу единой высшей волей. Первое, что можно было бы спросить у проинтервьюированных верующих, да и у других верующих тоже: когда и почему появляется эта внутренняя потребность? На этот вопрос марксизм-ленинизм дает хорошо продуманный научный ответ.

Как известно, религия — это своего рода искаженное отражение господствующих над человеком сил и попытка пре-

одолеть их иллюзорным путем. Там, где они действуют вслепую и не поддаются предвидению, там неизбежно появляется религия. Если же человек справляется с этими силами, религия раз и навсегда теряет свою почву. Когда общественные силы попадают под господство общества и вследствие этого человек уже не только предполагает, но и располагает, то, по Энгельсу, «исчезнет и само религиозное отражение, по той простой причине, что тогда уже нечего будет отражать»¹.

Нередко можно слышать мнение, что вера в бога — удел примитивных людей, что она — исключение для тех, кто занимается квалифицированным, умственным трудом. Религия, однако, вопрос не знания, а мировоззрения. Можно быть превосходным знатоком и умельцем в каком-либо деле и вместе с тем находиться на низком мировоззренческом уровне. Отношение ко всей совокупности мироздания не может определяться уровнем знаний и навыков в какой-либо профессии.

Из этого поверхностный мыслитель может прийти к смелому выводу о том, что после победы социалистической революции, а тем более в период строительства развитого социализма у религии нет и не может быть никакой почвы, и временное ее существование — всего лишь вредный пережиток капитализма, пережиток, который может быть за короткое время изжит с помощью одной только просветительной работы. Было бы трудно доказать, например, в отношении фигурирующих в репортаже лиц, что они невежественны на уровне современных знаний и что в этом заключается причина их религиозности. Проблема эта значительно сложнее.

Конечно, правильно, что ликвидация эксплуатации и классового угнетения устранила важнейшую сторону отчуждения (отчуждение результатов труда), уничтожив таким образом основные социальные корни религии. Вспомним только, что в восприятии эксплуататоров и эксплуатируемых уже и сама эксплуатация представляется некой независимой от них социальной неизбежностью. Да и сами продукты труда, экспроприированные эксплуататорами у производителя, создают такой порядок вещей (например, через стихийные законы рынка), который господствует как чуждая сила в обществе, основанном на эксплуатации.

Однако отчуждение многообразно и в определенной степени проявляется и у нас, в наше время.

Между прочим, Маркс говорит еще и об отчуждении от трудового процесса, что тоже может послужить питательной почвой для религии. Если же человек отчуждается от трудовой деятельности, то есть считает свою работу не свободным творчеством, а принуждением, тогда труд не только не содействует полноценному развитию личности, а, наоборот, способствует ее обезчеловечиванию. Например, проинтервьюированный в репортаже Ласло разочаровался в профессии юриста. А поскольку человек вообще не может отказаться от своей сущности, он пытается компенсировать ее фантазией: примысливает создателя, бога-творца

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 330.

или просто верит в его существование и, включаясь таким иллюзорным образом в потустороннее «творчество», желает обрести некий смысл и в собственном труде.

Нет сомнения в том, что люди в условиях эксплуататорского общества, как правило, не могут выходить за рамки своего класса, общественной прослойки, не сами выбирают себе профессию и чаще всего наследуют ее. В условиях социализма такого принуждения уже нет. Однако это еще не исключает на практике возникновения таких ситуаций, когда отсутствует возможность свободного выбора формы деятельности. Ну, а вынужденная работа при наличии некоторых психических предпосылок (упомянутый Ласло, например, рос без родительской заботы и любви) и в условиях социализма тоже может создать благоприятную почву для религии.

Еще одно проявление отчуждения по Марксу — это отчуждение человека от его «родовой сущности». Это происходит, когда общество и его учреждения, например государство, выступают в качестве чуждой, господствующей над человеком силы. В условиях эксплуатации господствующие классы заставляют государство действовать в своих интересах, поэтому вполне естественно, что массы воспринимают его как чуждую, господствующую над ними силу. Но и в период строительства социализма некоторым может показаться, что человек подчинен обществу и его учреждениям и свои личные цели и интересы должен приносить в жертву на алтарь коллектива, общества.

Такое чувство может возникнуть и укрепиться в результате нарушений социалистической или производственной демократии, «мелкопоместного вожделения», бюрократизма и т. п., которые поддерживают или оживляют чувство беспомощности. Ну, а когда человеку кажется, что он не хозяин своей судьбы, а лишь простой исполнитель каких-то независимых от него законов — вот тогда он уже близок к восприятию мыслей о трансцендентных, потусторонних силах.

Нам, к сожалению, неизвестно, с какими учреждениями общества и в каких отношениях был Ласло до того, как записался на теологический факультет. В репортаже говорится лишь, что он разочаровался в организованной религии. И потому вернулся к юриспруденции, то есть избрал одно из учреждений социалистического государства. Не о многом ли говорит это само по себе, если даже Ласло и утверждает, будто продолжает верить в сверхъестественные силы?

И наконец, Маркс видит в отчуждении еще одну сторону — отчуждение людей друг от друга на основе разделения труда, принимающего форму существования и борьбы классов. В рамках чреватого антагонистическими противоречиями общества человек легко становится одиноким и находит иллюзорное убежище от одиночества в религиозной «общине любви».

И хотя в условиях социализма классы и общественные прослойки уже не разделены непримиримыми антагонизмами, разделяющими эксплуататоров и эксплуатируемых, это еще не равнозначно стиранию всяких противоречий между рабочими и крестьянами, меж-

ду физическим и умственным трудом. К тому же у нас продолжают существовать личные проблемы, которые мы иной раз, будучи заняты выполнением больших социальных задач, просто не замечаем и решения которых отдельные неудачники и несчастливые люди зачастую ищут на путях религиозного утешения. Терапевт из репортажа, например, считает, что общество не уделяет болезням должного внимания, проходит мимо них, и поэтому он хочет сам «с божьей помощью» больше помогать людям.

Таким образом, хотя мы и ликвидировали важнейшую социальную базу религии — эксплуатацию человека человеком, однако и в наших условиях он может столкнуться с неантагонистическими противоречиями, которые не только тормозят процесс отмирания религии, но даже могут способствовать ее воспроизводству. Вместе с тем нельзя забывать, что с победой социалистической революции массы получили реальную возможность определять собственную судьбу и постепенно осуществлять свои цели, которые прежде казались достижимыми лишь религиозными средствами. К тому же религия в наших условиях давно уже перестала быть единственным средством преодоления, пусть иллюзорного, различных противоречий. Все более привлекательным, а главное — реальным, средством их разрешения в наше время становятся общественная активность и научное мировоззрение.

Завершение построения социализма в нашей стране отвечает интересам не только атеистов, но и верующих. Опыт свидетельствует, что они могут и в подавляющем случае хотят служить социалистическим целям.

«В период строительства развитого социалистического общества, — подчеркивал Первый секретарь ЦК ВСРП товарищ Янош Кадар, — продолжение нашей политики в отношении союзников, сплочение всех творческих сил народа, дальнейшее расширение социалистического национального единства становится еще более важным». Речь идет не о примирении мировоззрений, а о социально-политическом сплочении, непременно условием которого является идеологическая борьба, не допускающая того, чтобы практическое сотрудничество вело к мировоззренческой неразберихе.

Особенность нашей работы с верующими трудящимися состоит в том, что, становясь сторонниками социализма, они продолжают придерживаться своей религии, на что имеют полное право, гарантируемое нашей Конституцией. Ну, а поскольку для свободной реализации этого права необходимы определенные учреждения (церковная организация, храмы, священнослужители и т. д.), то и последние должны функционировать свободно.

Их деятельность регулируется соглашениями, заключенными между государством и церквами еще в 1948—1950 годах. В соответствии с этими соглашениями наряду с высшими теологическими школами и духовными академиями церквам разрешено также иметь собственные средние учебные заведения. В их числе десять гимназий: восемь католических, одна реформатская и одна иудейская. Преподавание в них ведется по государственным учебным планам и учебникам, но учителя здесь имеют пра-

во излагать точку зрения церкви на тот или иной предмет.

Я напоминаю здесь об этом потому, что некоторые из тех, с кем беседовал автор репортажа, учатся во францисканской гимназии города Сентендре.

Может возникнуть вопрос, почему эти дети ходят в церковные школы? Правда, число таких учеников невелико. Иудейскую гимназию, например, посещают всего несколько юношей, в остальных средних церковных учебных заведениях имеется по два нормально укомплектованных параллельных класса. Но вернемся к поставленному вопросу. Конечно, ученики ходят в такие гимназии потому, что их определили туда родители. Последние же могли руководствоваться самыми различными мотивами и прежде всего — своими религиозными убеждениями.

Другим мотивом помещения ребенка в церковное учебное заведение может быть все еще довольно распространенное мнение, будто только там можно получить по-настоящему нравственное воспитание. Тому, что подобные представления все еще имеют хождение, не следует удивляться: ведь в течение многих столетий церковь внушала массам такие взгляды.

К сожалению, не редки случаи, когда под видом социалистической морали популяризируется чуждая социализму развязность, что лишь способствует консервации таких заблуждений. С другой стороны, и мы, пропагандисты и педагоги, тоже не всегда умеем показывать более высокий уровень и эмоциональное богатство социалистической морали. Но даже при всем этом ныне все реже встречаются верующие, в глазах которых атеист заведомо хуже их.

Все, что тут говорилось о профессиональных и мировоззренческих побуждениях преподавателей-монахов, применимо и к труду верующего врача из репортажа. Не говоря уже о бесплатном медицинском обслуживании в социалистическом обществе, напомним лишь, что научное мировоззрение оказывает решающее влияние на эффективность любого труда, в том числе и врачебного.

В репортаже ставился вопрос о том, должна ли борьба с религией вести к отказу от связанных с ней нравственных ценностей. Многие, в том числе и врач, о котором шла речь, полагают, что такая опасность существует. А ведь марксисты никогда не утверждали, что человечество должно отказаться от своего прошлого только потому, что свою предысторию оно творило по-религиозному.

На это, кстати, указывал еще Ф. Энгельс. «Ведь дело идет тут, — писал он в «Диалектике природы», — отнюдь не о простом отбрасывании всего идейного содержания этих двух тысячелетий, а о критике его, о вышеслушивании результатов, добытых в рамках ложной, но для своего времени и для самого хода развития неизбежной идеалистической формы, из этой преходящей формы»². Во всяком случае, следует признать, что в этой области, например в научной критике Библии, у нас еще много работы.

Перевел с венгерского В. МАЛЫХИН

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 513.

Встреча с родиной

За рубежом

П. КАУШАНСКИЙ,
кандидат
философских наук

ОКОЛО ПОЛУВЕКА назад он покинул Украину. И вот сейчас сидит перед нами. Ему примерно 70. Худощавый, подвижный, глаза живые, внимательные. Общительный, готов ответить на наши вопросы. Он священник. Живет в Канаде. Зовут его отцом Димитрием. Хорошо говорит по-русски, даже вести беседу предложил на русском языке. Национальность — украинец. И фамилия, Щур, чем-то напоминает прозвища запорожцев. Вместе с группой тележурналистов в разговоре участвуют два православных священнослужителя из Одессы — отец Леонид и отец Василий.

Собственно говоря, интервью в строгом смысле этого слова не было. Скорее была беседа, непринужденный разговор людей разных мировоззрений, с пониманием относящихся к убеждениям друг друга, людей искренних и честных а главное — чувствующих, что все они хотят мира, мирного сосуществования и всем сердцем ненавидят войну.

Началась беседа с вопроса о свободе совести. Заговорили о тенденциозных сообщениях «Голоса Америки», «Би-Би-Си», «Свободы» и им подобных радиоцентров, из года в год пытающихся доказать, будто в СССР «опасно верить в бога». При этом, напомнили мы, фальсификаторы стараются сеять провокационные слухи, игнорировать нашу Конституцию, ее положение о том, что «гражданам СССР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается».

— Вы, отец Димитрий, уже около месяца в нашей стране. Поделитесь вашими наблюдениями.

— Я священнослужитель и, естественно, интересовался жизнью церкви. Был в Московской духовной академии, в семинариях. Был во многих храмах... Как религиозный человек хочу отметить — впечатления у меня самые лучшие. Верующие чувствуют себя свободно, ходят в церкви, молятся.

Мы внимательно слушаем. Человек констатирует факты. Факты очевидные, общеизвестные. Почему же западные «голоса» либо замалчивают их, либо извращают?

— А какая у вас молодежь! — продолжает наш собеседник. — Все-таки здесь, в России, молодежь не испорчена, как на Западе.

Мы вежливо спрашиваем, имеет ли в виду отец Димитрий религиозную молодежь. И с удовлетворением слышим в ответ, что он имеет в виду всю советскую молодежь. Священнослужитель не только не охавивает нашу молодежь, как

это делают авторы западных антисоветских религиозно-националистических изданий, но и по достоинству оценивает ее высокие моральные качества. Этот вывод — результат непосредственных наблюдений.

С другой стороны, он с горечью констатирует:

— У нас в Канаде религиозность молодежи резко упала. Если молодые идут в церковь, то не для молитвы, а для встречи со знакомыми.

На это высказывание мы обратили особое внимание, и вот почему. Наши недруги пытаются объяснить разрыв с религией подавляющего большинства советской молодежи мнимыми преследованиями за веру. Но в Канаде и других странах капитализма — и это подтверждает сам отец Димитрий — также идет процесс отхода от религии, процесс секуляризации, а о кризисе веры в бога все чаще пишут буржуазные социологи. Все это лучшее доказательство того, что отход молодежи от религии — закономерное явление, охватившее и не социалистический мир, а вовсе не результат каких-то «преследований» и «гонений».

— Мои впечатления о жизни в СССР? О том, как люди живут?

Лицо отца Димитрия становится задумчивым. Он оставил навсегда родную Волынь в 1930 году. Его невозможно слушать без волнения. Обо всем этом читали, не раз слышали. И все же всякий раз это трогает душу. И переполняет ее чувством великой гордости за те исторические свершения, к которым причастны наши отцы, деды, да и мы тоже. Мы видим глазами отца Димитрия нищие западноукраинские села начала тридцатых годов.

— А сейчас я смотрю на людей — и радуюсь: жизнь стала совсем иной. Я ходил по Виннице, по Одессе. Видел довольных людей, добротно одетых, хорошо живущих, в общем, по-настоящему счастливых. Разве можно сравнить с тем, что было?

Надо было видеть лицо отца Димитрия, когда он говорил об этом, — доброе лицо человека, радующегося счастью своих земляков.

Кто-то из нас пошутил: вот такие бы правдивые слова печатали о нас западные газеты, передавали «голоса». А не выступления деятелей типа митрополита Мстислава... Кстати, знает ли его отец Димитрий? Того самого, которого гитлеровцы привезли с собой в оккупированный Ровно, того Мстислава, который проповедями и печатным словом прославлял Адольфа Гитлера, а теперь нашел прибежище в Америке?

— Я его лично знаю. Как-то он приезжал в Канаду. Его настоящее имя Сте-

пан Скрыпник. Племянник Петлюры и его личный адъютант.

Мы слушаем. Сколько же ненависти к нам в том дряхлом петлюровце, митрополите Мстиславе, предателе украинского народа, гитлеровском холоу и «духовном» прислужнике американской реакции, в свое время открыто восхвалявшем гитлеровский «новый порядок в Европе». Мы ждем от отца Димитрия подробного рассказа о Степане-Мстиславе Скрыпнике. Но наш канадский гость ограничился лишь тремя словами:

— Это настоящий бандит.

Мы вспоминаем, что не так давно митрополит Мстислав грозил анафемой проживающим за рубежом украинцам, если они «без его согласия осмелятся даже посмотреть в сторону Советской Украины».

— Но ведь вы, отец Димитрий, не только посмотрели в сторону Советской Украины, но даже решили сюда приехать? Не боитесь анафемы?

Все улыбаются. Улыбаются отец Леонид и отец Василий. Улыбается и отец Димитрий.

— Его анафема недействительна. Он самозванец. Мстислав не имеет права быть ни священником, ни тем более митрополитом. Он не епископ, он самосвят, — поясняет отец Димитрий.

И хотя для нас, атеистов, это не имеет значения, мы понимаем: когда «самосвят» решает говорить с верующими как представитель бога на земле, то это оскорбляет их религиозные чувства.

Итак, во-первых, бандит, во-вторых, самосвят. В-третьих, добавим мы, махровый буржуазный националист. И подумалось: не то страшно, что такой человек служил и служит врагам своего народа — это естественно для подобных типов. Страшно то, что такие вот самозванцы все еще оказывают влияние на некоторых верующих за рубежом, пытаются отравить их сознание ядом ненависти к нашей стране, к русскому народу, к Советской Украине.

— Отец Димитрий, не так давно националистическая газета «Гомін», издающаяся в США, писала о новой «возможности» создания самостоятельной буржуазно-националистической Украины: «Надвигающаяся на мир угроза мировой войны воспринимается как еще один, может быть последний, самый счастливый (подчеркнуто мной. — П. К.) для нас повод... Если даже в этой войне погибнет половина человечества или больше, на наш взгляд, это не будет слишком большой ценой». Что вы об этом скажете?

Отец Димитрий молчит. Трудно поверить, что люди могут такое писать. Хотя нечто похожее провозглашают маоисты.

— Писать все можно... — говорит отец Димитрий. Он не спешит, подбирает слова. — Но чем больше они ругают русский народ, Советское правительство или русскую православную церковь, тем более по душе их газета врагам СССР, людям типа Мстислава... Это не только в Штатах, — продолжает отец Димитрий, — в Канаде тоже есть такой митрополит — Андрей. При нем, как и при старом митрополите Илларионе, — отец Димитрий находит точное украинское слово, — кубло бандеровцев. Они диктуют ему все, что он должен делать.

— То есть — своеобразный идейный диктат?

— Именно так, идейный диктат, — подтверждает наш гость. — Молодежь воспитывают в страшной вражде про-

тив русских. Многие украинцы, — продолжает отец Димитрий, — и верующие в том числе, живущие в Канаде, с удовольствием посещают Советскую Украину. Но есть и такие люди — «самостийники» или те, на кого они давят, которые приедут в СССР, увидят все то, что я здесь увидел, вернутся и скажут, что... ничего такого нет.

Да, о существовании таких людей нам известно. Мы знаем, что это клеветники, обманщики. Они хотели бы использовать религию как оружие в идеологической борьбе против советского и других братских народов. Их бесит морально-политическое единство социалистического общества. Их бесит, что основная масса верующих в нашей стране любит свою Родину.

Наши недруги, выдавая желаемое за действительное, без устали твердят о каком-то неравноправном положении верующих в социалистических государствах.

Беседа со священнослужителем из Канады еще раз доказывает: доброжелательно настроенные люди Запада, приезжающие в СССР, уже самой констатацией реальных фактов нашей жизни опровергают эти досужие вымыслы.

На прощание мы спросили нашего собеседника, не согласится ли он выступить по телевидению.

— Нет, не стоит, — говорит отец Димитрий, — стар я уже для выступлений. Лучше напишите о нашей беседе.

Что мы и делаем.

Г. О д е с с а

З. БАЛЕВИЦ,
кандидат
исторических наук

„ГОВОРIT РАДИО ВАТИКАНА...“

РЕАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ, воплотивший в жизнь лучшие гуманистические идеалы, все в большей степени овладевает умами и сердцами людей во всех уголках земного шара. Его притягательная сила растет вопреки усилиям наших недругов, их тщетным попыткам очернить новый строй, преобразующий мир и самого человека. Идея всестороннего развития личности, раскрытия ее творческих способностей ныне нашла свое отражение даже в богословии: вчерашний «раб божий» превратился в партнера, соучастника бога в процессе творения. Об актуальности этой проблемы для современных церквей свидетельствует хотя бы тот факт, что ей, по сути, посвящена и первая энциклика нового папы римского Иоанна-Павла II «Редemptor hominis» («Искупитель человека», март 1979 г.), утверждающая, будто Христос присутствует в «каждом человеке нашей планеты».

Анафемы уходят в прошлое не потому, что отпала в них нужда, а потому, что они стали неэффективными. Отсюда — и поворот к «религии любви», и предпринимаемые кое-где попытки восстановить революционно-демократический дух раннего христианства в форме «теологии освобождения», «теологии революции» и тому подобных течений. Большинство иерархов в своих выступлениях уже предают забвению политику «холодной войны», вражды и ненависти под флагом религии, проводившуюся печальной памяти папой Пием XII в уповании на ядерную мощь Запада. Прошло немало времени, пока церковь осознала, что ее оружие — оружие духовное, «оружие слова и любви» («Редemptor hominis», п. 16), пока она стала считать борьбу за мир и взаимопонимание, за сотрудничество между людьми тоже одной из своих задач. Конечно, призывы совместно со всеми людьми доброй воли строить «цивилизацию любви», проявлять искреннюю заботу обо всем, что способствует духовному росту и всестороннему развитию личности, дает значительно больше шансов продлить существование религии, смягчить остроту ее кризиса.

Однако люди в нашем веке привыкли сопоставлять слова с делами, и от их взгляда не может укрыться, как медо-

вые слова о «религии любви» то и дело сдвигаются полуправдой или откровенной ложью. Как это бывает, например, в передачах радио Ватикана на латышском языке. Справедливости ради следует отметить: еще в большей мере такое встречается в передачах других рупоров психологической войны и в выступлениях деятелей антисоветской эмиграции, в том числе клерикалов.

Радио Ватикана на латышском языке вещает с 1948 года. У его латышской редакции, стало быть, есть немалый опыт ведения холодной войны. И хотя ныне в передачах этой радиостанции уже не услышишь открытой апологии термоядерного шантажа и призывов к «освобождению» Советской Латвии, однако нотки нагнетания международной напряженности, злобы и ненависти ко всему советскому нет-нет да и прорываются через елеиную завесу «духа правды и любви», провозглашенного в энцикликах и выступлениях последних пап.

Своей основной задачей радиовещание Ватикана считает миссионерство.

Однако на практике реакционные идеологи латышской эмиграции — впрочем, так же, как и их собратья-эмигранты из других социалистических стран и советских республик, — отвергают «дипломатические тонкости» официального курса Ватикана, используя время, отведенное им его радиостанцией, не только для поддержания религиозного духа. И они вставляют в рубрики «Церковные известия», «Вести из Рима и разных стран мира» всякого рода слухи и наветы, провокационные фальшивки, поставляемые спецслужбами психологической войны. Или же под видом поисков «духовных основ творчества» запускают в эфир антисоветские пасквилы, состряпанные людьми, которым чужды понятия о Родине, чести и совести.

Таким образом получается, что на деле в программах радио Ватикана пропаганда его миротворческой деятельности приучливо сочетается с сочувственными сообщениями о потугах реакционных кругов помешать разрядке напряженности, возродить дух «холодной войны». В частности, систематические радиобзоры политической деятельности латышских эмигрантов и их печатных изданий сопровождаются вся-

кого рода антисоветскими выпадами и инсинуациями.

Впрочем, само содержание этих передач как в зеркале отражает роль религии в современной идеологической борьбе, методы злоупотребления ею в политических целях.

Латышская редакция радио Ватикана, например, явно не считается с известной установкой II Ватиканского собора, объявляющей церковь не связанной с каким-либо одним общественным строем. Разумеется, передачи, которые готовит эта редакция, адресованы не только католикам Советской Латвии, но и эмигрантам, по злой воле гитлеровских оккупантов и их приспешников — буржуазных националистов — рассеяным по разным странам. Кстати, именно эти люди и являются слушателями таких передач, ибо, в отличие от католиков Советской Латвии, они, как правило, лишены возможности регулярно посещать богослужения и проповеди на родном языке.

Но можно ли проповедовать «религию любви» и одновременно сеять недоверие, ненависть к строю, идейное влияние которого на современный мир заставило церковь воскресить это раннехристианское направление? Можно ли говорить об озабоченности всем, что тормозит духовный рост личности, и одновременно упорно «не замечать» становление нового человека в социалистическом обществе, нравственной атмосферой которого восхищаются даже объективные буржуазные наблюдатели.

Латышская же редакция радио Ватикана за многие годы лишь однажды, осуждая бурный рост разводов в мире капитала, вынуждена была признать, что, в отличие от Запада, в социалистическом обществе нет «свободы» от ответственности за семью. Дело в том, что римская церковь ныне широко рекламирует себя защитницей устоев семейной жизни, выносит вопросы семьи и брака на обсуждение очередного ватиканского синода епископов, который состоится в 1980 году.

В целом же было бы тщетно искать в латышских передачах радио Ватикана хотя бы минимум объективности в оценке того, что происходит в СССР и других странах социалистического содружества, или проводимой ими внеш-

ней политики. Да и чего ждать от людей, которые в пылу такого, с позволения сказать, «миссионерства» называют (например, в передаче от 23 июня 1979 г.) общество, в котором господствует научно-материалистическое мировоззрение, не иначе, как «обществом вырожденцев». Как тут не вспомнить афоризм латышского писателя прошлого века Рейниса Каудзита: «Очки религиозной веры различают только две краски: все, что ее, — белое, все, что не ее, — черное».

Людей, способных чернить святая святых — Родину, вряд ли можно в чем-то убедить: ведь это те, о ком еще в старину говорили — без роду, без племен... Однако их усердие заслуживает внимания: где же найти еще более яркую иллюстрацию той тенденциозности, к которой может привести — и приводит — ослепленность антикоммунизмом.

Но, спрашивается, кого же еще рассчитывают поймать на удочку своей елейно-националистической пропаганды эти отщепенцы, пользующиеся услугами ватиканского радио? Для того чтобы это понять, нам придется проделывать небольшой экскурс в прошлое.

Для досоветской Латвии были характерны не только экономическая отсталость и культурный застой, но и своеобразное деление граждан на две категории. К низшей в основном относились трудящиеся население юго-восточной части страны — Латгалии, где исторически был распространен католицизм. Страдая от безземелья, население этого края поставляло дешевую рабочую силу кулацким хозяйствам остальных частей Латвии, где преобладало лютеранство. В годы буржуазно-националистической власти господствующий класс насаждал высокомерное отношение не только к латвийскому населению, но даже к латгальцам, которых он третировал как «темных католиков».

Но трудовой народ Латгалии стойко сопротивлялся этим попыткам разжечь неприязнь, расколоть единство трудящихся различных национальностей в борьбе за свои права и человеческое достоинство. Католическая церковь в Латвии в 20—30-е годы была вынуждена считаться с тем, что ее паства состояла не только из латышей, но и из литовцев и поляков, и даже оказывала некоторое сопротивление курсу на сращивание религии и национализма, поддержанному лютеранским духовенством. В частности, власти были недовольны тем, что латгальские ксендзы противодействовали массовому празднованию Лиго — латышского варианта языческого славянского земледельческого праздника ивана дня (Ивана Купалы) 24 июня,

которому буржуазия пыталась придать националистическую окраску.

Ныне же накануне этого дня латышская редакция радио Ватикана исправно передает песни, объявленные ксендзами до войны «языческими», а национализм — опять же вопреки официальному отмежеванию Ватикана от расизма — давно взят этими радиопроповедниками на вооружение. В религиозной и национальной ограниченности реакционеры усматривают спасение от углубляющегося кризиса религии. Восхваляя древний праздник Лиго, радио Ватикана скромно умалчивает о былых упорных попытках церкви искоренить этот обычай, зато превозносит его отсталые, националистические черты. Так на деле осуществляется иезуитский принцип «цель оправдывает средства».

Вообще надо сказать, что этот принцип явно пронизывает собой всю деятельность латышской редакции радио Ватикана. Тенденциозное восхваление патриархальных традиций прошлого, непомерное преувеличение былой религиозности, бездоказательные «опровержения» работ по истории религии и церкви, выходящих в Советской Латвии, то и дело звучат в ее передачах. Впрочем, сегодня столь явное искажение истории может быть принято за чистую монету только людьми, давно порвавшими с Родиной, то есть эмигрантами. Среди католиков в Советской Латвии теперь днем с огнем не сыскать людей, тоскующих по «добрым старым временам», расписываемым ватиканскими радиопропагандистами. Советская власть, принеся с собой социальное равенство и братство всех народов, подлинную свободу совести, не только позволила латгальцам впервые в истории покончить с вековой социально-экономической отсталостью и былым неравноправным положением, но и осознать свое достоинство творцов новой жизни.

После вступления на папский престол Иоанна-Павла II радио Ватикана явно усилило попытки противодействовать закономерному процессу отмирания религии в социалистическом обществе. Причины этого можно толковать по-разному. Факт избрания римским первосвященником кардинала из социалистической страны опроверг клеветнический миф о существовании там «церкви молчания». Сопровождавшие папу во время его визита в Польшу (июнь 1979 г.) западные журналисты «открыли» здесь религиозность, свободную от ханжества и показухи, свойственной приходам буржуазного мира. Они убедились, что сама религиозность при социализме — уже иная, чем в узкокорыстном западном «обществе потребления», где религия — показатель лояльности граж-

дан, разуверившихся в идеалах и принимающих ее как «сердце бессердечного мира... дух бездушных порядков»¹.

Кстати, новый глава католической церкви усиленно рекламирует именно тот тип религиозности, который существует в условиях социалистического общества, забывая, однако, что было бы тщетно механически переносить его в «свободный мир», где нет подлинной духовной свободы, свободы сознательного выбора между религией и атеизмом. На встрече с преподавателями и студентами католического университета в Люблине 6 июня 1979 года он говорил о том, что люди, мировоззрение которых определяется конъюнктурными соображениями и которые выбирают его исходя не из голоса собственной совести, — эти люди опасны и не нужны ни церкви, ни, как он выразился, «противной стороне». Известны также неоднократные заверения папы, что церковь не требует для себя привилегий. Непонятно только, как все эти заявления связать с утверждениями, будто свобода атеистической пропаганды равнозначна ущемлению свободы совести. Наоборот, именно она создает необходимые предпосылки для сознательного выбора между религией и атеизмом.

А тем временем латышская редакция радио Ватикана, как и прежде, продолжает сдобривать свои передачи дезинформацией о мнимом ущемлении свободы совести в Советской Латвии, назойливо приписывая нашим атеистам методы, категорически отвергнутые марксизмом-ленинизмом. Еще Ф. Энгельс справедливо отмечал: «Одно несомненно: единственная услуга, которую в наше время можно еще оказать богу, — это провозгласить атеизм принудительным символом веры»². Эту услугу идеи бога советские атеисты не собираются оказывать. Их благородная деятельность направлена не на принуждение, а на духовное раскрепощение.

«Говорит радио Ватикана...» — звучит каждый вечер в эфире. С этой сакраментальной фразы начинаются передачи, в которых «дух правды и любви» заглушается духом «холодной войны», столь близким реакционным силам латышской эмиграции. Такие передачи лишь дискредитируют религию в глазах верующих трудящихся. Но комментаторы из латышской редакции радио Ватикана продолжают уныло твердить свое. Г. Рига

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 415.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 514.

СО ВСЕГО СВЕТА

«ДОСТОЯНИЙ» ПРИМЕР

● 67-летний баптистский пастор Дж. Вульф из Лас-Вегаса (США) недавно торжественно отпраздновал свое двадцатое бракосочетание. На вопрос репортера, как согласуется такое количество браков с моралью, которую он проповедует, «новобрачный» ответил: «Вполне согласуется, так как я делаю это из доброты сердечной и страждущим девам, помогая им обрести семейный очаг и ребенка». Последней жене «добросердечного» священника 19 лет, а его стар-

шей дочери — 45. От всех браков у Вульфа 35 детей.

ПРОТОКОЛ ПРОТОКОЛОМ...

● В Саудовской Аравии тщательно следят за неукоснительным соблюдением всех канонов ислама. Это приводит порой к курьезным ситуациям. Например, в аэропорту столицы Эр-Рияда по случаю прибытия одного высокопоставленного гостя уже стояла наготове почетный караул, большой военный оркестр и многочисленные встречающие, но самолет несколько задержался, и в момент его при-

земления наступил строго регламентированный час дневной молитвы. Несмотря на дипломатический протокол, как только послышались призывные вопли муэдзина, все было отложено в сторону, в том числе карабины, сабли, духовые инструменты, и присутствовавшие прямо на асфальте преклонили колени и предались молитве. Гостям пришлось подождать...

«РОКОВОЕ» ЧИСЛО

● Миссис Мэгги Хамфри из Нью-Йорка после одного происшествия, случившегося

с нею 13 числа, твердо решила впредь никогда в такой день не только не выходить из дому, но даже не подниматься с кровати. Именно постель представлялась ей самым надежным прибежищем от «козней дьявола». Но когда эта дама впервые исполнила свой обет и не поднималась весь день с кровати, та вдруг повалилась под ней. В итоге миссис Хамфри попала в больницу со сломанной ногой. «И есть еще на свете чудaki, которые сомневаются в существовании нечистой силы!..»

А. Алимжанов. ВОЗВРАЩЕНИЕ УЧИТЕЛЯ, ИЛИ ПОВЕСТЬ О СКИТАНИЯХ АБУ НАСРА МУХАММЕДА ИБН МУХАММЕДА ИБН ТАРХАНА ИБН УЗЛАГ АЛЬ-ФАРАВИ АТ-ТУРКИ. М., «Советский писатель», 1979, 240 стр., 30 000 экз., 75 коп.

Книга известного казахского писателя переносит нас в эпоху средневековья. Место действия — города Средней Азии и Ближнего Востока. Здесь создавал свои трактаты и утопии главный герой повести аль-Фараби, прозванный за глубокий ум и обширные знания Вторым учителем (после Аристотеля). Писатель создает впечатляющий образ выдающегося ученого-просветителя.

«АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ШКОЛЕ». Вопросы теории и практики. М., «Педагогика», 1979, 200 стр., 40 000 экз., 50 коп.

Главное внимание в книге уделено формированию научно-атеистического мировоззрения учащихся в процессе обучения и во внеурочное время, а также атеистическому воспитанию в семье. Показаны пути преодоления воздействия на детей религиозных пережитков.

Л. Дойель. ПОЛЕТ В ПРОШЛОЕ (по следам исчезнувших культур Востока). Пер. с англ. М., «Наука», 1979, 296 стр. с илл., 30 000 экз., 1 руб.

Местоположение многих памятников древности можно установить только путем наблюдения с высоты. Воздушная разведка стала незаменимой для археологов. В книге подробно прослеживается история воздушной археологии с момента ее зарождения до конца 60-х годов XX в. Отрывок из этой книги был опубликован в нашем журнале № 5 за 1979 г.

Ж. Орлова. ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ. Атеистические очерки. М., «Молодая гвардия», 1979, 144 стр. с илл., 100 000 экз., 45 коп.

Книга атеистических очерков посвящена отдельным историческим личностям и нашим современникам. Автора интересует конкретная человеческая жизнь, искаленная гнетом вековых предрассудков, человек, страдающий от догматики и религиозной морали.

В. В. Соколов. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФИЛОСОФИЯ. М., «Высшая школа», 1979, 448 стр. с илл., 40 000 экз., 1 руб. 10 коп.

Книга представляет собой первый на русском языке систематический курс истории средневековой философии. В ней рассматриваются процесс зарождения и развития христианской философии (патристики) в условиях античности (I—V вв.), возникновение и развитие схоластической философии в Европе в эпоху раннего средневековья (VI—XII вв.), основные идеи средневековой философии в ближневосточных странах, расцвет и закат схоластической философии в Европе в XIII—XIV вв.

Н. Н. Поташинская. КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ИТА-

ЛИИ. М., «Наука», 1979, 255 стр., 1 600 экз., 2 руб. 20 коп.

В монографии освещается эволюция католического рабочего движения в Италии от его зарождения до выборов 1976 г. Автор рассматривает вопросы единства трудящихся католиков с другими течениями рабочего и профсоюзного движения, показывает рост влияния ИКП на трудящихся католиков.

В. Харазов. ТРУДНЫЕ ИСТИНЫ БЫТИЯ. М., Политиздат, 1979, 176 стр., 100 000 экз., 30 коп.

Это книга о нелегких судьбах людей, которые многие годы посвятили религиозным исканиям, но сумели найти истину, обрести свое счастье в земной жизни. Герои книги не выдуманы. Они живут и трудятся рядом с нами, что придает повествованию особую достоверность и убедительность.

Д. М. Аптекин. ФОРМИРОВАНИЕ АТЕИСТИЧЕСКОЙ УВЕРЕННОСТИ РАБОЧЕГО КЛАССА В РАЗВИТОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ. Л., Изд-во Ленинградского ун-та, 1979, 131 стр., 2 800 экз., 70 коп.

З. Мосидовский. СКАЗАНИЯ ЕВАНГЕЛИСТОВ. Изд. 2-е. Пер. с польск. М., Политиздат, 1979, 262 стр. с илл., 200 000 экз., 1 руб.

Г. М. Лившиц. АТЕИЗМ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДЕМОКРАТОВ. Минск, «Высшая школа», 1979, 303 стр., 1 000 экз., 2 руб. 90 коп.

В. К. Танчер. РЕЛИГИОЗНЫЕ ПЕРЕЖИТКИ И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ. Киев, Политиздат Украины, 1979, 152 стр., 25 000 экз., 25 коп.

«ХАХУЛЬСКАЯ ИКОНА». Альбом. Тбилиси, «Хеловиеба», 1979, 141 стр. с илл., 10 000 экз., 8 руб. 70 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

А. Ипатов. Первоначальное христианство в кривом зеркале правового ревизионизма (К вопросу о социальных функциях религии). В кн.: «Вопросы детерминизма в природе и обществе», вып. 5. Омск, 1978, стр. 104—118.

А. И. Клибанов. Послание Кампанеллы московскому государю и православному духовенству. В кн.: «Восточная Европа в древности и средневековье». М., 1978, стр. 355—361.

«Краткие сообщения Института археологии АН СССР», М., 1978, № 154. Из содержания: **А. М. Беленицкий.** Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье, стр. 31—39; **А. М. Анишев.** Идеология саков Семиречья (по материалам кургана Иссык), стр. 39—48; **Е. Е. Кузьмина.** Сюжет противоборства двух животных в искусстве азиатских степей, стр. 103—108.

Г. К. Кушанова. Естественнонаучные основы свободомыслия на средневековом Востоке. В кн.: «Материалы

республиканской научно-теоретической конференции молодых ученых и специалистов по общественным наукам», Ташкент, 1978, стр. 32—33.

З. И. Левин. Развитие арабской общественной мысли, 1817—1945. М., 1979. Из содержания: «Идея национального освобождения и ислам», стр. 110—117.

Ю. Г. Майков. Некоторые аспекты развития восточно-христианского искусства в контексте средневековой гносеологии. В кн.: «Советское искусствознание. 1977». М., 1978, вып. 2, стр. 93—121.

«Материалы и исследования по археологии СССР», Л., 1978. Из содержания: **Н. К. Началова.** К вопросу о религиозно-магических представлениях трипольских племен, стр. 22—28; **Е. И. Олтева.** О семантике ритуального башмака, стр. 86—92.

«Международный симпозиум по истории Богомилства». «Советское славяноведение», М., 1979, № 1, стр. 125—126.

Г. Парсонс. Проблема гуманистических ценностей в марксизме и христианстве. «Проблемы мира и социализма», 1979, № 7, стр. 34—37.

М. И. Римский. Проблема теодицеи в «Книге Екклесиаста». В кн.: «Вакхрушские чтения», 1978. Новосибирск, 1978, стр. 121—129.

«Формирование коммунистического мировоззрения школьников». М., 1978. Из содержания: **П. К. Курочкин.** Роль научно-материалистического атеистического мировоззрения в процессе формирования нового человека, стр. 85—93; **Ю. С. Гуров.** Структура научно-атеистического мировоззрения, стр. 94—95; **И. А. Галицкая.** Атеистическое воспитание школьников. Опыт и проблемы, стр. 96—101; **Г. С. Лялина.** Об особенностях атеистической работы с детьми из семей евангельских христиан-баптистов, стр. 102—108.

Ю. А. Школенко. Философские аспекты проблемы внеземных цивилизаций. «Философские науки», 1979, № 4, стр. 134—137.

Л. П. Шорохов. Узники сибирских монастырей в XVIII веке. В кн.: «Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII—нач. XX в.)». Новосибирск, 1978, стр. 294—307.

И. И. Штерн. Трактовки экономики социализма в послевенной клирической литературе. В кн.: «Буржуазные и мелкобуржуазные экономические теории социализма (после второй мировой войны)». М., 1978, стр. 176—190.

И. Д. Эйнгорн. Реакционная роль духовенства в классовой борьбе сибирской деревни конца 20-х годов. В кн.: «Классовая борьба в сибирской деревне в период построения социализма». Новосибирск, 1978, стр. 78—85.

В. Г. Эрман. Рецензия на кн.: «Ригведа. Избранные гимны» и «Атхарва-веда. Избранное», «Народы Азии и Африки», 1978, № 5, стр. 215—220.

АНГЕЛЫ ОБЯЗАНЫ ГОВОРИТЬ
КРЫЛАТЫМИ ФРАЗАМИ.

ГРЕШИТЕ ПО-БОЖЕСКИ!

ЗАБЛУДШУЮ ОВЦУ СВЯТЫЕ ОТЦЫ
ПРЕДПОЧИТАЮТ ВСЕМ ОСТАЛЬНЫМ.

СКОЛЬКО НАКИПЕЛО НА ДУШЕ У
ВАРЯЩИХСЯ В СМОЛЕ ГРЕШНИКОВ!

Владимир ЛОМАНЫЯ
Ленинград



КОГДА ЧЕРТЫ ЦЕЛУЮТСЯ С ВЕДЬМАМИ,
БОГ ЗАКРЫВАЕТ ПЕРЕД АНГЕЛАМИ
СТАВНИ.

Бронюс ЯУНИШКИС
г. Вильнюс

КУРИТЕ ФИМИАМ В СПЕЦИАЛЬНО
ОТВЕДЕННЫХ МЕСТАХ.

САМАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ЧАСТЬ РЕЧИ —
ПРИЧАСТИЕ.

У КОГО НАЙДЕТСЯ СТОЛЬКО БЛАГИХ
НАМЕРЕНИЙ, ЧТОБЫ ВЫМОСТИТЬ
ДОРОГУ В РАЙ?

Владимир КОЛЕЧИЦКИЙ



КРУТИЦКИЙ НАДВРАТНЫЙ ТЕРЕМОК
(1694 г.).

ОБЛИЦОВКА КРУТИЦКОГО ТЕРЕМКА.



ИЗРАЗЦЫ С ПАРАПЕТОВ МОСТОВОЙ БАШНИ.

ПОЛИХРОМНЫЕ ИЗРАЗЦЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПТИЦ — УКРАШЕНИЕ МОСТОВОЙ БАШНИ В ИЗМАЙЛОВЕ (1671 г.).

Фото С. В. Склезнева.

ЗАВЕРШАЯ ГОД РЕБЕНКА

Очерки о ленинском отношении к детям, заботе о них Советской власти.

ЧТО ОБО МНЕ СКАЖУТ?..

Поступки человека, стиль жизни, поведение во многом зависят от его ориентировок на общественное мнение. О том, как оно формируется в Северной Осетии, рассказывает в своей статье кандидат философских наук **З. БУЛАЦЕВА**.

ОТКУДА ПОШЛО КРЕЩЕНИЕ

Об истоках крещения в русском православии, об обряде крестин и его истинной сути — статья кандидата исторических наук **Г. НОСОВОЙ**.

СТАРЫЕ И НОВЫЕ МИФЫ

О том, как на Западе пытаются использовать религию в политических целях, о современных фальсификаторах социалистического принципа свободы совести говорится в статье доктора философских наук, профессора **М. НОВИКОВА** и кандидата философских наук **З. ТРОФИМОВОЙ**.

ЭКОЛОГИЯ И ТЕОЛОГИЯ

— такова тема статьи кандидата философских наук **Ю. ШКОЛЕНКО**, посвященной проблемам сохранения окружающей среды, экологической морали природы и толкованию этих вопросов защитниками религии.

ТРИЗНА

Отрывок из нового романа ленинградского писателя **А. ЕЛЬЯНОВА** «На золотом крыльце».

ЛИВАН... События в этой стране волнуют всех, кто стремится к миру и процветанию народов. Об этих событиях, их сущности и движущих силах говорится в очерке журналиста **А. Остальского** «КРИЗИС ПРОДОЛЖАЕТСЯ».